

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Котов Дмитрий Алексеевич

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК
ПОКАЗАТЕЛЬ ОЦЕНКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ РЕГИОНА

5.4.2. Экономическая социология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель

Тюриков Александр Георгиевич,
доктор социологических наук, профессор

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Социальная напряженность как объект социологического анализа.	18
1.1 Методологические проблемы исследования социальной напряженности в современных условиях.....	18
1.2 Компаративистский анализ существующих подходов и методов измерения социальной напряженности	59
1.3 Концептуальная модель социологического анализа социальной напряженности на региональном уровне	85
Глава 2 Социальная напряженность и социально-экономическая ситуация региона: состояние, структура, динамика, модель	108
2.1 Факторы региональной социальной напряженности и их связь с социально-экономической ситуацией.....	108
2.2 Состояние и динамика социальной напряженности как показатель социально-экономической ситуации региона (на примере города Красноярска).....	122
2.3 Взаимосвязь сетевых инструментов, социальной напряженности и социально-экономической ситуации в регионе	148
Заключение	168
Список литературы	171

Введение

Актуальность темы исследования. Первые упоминания вопросов, связанных с напряжениями в обществе, и их обусловленность социальными, экономическими, политическими и иными факторами, встречаются еще в XIX веке. Постепенно развиваясь, тема напряжений в обществе стала привлекать все большее внимание исследователей в рамках основных социологических подходов. С середины XX века внимание к изучению напряжений и конфликтов в обществе со стороны зарубежных исследователей стало увеличиваться, что дало существенный толчок к развитию понимания процессов, лежащих в основе этих явлений. В отечественной науке данное направление получило развитие только к концу 80-х годов прошлого века, когда в обществе усилились дезинтеграционные процессы, выдвинувшие проблему социальных напряжений на первые места. В то же время, несмотря на выход проблемы на первые места, остаются значительные пробелы в понимании этого сложного и многокомпонентного явления, являющегося результатом действия многочисленных социальных и социально-психологических процессов, связанных тем, что зачастую они рассматриваются без учета сложного, комплексного характера этого явления.

Социальные напряжения играют важную роль в жизни людей, влияя на их поведение в различных областях. Они зависят от соответствия социальных ожиданий, социального статуса, личных ценностей и убеждений с общественной ситуацией. Увеличение разрыва между богатыми и бедными, неопределенность в будущем, атомизация общества и возможные угрозы создают негативное воздействие на население в результате современных социально-политических и социально-экономических процессов. Они ведут к росту социальной напряженности, которая делает жизнь людей все менее комфортной и является предвестником изменений и конфликтов. Соппротивление накоплению напряжения, имеет значение для каждого человека, и зачастую придает смысл действиям людей [200]. А приобретая

массовый характер способно оказывать влияние на государственные институты и политику. Такое влияние часто имеет негативный характер для общества, что формирует новые вызовы перед государством, ставя под угрозу его стабильное существование.

Развитие современных технологий управления обществом, включающие политические технологии формирования общественного мнения, уже сейчас используется для создания напряжений в отдельных регионах планеты, суверенных государствах или их частях. В нашей стране также есть соответствующие изменения. Несмотря на ограниченный уровень протестных настроений в обществе, протестная активность становится более целенаправленной и социально мотивированной. Складывающаяся ситуация социальной напряженности, вкупе с нестабильной экономической обстановкой, открывает широкие возможности для управления политическими процессами, манипулируя поведением людей. Такие манипуляции представляют особую опасность и, в крайнем случае, могут привести к социально-политическим конфликтам и войнам.

Усиливающийся контроль информационного пространства со стороны государства и правоохранительных структур, в то же время не дает возможности диагностики социальной напряженности, что ведет к накоплению латентных очагов, обладающих значительным конфликтным потенциалом. В то время как в постоянно меняющемся мире, диагностика и регулирование социальной напряженности, является одной из важнейших задач на пути стабилизации как социально-экономической, так и социально-политической системы нашего государства, а понимание закономерностей формирования социальной напряженности несет вклад в понимание социальных процессов, и позволит избежать губительных социальных взрывов и конфликтов. Проявления социальной напряженности могут приобретать различные формы, которые будут меняться в зависимости от характера и направленности общественных настроений. Протестная активность является результатом накопления напряжений и объединяет в себе

наиболее сильные формы социальной напряженности, которые при дальнейшем развитии могут провоцировать возникновение социальных конфликтов. Возникновение таких активных проявлений социальной напряженности может происходить как спонтанно, через самоорганизацию групп населения, так и искусственно, позволяя целенаправленно формировать эту активность. Таким образом, раннее обнаружение социальной напряженности, ее причин, ключевых факторов, акторов и принимаемых форм, может дополнить инструменты управления социально-экономическим развитием и предотвратить развитие негативных сценариев для общества.

Степень разработанности темы исследования. Социальная напряженность является сложным феноменом, который изучается в различных областях, таких как социология, психология, экономика, философия и политология.

В XX веке такие ученые, как Э. Дюркгейм, Л. Козер, К. Левин, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Л. Фестингер и другие западные исследователи, изучали социальную напряженность в рамках своих научных школ и рассматривали¹⁾ в связи с дезинтеграцией, аномией, девиацией, депривацией, фрустрацией при реализации потребностей. Особенность изысканий западных исследователей заключается в том, что они, в первую очередь уделяют внимание напряжениям и тревогам, возникающим у отдельных индивидуумов. В рамках этого подхода исследователи, в своих работах пытались понять природу напряжений и выявить их источники, рассматривая различные стороны социальной и экономической деятельности, и природу человека. По мнению ученых, в качестве источников напряжений способно выступать внутреннее беспокойство, ощущение напряжений и тревог, вызванные противоречиями как биологической, так и социальной природы (Э. Дюркгейм); нарушения баланса целей и средств их достижения (Р. Мертон); социальное неравенство, подавление потребностей и инстинктов

¹⁾ Котов, Д.А. Региональный потенциал протестных настроений: модель и динамика / Д.А. Котов // Идеи и идеалы. – 2016. – № 1 (27). Том 2. –С. 72-85. – ISSN 2075-0862.

(Т. Парсонс); возникновение дефицита ресурсов различной природы: материальных, политических, власти и других (Л. Козер).

Современные зарубежные ученые посвящают изучению социальной напряженности большое количество работ, в которых анализируют различные аспекты этих явлений. Часть работ иностранных исследователей посвящен изучению этих явлений в небольших сообществах, например, профессиональных и студенческих [7; 11; 16; 21; 28]. Кроме этого, продолжают издаваться работы, посвященные влиянию факторов социальной напряженности на политические процессы стран [22; 30]. Усиление влияние миграционных факторов в Европе и Среднем Востоке, привело к тому, что последние работы зарубежных исследователей посвящены, развитию социальной напряженности у мигрантов и беженцев, покинувших свои родные страны из-за неблагоприятной экономической или политической обстановки. Переселение такого огромного количества людей, имеющих разную культуру, язык, традиции и обычаи, в европейские страны, приводит к появлению напряжений не только среди самих беженцев, но и среди коренного населения европейских стран. В работах иностранных исследователей огромное внимание уделяется источникам напряжений и тревог, и делаются попытки связать возникающие напряжения и тревоги с усиливающимися противоречиями между нормами и ценностями, падением качеством жизни [4; 5; 26].

Отечественные исследователи начали проводить работы по исследованию социальной напряженности и тревожности, начиная с конца 80-х годов, и первые работы была посвящена изучению этого явления на уровне предприятий в рамках институционального подхода. Особенностью работ отечественных исследователей является то, что они, практически не затрагивают изучение этих явлений на уровне отдельных индивидуумов, рассматривая сразу их совокупность. С развитием кризисных явлений в нашей стране возрос интерес к изучению социальной напряженности на уровне общества и крупных социальных групп. В этом контексте большое внимание

социальной напряженности уделяли: В. Рукавишников, М. Муханова, Д. Шмонин, Н. Губина, П.И. Куконков, З.И. Калугина и другие. В анализе причин социальной напряженности, отечественные ученые отводят первое место возникновению противоречий – расхождением между ожиданиями, возможностями, результатом реализации, расхождением по ценностям, установкам, образу будущего и связанного с ним беспокойства.

С развитием российской социологической науки, возрос интерес к изучению социальной напряженности сопровождаемой ее тревожностью (Аболин Л.М., Баринов Д.Н., Березин Ф.Б., Бузовский И., Витковская М.И., Орлова Е.А., Пригожий А.И., Ядов М. и другие).

В латентной форме социальная напряженность присутствует в современном социуме и способна усиливаться, когда неопределенность становится явной опасностью для удовлетворения различных потребностей и прав людей (И. Бузовский).

Источники напряжений и тревог, изучаемые исследователями по всему миру, есть и в нашей стране. В первую очередь, процессы формирования социальной напряженности затрагивают городское население. В настоящее время, в России более 74% населения проживает в городах [207]. При этом доля населения, живущего в крупных городах России, составляет свыше 30%. Высокая плотность населения и насыщенность жизни политическими и социальными событиями, вместе с высокой интенсивностью коммуникации и взаимодействия, способствуют негативным изменениям в уровне социальной напряженности, которые способны в кратчайшие сроки привести к социальным конфликтам и агрессивным действиям со стороны части населения. Город Красноярск является одним из 15 городов с количеством населения, превышающим миллион человек. Являясь одним из крупнейших промышленных центров страны и региона, Красноярск концентрирует в себе подавляющую часть общественной, политической и бизнес активности в Красноярском крае и играет важную роль в Сибирском федеральном округе. Активная политическая жизнь, широкая представленность различных

этнических групп, миграционные и социальные показатели, а также численность населения, способствует рассмотрению города Красноярска, как типового города для изучения социальных тревог и социальных напряжений. Проведение исследований социальной напряженности позволяет провести сравнение показателей города Красноярска с общероссийскими показателями социальной напряженности, что дает возможность уточнить как сходные черты, так и особенности развития изучаемых социальных явлений.

Изменения в общественно-экономической и общественно-политической обстановке создают давление на различные социальные группы. Этот вызов стоит перед правящим классом, который должен учитывать факторы напряжения и управлять социальными противоречиями для поддержания стабильности общества. Как любой процесс, социальная напряженность может изменяться под воздействием внешних факторов. Это может привести как к снижению, так и к усилению уровня напряженности и тревоги¹⁾.

Несмотря на большой объем исследований, посвященных социальной напряженности, в современном обществе появляются новые факторы социальной напряженности, которые не были или не могли быть учтены исследователями как с теоретической, методической, так и эмпирической точки зрения. Примером таких факторов или механизмов влияния на социальную напряженность могут служить сетевые инструменты, значимость которых ранее не принималась во внимание в связи с их недостаточным развитием.

Все вышеперечисленные процессы и противоречия обуславливают наличие социально-значимой проблемы: усиление социальной напряженности становится основой для формирования в обществе протестных настроений и конфликтных ситуаций, что оказывает негативное влияние на экономическую, социальную, политическую и иные сферы общества. Разработка

¹⁾ Котов, Д.А. Новые возможности регионального развития: от социальной напряженности к социальному сотрудничеству / Д.А. Котов, Н.Д. Вавилина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 102-120. – ISSN 0868-5169.

концептуальной модели и методики оценки социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона будет способствовать организации прогнозирования и регулирования уровня социальной напряженности в регионе, позволит минимизировать ее негативные последствия для экономической, социальной, политической и иных сфер жизнедеятельности ¹⁾.

Исходя из вышеописанного, существует необходимость углубления существующих знаний о социальной напряженности и создания социологической модели, позволяющей ее использование как параметр оценки и прогнозирования изменений социально-экономической ситуации региона.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования продиктована:

- 1) необходимостью научного осмысления феномена «социальная напряженность»;
- 2) научной необходимостью выявления и описания причин возникновения социальной напряженности;
- 3) необходимостью выработки эмпирических методов анализа и прогнозирования социальной напряженности для оценки социально-экономического состояния региона.

Цель исследования: оценить возможность использования социальной напряженности как показателя оценки социально-экономической ситуации региона на примере города Красноярска.

Достижение поставленной цели обуславливает решение следующих **задач:**

- 1) выявить и описать методологические проблемы исследования социальной напряженности в современных условиях и уточнить понятие социальной напряженности;

¹⁾ Котов, Д.А. Новые возможности регионального развития: от социальной напряженности к социальному сотрудничеству / Д.А. Котов, Н.Д. Вавилина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 102-120. – ISSN 0868-5169.

- 2) провести анализ существующих подходов и методов измерения социальной напряженности;
- 3) разработать авторскую концептуальную модель оценки социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона;
- 4) оценить состояние, структуру и динамику социальной напряженности на примере города Красноярска и ее использование как показателя социально-экономической ситуации региона;
- 5) разработать и апробировать методику измерения социальной напряженности в регионе;
- 6) разработать модель использования социальной напряженности для оценки социально-экономической ситуации региона
- 7) выработать рекомендации органам власти и иных субъектов деятельности региона для диагностики социальной напряженности для оценки социально-экономической ситуации региона.

Объектом исследования является социальная напряженность.

Предметом исследования является социальная напряженность как показатель социально-экономической ситуации региона.

Гипотеза исследования – социальная напряженность оказывает значительное влияние на социально-экономическую ситуацию региона, формируя экономическое поведение жителей региона, в том числе, внося изменение в привлекательность региона для жизни населения, активности бизнеса, и может служить показателем социально-экономического состояния региона. При этом, комплексный анализ факторов социальной напряженности позволяет оценивать и прогнозировать ее уровень и характеризовать изменения социально-экономического состояния региона.

Методология и методы исследования. Теоретическая и методологическая основа исследования базируется на трудах отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся изучением проблем социальной напряженности и их особенностей в социальных науках. Особое внимание уделялось попытками понимания природы социальной напряженности, в том

числе через анализ понятия социальной аномии, значения ценностей, а также рассмотрения тревог и напряжений как интегральной характеристики, отражающей состояние социальной системы. Подходы к описанию социального пространства и поля, разработанная П. Бурдьё, использовались для объединения разнородных факторов социальной напряженности.

Важными для подготовки методологической части диссертационной работы явились концепции и подходы, используемые при проведении социологических исследований, описанные В.А. Ядовым, Г.В. Осиповым, методы исследования, разработанные Т. Ахенбахом, Дж. Тейлор, Ч.Д. Спилбергером.

Эмпирические исследования подготавливались и проводились с учетом методологических принципов и идей, опубликованных в работах Г.В. Барановой, Ю.Н. Толстой, Е.В. Тучкова, П.Д. Чернобая и других, связанных со стадиями развития социальной напряженности, а также разработкой индексов и шкал модели измерения социальной напряженности.

Методы исследования:

1) Ежегодные опросы населения по оценке социально-экономической ситуации, проведенные автором в период с 2010 года по 2021 год. Целью опросов был анализ социальной напряженности. Объем выборочной совокупности каждого опроса составлял 1100 человек.

2) Качественные исследования, проведенные в тот же период, целью которых была оценка социального самочувствия. Всего проведено 5 исследований по 4 фокус-группы каждое. Общее количество участников: 200 человек;

3) Экспертные интервью, проведенные в 2021-2022 гг., целью которых была экспертная оценка предлагаемой концептуальной модели социальной напряженности и влияния социальной напряженности на экономическую и социальную сферу региона. Всего проведено 15 интервью, в которых приняли участие представители органов власти федерального и

муниципального уровня, руководители исследовательских компаний, представители СМИ и научного сообщества.

4) Контент-анализ средств массовой информации и данных социальных медиа в течение 2020-2022 гг., для выявления влияния сетевых инструментов на формирование социальной напряженности и социально-экономическое развитие региона.

5) Выборочный анализ вторичных данных размещенных в открытом доступе опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) в период с 2010 года по 2022 год, цель которых было изучение социального самочувствия и протестного потенциала населения страны. Выборочная совокупность каждого опроса составляла 1600 человек.

Информационно-эмпирическая база исследования формировалась на основе аналитических материалов федеральных и региональных органов государственной власти, данных социологических и информационно-аналитических центров (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение» и другие), статистических и иных данных исследований состояния, динамики и уровня социальной напряженности на федеральном и региональном уровне, а также данных о социально-экономическом развитии г. Красноярска.

Научная новизна исследования заключается в решении научной задачи разработки концептуальной модели и методики социологического анализа социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона, позволяющей проводить ее интегральную оценку и прогноз с учетом различных уровней возникающих напряжений.

Положения, выносимые на защиту:

1) Уточнено сущностное определение понятия «социальная напряженность» – это явление, появляющееся при расхождении между желаемым и действительным социально-экономическим положением индивида и социальных групп, проживающих на определенной территории, и

вливающее на их социальную, экономическую и политическую активность и характеризующееся значительным обострением внутренних противоречий, которые вызваны как объективными, так и субъективными причинами. Социальная, экономическая и политическая активность индивида и социальных групп может проявляться через реакции на выявленные ими расхождения, выражающиеся в изменении экономического поведения (поведение на рынке труда, смена шаблонов потребительского поведения и другие), изменении социального (изменение отношение к нормам и ценностям, формирование новых или трансформация старых норм и ценностей) и политического поведения (недовольство властью, участие в акциях протеста в тех или иных формах, в том числе, готовность в них участвовать) (С. 58–59).

2) Разработана концептуальная модель социологического анализа социальной напряженности как показателя социально-экономического состояния региона, которая позволяет оценить уровень социальной напряженности и ее воздействие на социально-экономическое положение населения через совокупность взаимосвязанных сил и полей: экономики, политики, информации, экологии, культуры, социального и поля межнациональных отношений. Изменение сил внутри полей и пересечение полей приводят к изменению уровня социальной напряженности. Сетевые инструменты, поля и принадлежащие им силы формируют внешние факторы напряженности, воздействующие на индивида, а индивид (социальная группа), в свою очередь, является носителем внутренних факторов напряженности (С. 85–100).

3) Обосновано, что социальная напряженность перманентно присутствует на фоновом уровне в текущих социальных, экономических, культурных и политических условиях, динамика которой детерминирована совокупностью факторов, способных приводить к росту или снижению ее уровня. Факторы формирования социальной напряженности взаимосвязаны друг с другом и взаимодействуя способны как стабилизировать фоновый уровень, так и приводить к усилению социальной напряженности. При этом, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, наибольшей

силой обладают факторы, оказывающие влияние на личную безопасность индивида (социальных групп) (С. 112–119).

4) На основе комплексного социологического исследования выявлено, что состояние социальной напряженности характеризуется повышенным уровнем от фоновых значений, на который в первую очередь оказывают влияние факторы, связанные с ESG-концепцией управления устойчивым развитием: экономические, социальные и экологические события или действия, при условии, если они усиливают разрыв между оценкой самоорганизующихся индивидов (социальных групп) (или извне их организуемых) текущего положения и желаемым состоянием, в том числе посредством сетевых инструментов управления общественным мнением, которые значимы для обеспечения эффективной коммуникации между органами власти и населением (С. 119–122; 134-139).

5) Обосновано, что социальная напряженность как интегрированный показатель отражает социально-экономическое состояние региона и меняет экономическое поведение населения, активность представителей бизнеса и власти, СМИ, общественных и профессиональных сообществ как внутри региона, так и во вне. Изменение социальной напряженности приводит к пересмотру населением своего экономического поведения, изменению расходов и доходов, владения собственностью. Инвестиционная активность власти и бизнеса снижается, снижается инвестиционная привлекательность и ухудшается климат в регионе, если текущий уровень социальной напряженности повышает риски невозврата инвестиций (С. 133–134).

6) Разработана модель оценки социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона, разработана на основе объединения аналитических возможностей количественных (опросные методы, контент-анализ, экспертные интервью) и качественных методов (глубинные интервью, фокус-группы) методов, а также анализа сетевых инструментов. Синергетический эффект от использования данных методов, позволяет органам власти и иным заинтересованным сторонам, выявлять сложившиеся противоречия через использование модели как основу системы ранней диагностики и прогнозирования социальной напряженности с

применением комплексного исследовательского и вырабатывать решения, в том числе для коммуникационного сопровождения текущей политики и принимаемых решений по разрешению возможных и имеющихся кризисных ситуаций. Такая модель учитывает, как объективные факторы, так и субъективные оценки населения о влиянии факторов на социальную напряженность (экономических, социальных, экологических и иных факторов), что дает возможность всесторонней оценки социально-экономического состояния региона (С. 188–189).

7) Разработана и апробирована методика измерения социальной напряженности в регионе, которая включает в себя самооценку индивидами социальной ситуации, уровня материального благополучия, ожидания от ближайшего будущего, одобрения деятельности органов власти и их представителей, уровень протестной активности и другие аспекты, которая позволит органам государственной и муниципальной власти эффективно диагностировать уровень глубины и масштаб социальной напряженности, прогнозировать ее изменение и выстраивать эффективную коммуникацию с населением для снижения негативного влияния высокого уровня социальной напряженности на социальную и экономическую ситуацию в регионе, в том числе используя сетевые инструменты коммуникации (С. 134–148).

Теоретическая значимость работы заключается в развитии положений экономической социологии в части уточнения сущности, содержания и структуры социальной напряженности, разработке модели социологического анализа социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона, а также в выявлении и описании методологических проблем исследования социальной напряженности в современных условиях.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения разработанной модели и методики измерения социальной напряженности как показателя социально-экономической ситуации региона. Основные положения диссертации могут быть использованы органами государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне для мониторинга, а также анализа и прогнозирования уровня социальной

напряженности. Результаты исследования использовались администрацией города Красноярск для оценки влияния негативных факторов на социально-экономическую и социально-политическую обстановку в регионе. Кроме этого, результаты данного исследования могут быть применены в учебном процессе при преподавании социологических дисциплин.

Область исследования диссертации соответствует п. 1. «Социальные закономерности экономического развития», п. 3. «Социальная эффективность экономических решений» и п. 7. «Девиантное поведение в экономике» Паспорта научной специальности 5.4.2. Экономическая социология (социологические науки).

Личный вклад соискателя состоит в разработке подходов к анализу социальной напряженности и концептуальной модели ее изучения, использовании материалов исследования для информирования органов власти о необходимости принятия управленческих решений по снижению уровня социальной напряженности на исследуемой территории.

В рамках апробации результаты исследования представлены на следующих конференциях и мероприятиях: на XII Международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и аспирантов «Наука. Университет» (г. Новосибирск, Новый сибирский институт, 16-20 апреля 2011 г.); на XIII Международной научной конференции «Наука. Университет» (г. Новосибирск, Новый сибирский институт, 13-19 апреля 2012 г.); на Конференции АСДГ «Информационные технологии в местном самоуправлении» (г. Красноярск, Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, 15-17 октября 2014 г.); на Международной научно-практической конференции «Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов» (г. Казань, Агентство международных исследований, 9 сентября 2020 г.); на IX Международной научно-практической конференции «Россия в эпоху глобальной структурной трансформации: новые исторические перспективы хозяйственного развития» (Москва, Финансовый университет, 3 марта 2023 г.).

Материалы диссертации используются в практической деятельности АО ВЦИОМ, в частности используется разработанная методика оценки

социальной напряженности. По материалам исследования внедрена разработанная концептуальная модель анализа социальной напряженности на региональном уровне, позволяющая проводить социологический мониторинг и интерпретацию получаемых результатов от внедрения.

Материалы диссертации используются Департаментом социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при преподавании учебной дисциплины «Социальная конфликтология в сфере экономики и финансов».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 публикациях общим объемом 9,1 п.л. (авторский объем – 7,0 п.л.), в том числе 5 работ общим объемом 4,65 п.л. (авторский объем – 3,45 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России, а также 1 работа общим объемом 0,9 п.л. (авторский объем – 0,45 п.л.) опубликована в международной цитатно-аналитической базе «Scopus».

Структура и объем диссертации соответствует цели, задачам и логике исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, состоящего из 217 наименований. Текст диссертации изложен на 197 страницах, содержит 13 таблиц, 23 рисунка.

Глава 1

Социальная напряженность как объект социологического анализа

1.1 Методологические проблемы исследования социальной напряженности в современных условиях

«Социальная напряженность» как термин широко используется в различных дисциплинах, таких как социология права, труда, организаций, экономическая социология, социальная философия, психология, история, политические науки и экономика [86; 175; 217]. В связи с чем существует большое количество определений термина «социальная напряженность» [115].

В рамках различных научных дисциплин, изучению социальных напряжений посвящены работы сторонников институционального подхода (Н. Смелзер, З.И. Калугина и другие), конфликтологического подхода (Л. Козер, Е. Вятр, П. Сорокин, К. Райт, Дж. Хаймс, и другие), структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), бихевиористического подхода (Дж. Хаймс, К. Левин, Л. Фестингер, О. Прилутская, А. Вишневская и другие), интеракционного подхода (З. Фрейд и другие).

Междисциплинарность понятия «социальная напряженность» приводит к тому, что достаточно сложно провести жесткие границы между различными дисциплинами, оперирующими данным понятием в собственных контекстах. В то же время, для понимания природы и систематизации различных взглядов уместно провести анализ социальной напряженности на основании существующих подходов к ее изучению.

Проведенный анализ существующих научных подходов позволил выявить следующие междисциплинарные подходы к изучению социальной

напряженности: структурно-функциональный, институциональный, интеракционный, бихевиористический и конфликтологический. Далее рассмотрим их более подробно.

Структурно-функциональный подход

Сторонники структурно-функционального подхода, рассматривая процессы и явления, происходящие в обществе, одни из первых затрагивали вопросы, связанные с проявлением социальной напряженности.

Э. Дюркгейм исследовал социальную напряженность в процессе дезинтеграции и причинами дезинтеграции считал противоречие в биологической и социальной природе человека, а также вызываемое этим беспокойство. При этом, общество выполняет регуляторную функцию и ограничивает проявление биологической природы человека [94]. Потеря контроля со стороны общества сопровождается аномией, снижением влияния моральных норм, потере ценностных ориентаций. Общество становится «нездоровым» [107].

Согласно концепции Р. Мертона, аномия возрастает, когда нарушается баланс между желаемыми целями и доступными средствами социальной структуры. Установленный социальный порядок помогает управлять возникающими напряжениями, и неразрешенные напряженности могут проявиться открыто («чувство вины», «сознание греха», «угрызения совести») или скрыто (символическая приверженность к номинально отрицаемым ценностям, стремление к рационализации источников напряжения) [140]. В конечном итоге, рассматривая работу Р. Мертона, можно видеть, что разрабатывая свою теорию аномии он в неявном виде использует понятие социальной напряженности [139].

В своей теории социальных изменений Т. Парсонс описывал деструктивные состояния, «болезней» социальной системы и связывал их с напряжениями [27]. В этом случае, возможное нарушение социальных норм способно привести к конфликту при социальном взаимодействии, а

социальная напряженность зачастую может рассматриваться как предшественник конфликта [112; 132; 156].

Существуют четыре уровня социального действия, каждый из которых, согласно Т. Парсонсу, служит основой для последующего уровня и более высокий уровень воздействует на более низкий и связаны через прямую и обратную взаимосвязи. Такие уровни он подразделяет на физиологический, индивидуальный, социальный и культурный. В ходе регулирования социального действия возникающие разрывы и несовпадения, способны приводить к напряжениям и далее к конфликтам [46; 74].

Представитель отечественных ученых, изучающий социальную напряженности с использованием структурно-функционального подхода – С.С. Соловьев определял социальную напряженность как «негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе» [189]. В то время как Е.В. Тучков дополнил ее определение как «интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением, характеризующий динамику особого социального состояния части общества и функционирующий под воздействием как доминирующих тенденций развития общества, так и особых условий и обстоятельств» [202].

С.К. Викулова, опираясь на структурно-функциональный анализ, представленный в работах Т. Парсонаса, проводила исследование взаимодействия органов власти с населением с целью регулирования социальной напряженности. По ее мнению, усилению социальной напряженности способствует неразвитость гражданского общества в современных городах, низкая информированность, высокий уровень пассивности и отсутствие необходимых навыков для взаимодействия с властью [71].

При изучении социальной напряженности стоит упомянуть о сопровождающей ее подсознательной массовой тревоге, которая сопровождает объективизацию потенциальных опасностей. Тревога способна усиливать социальную напряженность и способствовать включению новых акторов в происходящие социальные события. Тревога присутствует на фоновом уровне и усиливается, если возникает угроза реализации индивидом тех или иных его потребностей. При явном проявлении тревоги происходит ее объективизация, сопровождаемая возникновением объединений индивидов для противодействия ей [66].

Из работ ряда исследователей следует, что такая тревожность и социальные страхи относятся к массовым социальным настроениям, и их источником является существование объективных общественных условий. В то же время, наличие таких массовых социальных настроений обуславливает появление потребностей, и субъективного внутреннего стремления к удовлетворению этих потребностей [52; 53; 136; 150; 200].

Тревожность – это реакция людей на внешние условия, отражающая важность и значимость различных потребностей. Социальные страхи, сопровождающие тревожность, отражают ценности общества и помогают оценить возможные угрозы удовлетворению потребностей, вызывая напряжение в обществе [49]. Таким образом, тревожность может представлять собой компонент социальной напряженности, отражающий изменения и определяться большим числом экономических, демографических, социальных, политических и иных факторов [53; 169]. Возникновение кризисных ситуаций сопровождается усилению влияния этих факторов [48].

Тревога в целом может рассматриваться как некоторый *«тревожный ряд»*, который является единым функциональным явлением [57; 58]. В тревожном ряду, внутренняя напряженность является отражением наименьшего уровня тревоги и имеет наибольшее адаптивное значение для личности. На втором уровне тревожного ряда происходит нарастание тревоги, придается отрицательная эмоциональная окраска ранее нейтрально

воспринимаемым событиям, усиливающим тревогу [58, с. 137]. Третий уровень характеризуется ощущением неопределенной угрозы, а четвертый – конкретизацией опасности и выявлением объекта, вызывающего страх. Объекты страха не всегда соответствуют реальной причине тревоги. Пятый уровень возникает, когда невозможно избежать тревожности, а шестой уровень характеризуется максимальной дезорганизацией поведения и паническим поиском помощи, при этом управляемая целенаправленная деятельность исчезает [58, с. 137].

Воздействие тревожности на личность имеет двоякий характер: с одной стороны, она способствует избеганию опасности и преодолению неблагоприятных условий, а с другой - мешает этому [151]. При изучении влияния тревожности на личность обычно под «тревогой» понимается «неприятное эмоциональное состояние», связанное с напряжением и ожиданием негативных событий [36]. Окружение способно интенсифицировать влияние тревоги на индивида и увеличению ее уровня [82].

Изучение социальной напряженности с точки зрения структурно-функционального подхода позволяет взглянуть на социальную напряженность как на статичное изображение, описать ее состояние в данный момент времени. С позиций структурно-функционального подхода социальная напряженность рассматривается как негативное явление, возникающее вследствие деструктивных изменений или противоречий, происходящих в человеке (Э. Дюркгейм, Р. Мертон) или в социальной системе (Т. Парсонс). Развитие этого негативного явления сдерживается только существующими в обществе контролирующими нормами. Социальная напряженность часто сопровождается страхами и тревогами, которые не только присущи отдельным индивидам, но и могут рассматриваться как социальное явление, охватывающее широкие группы населения.

Но в то же время структурно-функциональный подход не дает возможности оценить социальную напряженность в динамике. С его

использованием трудно получить представление о процессе протекания социальной напряженности, его непрерывности взаимодействия объектов и субъектов, задействованных в этом процессе. В структурно-функциональном подходе недостаточно разносторонне рассматривается связь социальной напряженности с конфликтами. Представители этого подхода, оценивают социальную напряженность как возможную причину конфликта, при наличии определенных условий. Еще одним недостатком структурно-функционального подхода является то, что социальная напряженность рассматривается лишь как отрицательное явление, в то время как она может оказать положительное воздействие на общество. Кроме этого, тревожность, как часть социальной напряженности рассматривается только на микроуровне, в то время как ее рассмотрение на макроуровне, могло бы расширить представления о ней и механизмах ее воздействия на сообщество в целом и роль в формировании социальной напряженности.

Опираясь на сказанное ранее, согласно структурно-функциональному подходу, социальная напряженность характеризуется следующими особенностями:

- 1) рассматривается как статичный феномен, являющийся частью системы общества и имеющий сильные связи с другими элементами системы общества;
- 2) является негативным проявлением, деструктивно влияющим на общество;
- 3) может подвергаться действию механизмов саморегуляции, приводящих к изменению уровня социальной напряженности и стремящихся к достижению определенного равновесия;
- 4) низкая эффективность механизмов саморегуляции приводит к формированию избыточной напряженности, которая способна привести к возникновению конфликта.

Институциональный подход

Н. Смелзер в рамках институционального подхода подчеркивает важность анализа социальной напряженности. В отличие от Т. Парсонса, он сосредотачивается на активной и внутренне мотивированной природе напряженности. В этом случае, напряженность в социальной системе может вызвать коллективное возмущение. Он определяет напряжение как разногласие между компонентами деятельности и их неадекватное функционирование. Выявление того, как напряжение обнаруживается в каждом из компонентов социального действия Н. Смелзер начинает с анализа напряжения при оценке возможностей действия в конкретной ситуации. Главная проблема в данном случае состоит в неопределенности в решении вопроса об адекватности средств по отношению к избранным целям. Одним из ключевых источников напряжения на уровне мотивации организации является несоответствие между выполнением ролевых функций и награждением. Награждение в данном контексте означает достижение целей, связанных с социальными действиями. Социальное вознаграждение включает в себя богатство, власть и престиж. Нарушения в распределении вознаграждения приводят к конфликтам интересов и напряженности, связанным с областями деятельности общества, такими как работа, бизнес, религия, образование, семья и общественность [72; 100; 217].

Любая точка напряженности может перерасти в конфликт и стать причиной коллективного поведения, но это не означает, что накопление напряженности происходит хаотично. Согласно теории Н. Смелзера, эмоциональные состояния, которые инициируют новое понимание ситуации и активизируют действия, эволюционируют по концепции «добавления к стоимости». В процессе формирования коллективных настроений, которые предшествуют проявлению насилия и вражды, одно состояние при определенных условиях может трансформироваться в другое. Начальной точкой данного процесса является ситуация неопределенности, на которую первой реакцией является распространение слухов и истерические

проявления, превращающие неопределенность в явную угрозу. Такая негативная реакция на неопределенность ситуации становится источником паники, и может привести к массовым разрушительным действиям. Зачастую СМИ играют одну из важнейших ролей усиливая истерическую реакцию и формируя ее направление [4]. Интермедиаальный период, находящийся между состоянием неопределенности и истерии, характеризуется высокой степенью возбуждения, вызванного нечеткостью перспективы действий, неуверенностью в их смысле и направленности, а также затрудненным выбором средств. Истерия приносит определенность, но, как правило, она связана с формированием образа источника угрозы – врага, обвиняемого в создании ситуации неопределенности. Неопределенность ситуации может вызывать и другие реакции, противоположные крайнему возбуждению и истерии. Так, надежда на лучшее развитие событий является важным аспектом коллективного поведения, сопоставимым по значимости с истерией. Оптимистическая интерпретация неопределенной ситуации основана на ее позитивных аспектах и на позитивном настрое человека. Кризисные ситуации и резкие повороты событий делают исход ситуации непредсказуемым, поскольку они зависят от баланса между негативными и позитивными оценками, от возникновения истерических элементов, приводящих к враждебности, насилию и поиску виновного субъекта. Важным фактором также является надежда на лучшее развитие событий, которая способствует структурированию неопределенной ситуации. Н. Смелзер придает большое значение информационной и психологической подготовке населения в регулировании напряженности. Он предлагает разработку специальных программ, направленных на предотвращение негативного воздействия неопределенности и на организацию психологических реакций. Эти программы должны основываться на глубоком понимании ситуации, повышать авторитет компетентных знаний и управления, а также предотвращать взрывы истерии, насилия и утопические надежды, возникающие из упования на харизматических лидеров или новые

идеологии [72; 100]. По мнению Н. Смелзера, идеология играет ключевую роль в ослаблении социальной напряженности [95]. Затрагивая психологические аспекты социальной напряженности Н. Смелзер, сделал вывод, что: «В обстановке неопределенности человек находится в состоянии возбуждения потому, что он не знает, чего должен бояться, а когда он переходит в истерическое состояние, он по крайней мере полагает, что он знает, откуда исходит опасность» [72].

Среди отечественных исследователей, в рамках институционального подхода, исследования социальной напряженности проводились на предприятиях (Ю.А. Барклянский, И.А. Гулин [54], А.С. Готлиб [80], А.К. Зайцев [97], Н.В. Губина [85], Ю.В. Платонов [161; 162], Е.В. Александрова [37; 38], П.Д. Чернобай [215], З.И. Калугина [109] и другие).

Большое количество работ посвящено социальной напряженности в трудовых коллективах. Согласно этим работам, социальная напряженность обусловлена коллективным недовольством, происходящим из значительного расхождения между ожиданиями существенных положительных изменений в социально-экономической и производственной областях и реальным уровнем их осуществления [217].

Исследуя возможности снижения социальной напряженности коллективе И.М. Журавлев рассматривает социальную напряженность как ключевой фактор достижения организационной эффективности и отмечает, что социальная напряженность является интегральным показателем социально-психологической обстановке в коллективе. По мнению автора, фоновая социальная напряженность проявляется на индивидуальном уровне и межличностном уровне, но при поступательной динамике развития социальная напряженность перемещается с межличностных отношений на уровень предприятия [96].

Губина Н.В. исследуя социальную напряженность в трудовых коллективах, отмечает, что социальная напряженность является необходимым

условием жизнедеятельности общества и способствует обществу добиваться поставленных целей. Причины социальной напряженности автор предлагает разделить по основанию объективности и субъективности, которые играют разную роль по мере изменения уровня напряженности в ту или иную сторону. Субъективные обстоятельства играют главную роль в формировании социальной напряженности в трудовом коллективе, что связано с психологическими, социальными и функциональными свойствами работника. В качестве индикаторов социальной напряженности автор использует социально значимую неудовлетворенность и коллективистскую идентификацию [85].

Рассматривая социальную напряженность Ф.М. Бородкин в качестве ее причины указывает коллективное недовольство, вызванное ощущением недостаточного уровня реализации ожиданий существенных изменений в сферах социальной, экономической и производственной деятельности. Группы рассматривают данное явление как отрицательное и могут искать причину напряжений в действиях других групп, организаций или институтов. Социальное напряжение, согласно исследованию Ф.М. Бородкина, возникает из индивидуальных состояний и ощущений людей, играющих роль в формировании и поддержании данного явления. В своей работе он подчеркивает, что социальное напряжение отражается в психике индивида как чувство недовольства и направлено на определенные элементы социальной структуры, которые воспринимаются как препятствия на пути к разрешению конфликтов. Согласно его исследованию, социальные конфликты и напряженность являются феноменами, имеющими различное происхождение и не всегда взаимосвязанными друг с другом [62].

Рассмотрение социальной напряженности как процесса, отличает работы Н.С. Данакина, который определяет ее как «такое состояние социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп и институтов, общества в целом. Данный процесс

характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, а также сопровождается ростом недовольства, негативной психологической направленностью и нестабильностью социальных связей» [91].

По мнению Ю.М. Плюснина, социальная напряженность связана с несоответствием между идеальными и реальными образами социального порядка, эмоциональным стрессом, изменением ценностных установок и распространением неправильного поведения, готовностью к действиям для устранения противоречий и активным участием значительной части общества в этом процессе. Феномен социальной напряженности может проявляться явно или скрыто, последнее обусловлено нарушением деятельности ключевых социальных институтов, что влияет на психологическое состояние значительной части населения [163].

З.И. Калугина – один из ведущих представителей новосибирской социологической школы в своей работе затрагивает явление социальной напряженности и считает основными ее причинами – наличие необоснованных социальных неравенств в обществе, которые приводят к дезинтеграции и противостоянию и, в конечном итоге, могут представлять угрозу национальной безопасности. В этом ключе становится стратегически важным проведение системной работы по снижению уровня социального и имущественного неравенства, как важного аспекта национальной безопасности страны [109].

В рамках институционального подхода, считается, что социальная напряженность, не привязана к конкретному месту в социальной системе. Само же напряжение ведет к неадекватному функционированию социальных институтов. В связи с этим становится ярко выраженная проблема существования соответствующей идеологии, которая играет значительную роль в нормализации социальной ситуации. В то же время, данный подход, углубляясь во взаимосвязь социальных институтов и социальной напряженности, лишь незначительно затрагивает ее влияние на макро-уровень

социальной системы. Это, в свою очередь, не позволяет полностью раскрыть все особенности рассматриваемого явления.

Опираясь на сказанное ранее, согласно институциональному подходу, социальная напряженность характеризуется следующими особенностями:

- 1) социальная напряженность – это процесс, который возникает при дисфункции социальных институтов;
- 2) начальная точка возникновения социальной напряженности – психологические состояния индивидов при возникновении неопределенности;
- 3) социальная напряженность – феномен, присущий группе людей, объединенных общими нормами и ценностями.

Интеракционный подход

Социальная напряженность, являясь неотъемлемым компонентом социальной сферы общества, имеет тесную связь с социальной политикой. Проведение государственной властью социальной политики не только создает более благоприятные условия для жизни граждан, но и ведет к усилению социальных связей, стабильности и снижению уровня социальной напряженности [164]. Стоит отметить, что усилия государства по снижению социальной напряженности, могут приводить к ее усилению в смежных областях [216].

Часть исследователей использовали элементы интеракционного подхода в своих работах, посвященных социальной напряженности. Так, М.Н. Муханова считает, что она связана с восприятием субъектом ситуации кризиса, наличием ценностных противоречий, социальными установками, беспокойством о будущем. Эмоции усиливают негативное восприятие ситуации [142].

Социальная напряженность может состоять из двух компонентов: «действенной неудовлетворенности» и «коллективистской идентификации», образующие «поле социальной напряженности» [87]. При этом степень неудовлетворенности может изменяться от полной пассивности до высокой активности, а степень идентификации может возрастать от полной

разобщенности и неприятия членов социальной общности до сверхсплоченности [84].

Социальные страхи и тревоги, влияющие на формирование социальной напряженности способны образовывать «тревожные ряды» [73]. Основными источниками тревожных состояний при этом является личный опыт и накопленный опыт социального окружения, как ближайшего, так и социокультурных факторов, СМИ [66].

Социальный страх представляет собой существенный компонент социальной динамики, проявляющийся в осознании людьми различных угроз, как на уровне индивидуумов, так и на уровне общественных групп. Этот тип страха обусловлен условиями современного общества и процессом приспособления к меняющимся условиям окружающей среды. Страх способствует мобилизации и противодействию угрозам, но его неспособность к преодолению может привести к деструктивным реакциям. В современном обществе анализ страха позволяет выявить источники напряженности и реальные угрозы для общественного развития [73].

Опасности в современном обществе зачастую трудноопределимы и их накопление способно формировать пространство неопределенности, которое неизбежно давит на общество и создает благоприятную почву для появления беспокойства, в том числе, благодаря искажению сформировавшейся социальной реальности [56; 121].

Доверие индивидов к социальным структурам и институтам, обеспечивающим безопасность, влияет на уровень напряжения. Отчужденность современного человека от социальных структур и недостаток контроля делают его уязвимым перед возможными рисками. Информация, ее достоверность и доступность, также влияют на эмоциональное напряжение в обществе. Недостаток информации может приводить к распространению слухов из-за тревоги и страха перед неясностью, что увеличивает значение СМИ и массовой культуры при изменении уровня социальной напряженности [10; 32; 52; 184]. СМИ играют значительную роль в

формировании социальной тревожности, представляя информацию с определенными политическими установками, что оказывает влияние на сознание людей. Действиями СМИ порой создаются стереотипы, которые могут оказаться причиной поддержки широко распространенных убеждений и переоценки реальных рисков [59; 116; 166; 191]. Также обсуждение СМИ определенных событий может отвлечь внимание от более серьезных, но мало освещенных проблем [51; 66; 210].

Социальная напряженность возникает в результате взаимодействия социальных и культурных факторов, что приводит к формированию стереотипов и может провоцировать активные действия, особенно при нарушении индивидуальных интересов. В социальной напряженности находит выражение и индивидуальная тревожность человека [66].

Тревожность занимает важное место, выступая частью социальной напряженности. Существуют некоторые отличия, в понимании, что такое тревожность в зарубежной и отечественной литературе. В зарубежной литературе термин «тревога» относится к неприятным эмоциональным состояниям, которые проявляются в форме напряжения, беспокойства и мрачных предчувствий. Отечественные исследователи рассматривают тревожность как более легкую форму эмоционального дисбаланса, которая связана с чувством опасения, нарушением покоя и беспокойством по поводу возможных неприятностей или задержки приятных событий. Тревога характеризуется неопределенной угрозой, эмоциональным напряжением и различными вегетативными реакциями [82].

До сих пор идут дискуссии о том, что возникает в первую очередь: страх или тревожность. Некоторые ученые придерживаются мнения, об эмоциональной природе тревоги. Если источник тревоги не устранить, тревога переходит в страх [137]. Другие исследователи придерживаются противоположного мнения, считая страх первичной и самостоятельной эмоцией, а тревогу рассматривая как комбинацию страха и других эмоций [102, с. 325]. По мнению Е.П. Ильина, тревога – это «эмоциональное состояние

острого внутреннего мучительного бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожидания чего-то важного, значимого для человека в условиях неопределенности» [103, с. 142]. Тревогу можно рассматривать как сигнал о неопределенных, угрожающих изменениях в организме или внешнем мире, имеющий приспособительное значение и способным побуждать к определенным действиям [146].

Серьезным источником тревоги, помимо действующих или представляющих потенциальную угрозу экстремальных факторов, является и неопределенность [171]. Отсутствие возможности выявить причины тревоги может быть связано с недостатком информации, неспособностью логически обработать данные, а также использованием психологических механизмов защиты [67]. Побочными эффектами могут выступать и индивидуальные психологические изменения, проявляющиеся в различных формах, среди которых присутствует снижение самооценки, изменение уровня притязаний, нерешительность, неуверенность [63]. Увеличение уровня тревожности ведет к снижению социальной активности и результативности общения [79], снижению проявления лидерства и эффективности руководства, снижению эмоциональной устойчивости и работоспособности [42], потере значения таких ценностей как принципиальность, добросовестность [40].

Как сказано выше, кроме тревоги существуют схожие явления, которые называют страхами, имеющими эмоциональную компоненту и приводящими к защитной реакции со стороны конкретного индивида [158]. Анализируя генезис страха, можно видеть, что в его основе находится какой-либо реальный объект или действие, в то же время, тревожность может его не иметь. Дж. Вольпе впервые использовал термин «социальный страх» и определил его как «страх социальных объектов или ситуаций социального взаимодействия» [181]. Зигмунд Фрейд определял состояние беспокойства и тревоги как комплекс эмоций, связанных с ощущением неопределенности, ожиданием и чувством беспомощности. Согласно его теории, индивид, находящийся под

воздействием хронического стресса и сталкивающийся с угрозой для своего благополучия, испытывает значительную тревогу. В контексте социального страха, Зигмунд Фрейд отмечает, что это ощущение «представляет собой страх перед социальными изменениями» [82]. Тревогу он рассматривает как «предчувствие страха», выполняющее сигнальную функцию. Этой же точки зрения придерживается А.И. Захаров [98]. По мнению Э. Фромма, страх играет ключевую роль в формировании личности и в ее взаимодействии с обществом [82].

Многие социальные страхи возникают из культурных влияний и формируются в процессе социализации. Под воздействием сильного эмоционального напряжения, когда становится трудно преодолеть тревожность и страх, могут возникать фобии и тревожные расстройства. По мнению Д. Майерса, с увеличением уровня личностной тревожности увеличивается степень подверженности страхам. В современной литературе продолжает проводиться дискуссия относительно различий между тревогой и страхом, а также их динамикой [73].

Социальные факторы часто оказывают влияние на формирование тревожности. Встречаются мнения о роли тревожности в адаптации личности. Мнение исследователей расходится, часть считают, что тревожность выступает как защитная адаптивная функция, другая часть исследователей придерживается противоположного мнения. Некоторые исследователи рассматривают тревожность как индикатор нормального развития личности и как плату за адаптацию к социуму [67; 129].

В.И. Харитоновна исследуя аспекты культурных процессов современной России пишет, что «социальная тревожность» – это страх несоответствия общественным нормам; указывает на степень дискомфорта, которую человек испытывает, попадая в зону внимания других людей, избегание общения из-за страха «выглядеть» глупо. Отмечает, что индивиды для уменьшения воздействия социальной тревожности часто обращаются к различным религиозным и нерелигиозным духовным практикам [211].

И.В. Никитина отмечает, что под термином «социальная тревожность» принято понимать тревожность, возникающую в результате ситуаций социального взаимодействия. При этом, возможность рассматривать социальную тревожность с точки зрения побочного проявления психологических особенностей личности (в рамках изучения отклонений в психике), дополняется идеей рассмотрения ее как отдельное, самостоятельное явление. Многие исследователи, использующие термин «социальная тревожность», на самом деле имеют в виду социальную фобию [146].

Несмотря на смешение понятий «социальная тревожность» и «социальная фобия», социальная тревожность имеет гораздо меньшие дезадаптивные последствия для человека, но, тем не менее, может значительно препятствовать раскрытию своего потенциала и эффективному функционированию в обществе. Социальная тревожность рассматривается как естественная реакция на ситуации оценивания, отказа, в то время как социальная фобия является заболеванием, имеющим крайнюю степень выраженности страха социальных ситуаций. При социальной фобии наблюдается эмоционально-мотивационный конфликт между желанием удовлетворить значимую потребность, реализация которой возможна только в социальных ситуациях, и субъективно воспринимаемой опасностью участия в ней. В социальной фобии наблюдается сочетание разных типов социальных страхов [182].

Отечественные исследователи достаточно много уделили внимания социальной напряженности и тревожности в рамках интеракционного подхода. Стоит отметить, что интеракционный подход имеет свои ограничения, например, недостаточно учитывает роль конфликтов, что не всегда оправданно. Так как любой конфликт, даже не касающийся напрямую конкретного индивида или общности индивидов, способен провоцировать возникновение социальной тревожности.

Опираясь на сказанное ранее, согласно интеракционному подходу, социальная напряженность характеризуется следующими особенностями:

- 1) социальная напряженность регулируется через образование социальных связей и взаимодействие государства и общества;
- 2) снижение социальной напряженности возможно через укрепление социальных связей и повышение их качества;
- 3) социальные связи и их характеристики играют важную роль в генезисе и широте распространения социальной напряженности;
- 4) значимым фактором социальной напряженности является уровень доверия;
- 5) социальная напряженность и сопровождаемая ее тревожностью имеет сигнальную функцию о наличии противоречий и конфликтного потенциала.

Бихевиористический подход

В зарубежной литературе анализ конфликтов и напряжений трактуется с психологической точки зрения и связано преимущественно с отдельными индивидами [46]. Например, по Дж. Хаймсу, напряжения – «являются индивидуальными состояниями и не могут быть применимы для объяснения коллективных действий» [15]. Кроме этого, Дж. Хаймс, основываясь на идеях Г. Зиммеля, упоминал о позитивной роли конфликтов в некоторых обстоятельствах. Конфликт, в этом случае, способен выполнять интегрирующую роль через механизмы формирования лояльности и преданности внутри групп [15].

К. Левин, Л. Фестингер и другие авторы внесли большой вклад в разработку проблемы психической напряженности рассматривая ее с позиции теории поля [135; 203; 209].

Курт Левин проводя исследования в области групповой динамики разработал концепцию динамической системы поведения, которая находится под напряжением, «когда нарушается равновесие между индивидом и средой», а в результате возникновения напряжений могут появляться конфликты [83].

По К. Левину, человек – «сложное энергетическое поле, динамическая система потребностей и напряжений, которая определяет и направляет восприятие и действия» [12]. Состояние равновесия, которое по мнению, К. Левина существует в обществе, основывается на взаимодействии индивида и общества. При этом, основную роль имеет психологическая составляющая окружения индивида. Смещение равновесия – это и есть состояние, которое можно назвать напряженностью. Рост уровня напряжения, жизненное пространство человека становится менее дифференцированным, или, если сказать по-другому, количество регионов, составляющее жизненное пространство человека, уменьшается [17]. По теории поля, функцию регуляции напряжения выполняют локомоции, которые способствуют перераспределению энергии между различными регионами [135, с. 369]. Если локомоции не могут снизить уровень напряжения, по каким-либо причинам, то возрастающий уровень напряжения начинает влиять на его поведение.

Регулирующим фактором социальной напряженности, К. Левин считал поведение индивида, которое через цикличное повторение способно постепенно привести к снижению уровня напряжения. Поэтому при возникновении состояние напряженности, действия человека направляются на установление баланса [12]. Для восстановления равновесия и снижения напряжения может использоваться локомоция «решения проблем», в которой основную роль играет процесс мышления. Процесс мышления не всегда сразу приводит к снятию напряжения [212].

К. Левин, основываясь на анализе социальных конфликтов, выделил следующие причины напряжения личности [134]:

- степень удовлетворенности потребности личности (в первую очередь имеет значение удовлетворение базовых потребностей);
- ограничение пространства свободного движения личности вызывает усиление напряжения;
- внешние барьеры (влияют на ситуацию при необходимости покинуть неприятную ситуацию);

– противоречия целей и готовность принять позицию другого.

Психологическое или социальное напряжение по теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, может возникать вследствие появления диссонанса – «несоответствия», существования противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний человека. Наличие диссонанса вызывает действия, направленные на его уменьшение или полное устранение (если это возможно). Диссонанс действует как мотив, потребность или напряженность, а интенсивность действий зависит от степени диссонанса [209].

Социальная напряженность, по мнению О.А. Прилутской, представляет собой сложный синдром адаптации и связан с фрустрацией, социальными изменениями. Эти проявления напряженности в отношениях обусловлены состоянием экономики, социальной сферы, работой власти эффективностью информационным пространством СМИ и другими социальными структурами и институтами [153; 171].

О.А. Прилутская пишет, что защитный характер социальной напряженности обусловлен восприятием неблагоприятных воздействий как представляющих потенциальную или реальную угрозу. В процессе эволюции социальной напряженности возникают интенсивные эмоциональные проявления протеста, которые позже сменяются апатией и депрессией. Эти состояния могут проявляться в форме общественной усталости, потери смысла жизни и перспектив, а также в смирении и фаталистических настроениях. Проявления социальной напряженности в адаптационном контексте могут проявляться в изменении демографических факторов и девиационном поведении (увеличения преступности и самоубийств, а также социальных протестов) [171].

Резкие расхождения интересов, ценностей и установок индивидуумов, приводящие к закреплению психологических барьеров и негативных стереотипов, также могут быть причинами социальной напряженности [162]. Действие негативных психологических установок, отрицательных

стереотипов, прямой перенос оценок сегодняшнего дня на день завтрашний, противоречивость поступающей информации усиливают социальную напряженность. Нередко в качестве причин выступают и грубые психологические ошибки властей и деятельности средств массовой информации [171].

По мнению А.В. Вишневской «социальная напряженность, по сути, представляет собой психологическое состояние людей и зачастую носит латентный (скрытый) характер». Наличие групповых эмоций является отличительной чертой фонового уровня социальной напряженности. Оптимально функционирующее общество всегда имеет фоновый уровень социальной напряженности, который является естественной защитной и адаптивной реакцией социума и превышение которого может привести к конфликтам. Основными причинами роста социальной напряженности в предконфликтной ситуации является появление определенных противоречий и неудовлетворенности, «которые осознаются потенциальными субъектами конфликта как несовместимые» [74].

По А.И. Кравченко социальная напряженность связана с несоответствием реальной ситуации и их ожиданий, при этом из психологического явления оно переходит в социальное. По его мнению, напряженность характерна как для индивидов, так и для групп. Социальной напряженностью становится при переходе на уровень общества и свидетельствует о появлении угрозы существования общества, реализации его ценностей [125]. Зайцев А.К. так же придерживается мнения о том, что «социальная напряженность – это психологическое состояние, групповая эмоция, наблюдаемая в социальных группах» [97].

Социальная напряженность проявляет себя в виде вполне конкретных действий людей: ажиотажный спрос, миграции, активизация общественно-политических движений, усиление экстремистской активности, акции протеста, формирование массовых психологических настроений (тревога, депрессия, агрессия и другие), активизация преступности и т.д. [159].

Таким образом, используя бихевиористический подход, исследователи психологизируют понятие социальной напряженности, увеличивая значение индивидуальных особенностей человека в формировании этого явления. В то же время, представители этого направления, рассматривая социальную напряженность, уменьшают или даже полностью исключают значение социальных факторов, что приводит к существенным ограничениям данного подхода. Но, несмотря на ограничения, представители бихевиоризма вносят существенный вклад в развитие понимания социальной напряженности, раскрывая некоторые особенности и механизмы ее формирования на ранних стадиях.

Опираясь на сказанное ранее, согласно бихевиористскому подходу, социальная напряженность характеризуется следующими особенностями:

1) напряжения являются индивидуальными (как психологическими, так и социальными) состояниями человека, возникающими при нарушении равновесия в его психологической сфере, из-за действия внутренних и внешних факторов;

2) в бихевиоризме ключевое место занимают внутренние состояния индивидом, их эмоции, которые влияют на формирование социальной напряженности;

3) возникновение напряжений ведет к стремлению его снизить, выражающееся в формировании определенного образа мышления и поведения – это приводит к адаптации;

4) конфликты, возникающие в результате напряжений, могут иметь позитивную роль, способствуя образованию групповых связей, лояльности и преданности;

5) социальная напряженность в обществе имеет фоновый (латентный) уровень и является проявлением адаптивной реакции общества на происходящие изменения.

Конфликтологический (марксистский) подход

Конфликтологический или марксистский подход к изучению социальной напряженности, является самым распространенным, как в западной, так в отечественной социологии. Большое внимание этой проблеме в своих работах уделяли достаточно большое количество ученых, рассматривавших социальную напряженность как динамический процесс.

В своих исследованиях Питирим Сорокин указывает на то, что социальная напряженность сопряжена с уровнем удовлетворения базовых. Подавленные инстинкты, рефлексy ведут к возникновению напряжений и конфликтов. Развитие общества связано работой власти по предотвращению напряженности через способствование удовлетворению потребностей социальных групп [100].

В концепции социальных изменений Льюис Козер считает, что различные ресурсы (в том числе, власть) и ограничение доступа к ним, являются источником социальных конфликтов. В этом кроется и причина их неизбежности, ведь пока существует общество, в нем будет оставаться неравенство и психологическая неудовлетворенность, которые являются постоянными источниками напряженности [113].

Снизить социальную напряженность в данном случае, возможно только через разрешение конфликта. Взаимосвязи между участниками конфликта играют ключевую роль в возможности использовать институциональные механизмы для смягчения и урегулирования конфликта, что делает его менее острым. Сложившаяся социальная структура определяет степень доступа к институционализированным средствам урегулирования конфликтов, что влияет на их остроту. Институционализированные механизмы выступают как «защитные клапаны», позволяя индивидам просто снять напряженность, не решая основную проблему. Блокирование неснятой напряженности вместо адаптации может привести к ужесточению структуры и созданию предпосылок для деструктивных взрывов [74; 113].

В дополнение к работам Л. Козера, американский политолог К. Райт расширил рассмотрение социальной напряженности до уровня межгосударственных отношений, дал развернутую и обобщенную характеристику социальной напряженности и ее связи с конфликтами и войнами. Он учитывал в своей работе наличие напряжений и их уровень. Последствиями проявления социальных напряжений могут выступать как какие-либо проявления: локальные конфликтам, способные трансформироваться войны, агрессивные действия. Драматическим результатом таких проявлений оказывается разрушение общественных структур [93].

Рассматривая напряжения, К. Райт предполагал, что ее природа находится в сознании людей и общественных групп, Социальная напряженность и сопровождающие ее социальные действия, инициативы, помогают «погасить» источник напряжения. При этом, урегулирование способно дать импульс для интенсификации развития общества. Регулирование и управление напряжением как внутри общества, так и между государствами происходит через политический конфликт. Нередко международные конфликты и кризисы являются причиной смены правительств и хорошим стимулом для политико-государственных реформ [93].

Нарадания депривации среди большинства населения ведет к возникновению социальных конфликтов [78]. Регулирование уровня депривации, ее снижение или стабилизация способствует ослаблению напряженности и снижает вероятность агрессивной реакции на фрустрацию [178].

Другие современные зарубежные сторонники конфликтологического подхода к изучению социальной напряженности термин «социальная напряженность» используют для характеристики специфической социальной стрессовой или конфликтной ситуации [3; 8; 9]. В теории социального стресса отмечается, в наибольшей степени социальная напряженность проявляется у

представителей низших социальных классов. Это объясняется их низким профессиональным статусом, неквалифицированным трудом, уровнем дохода, ограничениями доступа к социальным услугам и иным благам [194].

В контексте конфликтологии В.О. Рукавишников считает социальную напряженность как «особое состояние общественной жизни, характеризующееся усилением внутренних противоречий как объективного, так и субъективного характера» [177]. По его мнению, социальная напряженность служит индикатором кризиса, нарушения баланса социальной системы, отражает эмоциональное состояние общества, уровень их неудовлетворенность [177].

Согласно мнению О.В. Руковишниковой, причины социальной напряженности – это экономические и политические факторы, такие как спад производства, разрушение хозяйственных связей, инфляция, дезорганизация властных структур, политическая нестабильность, рост преступности, состояние межнациональных отношений и экологическая обстановка. Политические партии играют ключевую роль в предотвращении конфликтов и уменьшении социально-политической напряженности, однако раскол в обществе из-за политических разногласий и негативное отношение части населения к власти оказывают значительное влияние на общественную напряженность. Элитизация политического процесса также добавляет к источникам социальной напряженности, поскольку политическая элита не предлагает обществу привлекательных и вдохновляющих идей развития, что формирует убеждение о недостаточном учете интересов обычных граждан при принятии решений [164]. Готовность к политической борьбе возникает в зависимости от конкретных обстоятельств и политических лидеров [180].

Отечественные ученые в своих работах развивают определение «социальной напряженности», например, И.В. Пирогов отмечает, что «социальная напряженность – это специфическое состояние общественных отношений, основанное на неудовлетворенных потребностях индивидов и характеризующее нестабильность социальной системы» [160].

Кравченко А.И. подтверждает позицию Рукавишникова В.О. относительно воздействия политических элит и акцентирует внимание на том, что корнями личного недовольства и социальной дестабилизации является дисгармония в статусах. Индивид ощущает несовместимость своих статусов, что порождает у него чувство утраты, пессимизма и разочарования, как в самом себе, так и в окружающей реальности. В силу статусной несовместимости формируется психологическое дискомфортное состояние. Последствия неудовлетворенности могут отрицательно сказаться на жизни общества. Неудовлетворенность может привести к объединению людей в партию или террористическую организацию. Противоречие между статусами служит причиной многих социальных ценностных конфликтов, произошедших в современном мире [126]. Дальнейшее отождествление понятий «напряженность» и «конфликт» некоторыми авторами ведет к тому, что социальную напряженность трактуют как индикатор конфликта: «конфликт (противоположность) интересов социальных групп ... уровень конфликтности, меняющейся во времени» [161].

Г.И. Козырев, в своем анализе взаимосвязи конфликтов и социальной (политической) напряженности, придерживается мнения о том, что одним из критических факторов в определении последней является недовольство. Одновременно он отмечает, что изменения уровня социальной (политической) напряженности и динамика конфликта, расходятся в определенные временные интервалы [114]. По его мнению социальная напряженность «...представляет собой социально-психологическое состояние людей, обусловленное их социальным положением и степенью неудовлетворенности состоянием дел или ходом развития событий» [114, с. 211]. Он приходит к выводу о том, что «социальная напряженность может иметь место в предконфликтный период, сопутствовать развитию и урегулированию конфликта, в той или иной мере проявляться в послеконфликтный период, а может иметь место и вне конфликта, то есть не перерастать в конфликт» [114, с. 227].

В изучение социальной напряженности, понимаемой как процесс формирования субъектности в области социального недовольства, основанный на разделении на «мы» и «они», учете ответственности и поиске виновных, внес значительный вклад П.И. Куконков. Он подчеркивает, что социальная напряженность является нормальным явлением на региональном уровне. Исследование этого процесса может помочь выявить переход противоречий из объективной реальности в сознание социальных субъектов, что способно увеличить социальную напряженность и привести к конфликтам. В сложных или недостаточно развитых социальных системах уровень социальной напряженности может отличаться от установленного нормы, что ведет к различным последствиям, включая возможные протесты и демонстрации [46; 130; 132].

Исследование П.И. Куконкова раскрывает социальную напряженность как процесс, начинающийся с недовольства, которое является отправной точкой для последующего изменения. Этот процесс включает осознание разногласий и взаимной идентификации между участниками взаимодействия, что приводит к увеличению социальной напряженности. Способность социального субъекта адекватно интерпретировать конфликтные отношения играет важную роль в усилении социальной напряженности и определении ее агрессивного потенциала. При определенных условиях неправильная интерпретация открывает возможность для сознательного или бессознательного замещения источника недовольства. Процесс институционализации отношений в социальной сфере региона также способствует увеличению социальной напряженности и приводит к потере гибкости социальной системы. Потеря гибкости социальными институтами и сохранение устаревших форм отношений препятствует появлению и развитию новых форм, способствующих удовлетворению социальных потребностей [128; 132].

При исследовании причин недовольства, ведущего к социальной напряженности, можно заметить, искажения из-за неполного представления

интересов отдельных социальных групп. Власть заинтересована в наличии структур, которые могут оптимизировать ситуацию в социальной сфере, однако эти структуры могут потерять эффективность на различных этапах развития региона. Политика игнорирования потребностей отдельных социальных групп, может быть ключевой причиной потери эффективности [132].

Фельдман Д.М. рассматривая политологию конфликта отмечает, что социальные и социально-классовые основы политики содержат в себе напряжения и конфликты, которые обладают потенциалом губительным для общества. В политических отношениях, экспорт социальной напряженности может использоваться в ходе выполнения задачи сохранения или укрепления власти отдельных политиков, политических партий, движений или институтов [208; 214].

Если рассматривать региональные особенности социальной напряженности, то социальная напряженность является составной частью современных кризисных процессов во многих сферах социальной и экономической жизни регионов. Региональные конфликты показывают роль политических сил в усилении социальной напряженности. Ухудшение экономического положения в регионе приводит к возрастанию социальной напряженности и провоцирует ухудшение общественных отношений, активизирует деятельность местных элит, которые воплощаясь в виде определенных политических движений и программах, еще больше взвинчивает социальное напряжение и обостряют проблемы, зачастую осложняя их разрешение и ухудшая социально-экономическую и политическую ситуацию в регионе. Такая ситуация дает основу для дальнейшей радикализации региональных движений, настроений экстремизма, сепаратизма и т.д. [192].

Понятие «социальная напряженность» представляет собой особую эмоционально-психологическую динамику коллективного сознания, уникальную ситуацию восприятия и оценки реальности, признак конфликта,

которая характеризуется неудовлетворенностью ситуацией, снижением доверия, пессимистическими настроениями, эмоциональным возбуждением, беспокойством, стихийными действиями, в том числе, агрессивными [213].

Г.В. Баранова рассматривает социальную напряженность «как ноумен (вещь в себе)», что, по ее мнению, расширяет возможности для анализа, прогнозирования и регулирования социальной напряженности через государственное управление. По ее мнению, для анализа изменений в качестве социальной системы требуется концепция социальной напряженности, обладающая способностью направить исследователя к анализу динамики социальных изменений в контексте всей общественной системы [43]. Социальная напряженность – это индикатор, характеризующий стабильность социальной системы, в которой присутствуют внешние и внутренние факторы – причины формирования социальной напряженности. Г.В. Баранова предлагает введение индивидуальных показателей социальной напряженности для измерения ее уровня среди различных социальных групп [43]. Согласно Г.В. Барановой выделяются следующие стадии развития социальной напряженности [46]:

«латентная стадия (фоновый уровень)»;

«начальная (диффузная) стадия (повышенный уровень)». На данной стадии отмечается увеличение тревожности населения в связи с наблюдаемой ситуацией, проявляется распространение беспокойства, недоверия к власти, администрации и прочим управленческим структурам;

«стадия явной социальной напряженности (высокий уровень)», в ходе которой появляются признаки готовности к действиям, противостоянию;

«стадия социального конфликта (критический уровень)», на которой проявляется готовность к устранению несоответствий и предпринимаются целенаправленные конфликтные действия субъектами социального конфликта [44].

Социальная напряженность также упоминается в исследованиях посвященных социальным кризисам и катастрофам. По мнению

исследователей, кризис вызывает напряжение, которое «отражается в массовом сознании в форме тревоги и страха», особенно в периоды резких социальных трансформаций [73; 111]. Глубокие социальные изменения последних десятилетий усилили чувства тревоги и страха. Рассматривая кризисы социальных институтов Т.Ю. Сидорина отмечает, что кризис «постоянно меняется и принимает новые обличья», периоды стабильности неожиданно сменяются новыми непредсказуемыми волнами кризиса [185; 186]. М.И. Витковская отмечает, что тревога возникает на начальных этапах развития кризиса как его предчувствие, а во время кризиса происходит увеличение количества страхов и степени их выраженности [73]. Рассматривая проявления кризисного сознания в своей работе В.А. Ядов пишет, что «мы имеем дело с проявлениями именно социальной, эпидемиологической тревожности в том смысле, что она порождается в качестве массового явления как социально обусловленная эпидемия страхов и беспокойств» [111].

Исследования кризисного сознания указывают, что у субъектов, подверженных влиянию социальной напряженности и вызванным этим кризисным сознанием, активизированы социальные чувства тревожности и страха. Что проявляется в пессимистической оценке будущего и настоящего – экстраполяции сегодняшних опасностей на будущее [111].

Подводя итог, можно сказать, что рассмотрение социальной напряженности с точки зрения конфликтологического подхода является наиболее распространенным среди зарубежных и отечественных ученых. При этом исследователи затрагивают преимущественно макроуровень. Они уделяют обширное внимание динамике социальной напряженности и ее месту в социальных процессах.

Рассмотрение социальной напряженности в марксистском подходе служит хорошим противовесом функциональному подходу рассматривая две стороны одного и того же. Важным отличием является то, что исследователи перенесли рассмотрение социальной напряженности с микроуровня на

макроуровень. В то же время, оба подхода рассматривают социальную жизнь как системы взаимосвязанных частей.

Опираясь на сказанное ранее, согласно конфликтологическому подходу, социальная напряженность характеризуется следующими особенностями:

1) источниками социальной напряженности являются подавленные инстинкты, потребности и рефлексы, которое постоянно присутствуют в обществе. Противоречия могут иметь как субъективный, так и объективный характер;

2) социальную напряженность можно поддерживать на нормативном уровне через контролирующие и регулирующие функции государства. Утрата гибкости социальных институтов, способно приводить к усилению социальной напряженности;

3) конфликт является способом выхода избыточного напряжения наружу, в том числе, в условиях стагнации или ухудшения ситуации, спровоцировавшей конфликт;

4) социальная напряженность способна существовать не только в рамках одного общества, но и может быть распространена на межгосударственный уровень, когда ее возникновение может приводить к межгосударственным конфликтам и войнам;

5) социальная напряженность может являться драйвером положительных изменений, стимулируя прогресс в различных отраслях и областях знаний;

6) проявление агрессивной реакции при возникновение социальной напряженности, может рассматриваться как реакция индивидов на стрессовую ситуацию.

7) ключевые причины возникновения социальной напряженности – это экономические, политические, социальные, этнические;

8) при отклонении уровня социальной напряженности от нормы может негативно сказываться на отдельных регионах, влияя на его экономическую, социальную и политическую ситуацию.

Ключевые особенности социальной напряженности

Результаты анализа исследований указывают на то, что феномен социальной напряженности часто сочетается с переживаемой тревожностью и может стимулировать развитие социальных конфликтов и кризисов в областях социальной, экономической и политической практики [46; 131; 171].

Индивидуальная напряженность, вызываемая общественными событиями, является одним из феноменов, которые могут привести к возникновению индивидуальной тревожности. Она может быть результатом множественных факторов, среди которых можно отметить стресс, связанный с общественными событиями, стихийными бедствиями, войны, несчастные случаи или массовые протесты. Внутренняя напряженность является отражением наименьшего уровня тревоги и имеет наибольшее адаптивное значение для личности, в то время как тревога является результатом усиления внутреннего напряжения [58, с. 137].

Появление социальной напряженности происходит в результате изменений в обществе. Несоответствия, неопределенность и чувство неудовлетворенности в различных аспектах жизни (экономических, социальных, культурных и прочих) служат источником социальной напряженности. Это состояние связано с осознанием его субъектами, что позволяет им определить причины возникновения напряженности и предпринимать действия для удовлетворения своих потребностей [62].

Как пишет И. Куконков, «накопление неудовлетворенности ведет к росту социальной напряженности, при этом, происходит трансформация неудовлетворенности из субъективно-объективных отношений в субъективно-субъективные. Суть этой трансформации в том, что потенциальный субъект конфликта выявляет (персонифицирует) реальных (или предполагаемых) виновников своей неудовлетворенности и одновременно осознает неразрешимость сложившейся ситуации обычными способами взаимодействия» [131].

Характерной чертой тревожности, является ее нечеткость и неопределенность причин. Можно утверждать, что тревожность является субъективным состоянием, поскольку индивид является ее носителем [121]. Под воздействием психологического давления, вызванного тревожностью, индивид начинает искать объект, вызывающий тревожность или который можно считать причиной тревожности, даже ложной [66; 73].

Усиление индивидуальной напряженности ведет к возрастанию тревожности и ее качественному изменению – превращению в социальные страхи, которые повышают вероятность возникновения жестких стихийных форм поведения. Тревожность и социальные страхи влияют на формы проявления социальной напряженности, выступая главным фактором возникновения очагов социальной напряженности [171].

Можно заметить существенное различие между социальной напряженностью предваряющей ее тревожностью, состоящее в том, что социальная напряженность направлена на удовлетворение потребностей, которых индивиды были лишены полностью или частично, в то время как тревожность отражает наличие угрозы лишения возможностей удовлетворить свои потребности, в то время, когда этого еще не произошло. Основываясь на субъект-объектных характеристиках социальной напряженности, следует, что она является объективным, а тревожность – субъективным отражением изменений, происходящих в обществе.

Тревожность возникает раньше социальной напряженности и предваряет осознание обществом социальных противоречий. При этом существующая в обществе неопределенность является общим фактором, способствующим формированию тревожности и социальной напряженности [66].

Куконков П.И. обращает внимание, что социальная напряженность «может быть определена как процесс обретения и усиления субъектности в пространстве социального недовольства, содержанием которого являются идентификация «своих» и «чужих», «возлагание ответственности», поиск

«виновных». Подобный подход позволяет зафиксировать момент трансформации противоречия как явления объективной реальности в феномен сознания социального субъекта, дающего толчок процессу усиления социальной напряженности и становления социального конфликта» [121; 132, с. 184].

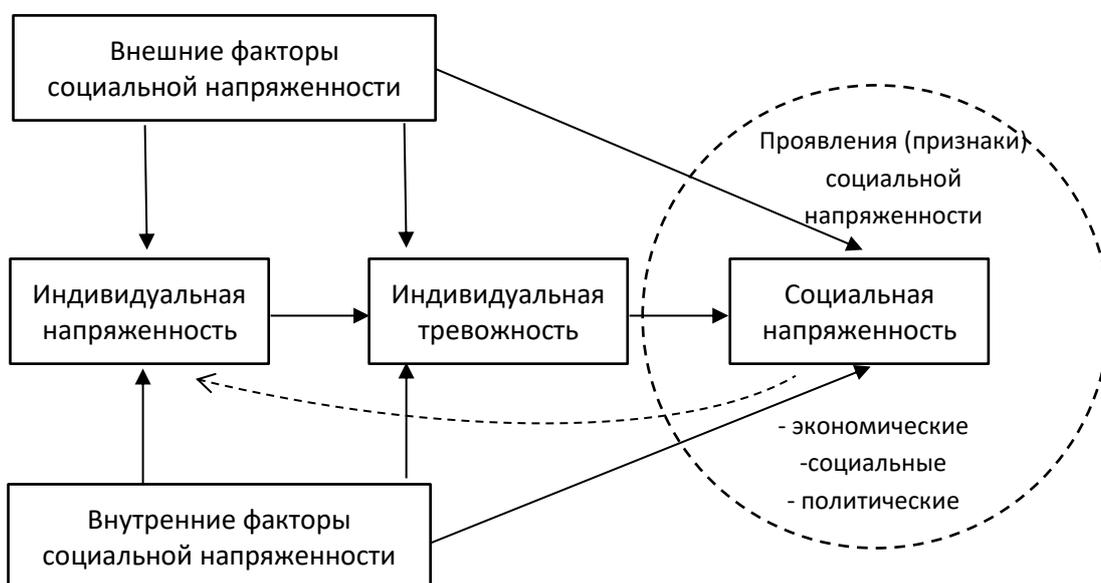
Тревожность возможно рассматривать «как процесс осознания неблагоприятного или угрожающего субъекту развития событий при неясно представляемых причинах и источниках надвигающейся угрозы». В процессе развития социальной напряженности и субъективизации тревожности происходит осознание обществом социальных противоречий. Этот процесс может быть обусловлен различными факторами, такими как социальные изменения, экономические проблемы, политические конфликты [66].

Авторы исследований сходятся в том, что рост уровня социальной напряженности может быть использовано как индикатор развития кризиса с момента его зарождения, усиления и до его окончания [73; 111; 132; 179].

Вышесказанное позволяет выявить взаимосвязь процесса социальной напряженности и составляющей его тревожности, а также различие между ними. Процесс характеризуется следующими аспектами:

- начинается с возникновения определенных эмоциональных состояний у субъектов процесса;
- напряженность и тревожность может возникать как одновременно, так и независимо друг от друга, а также возникновение одного может привести к появлению другого;
- социальная напряженность предполагает активные действия со стороны субъекта, вплоть до агрессии, в то время как при появлении тревожности, агрессивные действия встречаются значительное реже;
- социальная напряженность носит объективный характер, в то время как тревожность обладает признаками субъективности.

Таким образом, присутствует тесная взаимосвязь социальной напряженности и тревожности и они могут являться компонентами одного процесса.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1.1 – Переход индивидуальных напряжений в социальную напряженность

Исходя из вышесказанного и выполненного анализа литературы на рисунке 1.1 представлено схематическое изображение перехода индивидуальных напряжений в социальную напряженность и влияние факторов.

Как мультидисциплинарное понятие, социальная напряженность рассматривается исследователями, используя широкий спектр подходов, таких как: институциональный, конфликтологический, структурно-функциональный, бихевиористический, интеракционный. Проведенный анализ позволил сгруппировать подходы для систематизации содержания понятия социальной напряженности.

Анализ определений, представленных в таблице 1.1 показывает, что большинство исследователей едины во мнении, что социальная напряженность, характеризуется значительным обострением внутренних противоречий, которые вызваны как объективными, так и субъективными причинами. При этом, зарубежные исследователи предпочитают

психологизировать напряжения и рассматривать их на индивидуальном уровне, в то время как отечественные уделяют больше внимания развитию напряжений на уровне организаций, отдельных регионов и общества в целом. Совершенно ясно, что сужение рассмотрения напряженности только с одной из точек зрения явно недостаточно для объективного понимания социальной напряженности, механизмов их формирования.

Таблица 1.1 – Содержание понятия «социальная напряженность» в соответствии с основными подходами, используемыми для ее изучения

Подход к изучению	Содержание понятия «социальная напряженность»	Представитель подхода
1	2	3
Структурно-функциональный подход	«Внутреннее беспокойство, чувство напряженности и тревоги порождается и обуславливается противоречием биологической и социальной природы человека, в которой важную роль играют нормы, ценности» [94; 107]	Э. Дюркгейм
	«Нарушение равновесия между целями и средствами как фазами социальной структуры. Социальный порядок как средство преодоления напряжений» [140; 139]	Р. Мертон
	«Негативное состояние, «болезнь» социальной системы. Возникает вследствие сопротивления нормам при реализации социального действия» [27; 112; 132; 156]	Т. Парсонс
	«Негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе» [189]	С. Соловьев
	«Интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением, характеризующий динамику особого социального состояния части общества и функционирующий под воздействием как доминирующих тенденций развития общества, так и особых условий и обстоятельств» [202]	Е. Тучков

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
Институциональный подход	«Несоответствие между компонентами действия и, следовательно, их неадекватное функционирование. На уровне организации и мобилизации мотивации один из главных источников напряжения заключается в несоответствии между ответственным выполнением соответствующих ролевых функций и характером вознаграждения» [72; 100; 217]	Н. Смелзер
	«Интегральный показатель социально-психологической обстановке в коллективе и ключевой фактор достижения организационной эффективности» [96]	И. Журавлев
	«Необходимое условие жизнедеятельности общества, помогающее обществу добиваться поставленных целей за счет социально значимой неудовлетворенности и стремлению идентификации в коллективе» [85]	Н. Губина
	«Явление, берущее начало в состояниях и индивидуальных ощущениях людей, как субъектов его формирования и поддержания, выражающиеся в недовольстве ситуацией, агрессивных настроениях, агрессивных намерениях, не вылившиеся в действие, но присутствующие в сознании групп населения в форме обвинения кого-то (другой группы, организации, института) за свое плохое состояние» [62]	Ф. Бородкин
	«Такое состояние социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп и институтов, общества в целом. Данный процесс характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, а также сопровождается ростом недовольства, негативной психологической направленностью и нестабильностью социальных связей» [91]	Н. Данакин

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
Интеракционный подход	«Состояние, возникающее в результате восприятия субъектом сложившейся дестабилизационной, кризисной ситуации в обществе... При этом продуцируемость оценки индивидуума осложняется эмоциональным компонентом сложившейся в обществе экономической, социальной, экономической, политической ситуации» [142]	М. Муханова
Бихевиористический подход	«Напряжения» – являются индивидуальными состояниями и не могут быть применимы для объяснения коллективных действий» [15]	Дж. Хаймс
	«Возникает, когда нарушается равновесие между индивидом и средой. Когда это равновесие нарушается, возникает напряженность, которая побуждает к определенным изменениям, ведущим к восстановлению баланса. Поведение – это действия по его снятию напряжения» [135]	К. Левин
	«Несоответствия», существования противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний человека. Наличие диссонанса вызывает действия, направленные на его уменьшение или полное устранение» [209]	Л. Фестингер
	«Массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации, а во многих случаях – дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации, трудностям» [153; 171]	О. Прилутская
Конфликтологический подход	«Возникает при слабом удовлетворении базовых потребностей людей и социальных групп, что ведет к взрывам и конфликтам» [100]	П. Сорокин
	«Напряжение между тем, что есть и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов создают социальные конфликты и является неотъемлемой частью общества» [93; 113]	Л. Козер К. Райт
	«Понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера» [177]	В. Рукавишников

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
Конфликтологический подход	«Социальная напряженность – это специфическое состояние общественных отношений, основанное на неудовлетворенных потребностях индивидов и характеризующее нестабильность социальной системы» [160]	И. Пирогов
	«Конфликт (противоположность) интересов социальных групп. Социальная напряженность понимается как уровень конфликтности, меняющейся во времени» [161]	Ю. Платонова
	«...представляет собой социально-психологическое состояние людей, обусловленное их социальным положением и степенью неудовлетворенности состоянием дел или ходом развития событий» [114]	Г. Козырев
	«Противоречия между сторонами, которые способны трансформироваться в конфликт, через осознание противоречий и их объективизации» [130; 132]	П. Куконков

Источник: составлено автором.

Как показывают результаты анализа работ исследователей, о наличии социальной напряженности можно судить по достаточно обширному перечню основных признаков:

– социальные признаки: аномия, самоорганизация, формирование общественных движений, депрессия, пессимистический настрой, апатия, рост насилия, распространение криминальных преступлений, снижение продолжительности жизни и рост смертности, девиантное поведение в целом;

– экономические признаки: снижение потребления, социально неравенство и его рост, миграция по экономическим основаниям, несоблюдение трудового законодательства, рост безработицы, сокращение доходов населения;

– политические признаки: протестная активность, деструктивная политическая активность, дефицит доверия социальным институтам,

Наиболее общими причинами социальной напряженности являются экономические и политические факторы, криминогенная и экологическая

обстановка в регионе. Кроме этого, сильное влияние на развитие социальной напряженности имеют противоречия и разрывы в ценностных ориентациях нормах отдельных индивидов, а также разрывы между ожидаемым и его реализацией, что порождает тревожность относительно будущего.

Чаще всего индивидуальная тревожность становится первоисточником социальной напряженности. Первоначальное беспокойство начинает влиять на жизнь индивида и его поведение, при этом он часто не может понять истинные причины своего беспокойства. Эта индивидуальная тревожность, затрагивая широкие слои общества, превращается в общественную тревожность. Дальнейшее усиление тревожности ведет к объективизации, возникновению социальных страхов и усилению социальной напряженности, способной проявиться через протестные настроения и действия.

Социальная напряженность в латентной форме всегда присутствует в обществе. Усиление социальной напряженности происходит, когда неопределенное чувство тревоги превращается в осознание угрозы удовлетворения потребностей, интересов из-за экономических, политических, социальных или культурных факторов. Дополнительным фактором напряженности может стать недоверие людей к социальным структурам и защитным институтам. Кроме того, влияние оказывает достоверность и доступность информации. Недостаток информации и недостаточное понимание событий часто компенсируются слухами, которые способствуют увеличению социальной напряженности.

Несмотря на то, что в факторы социальной напряженности различны по происхождению, экономические факторы часто являются определяющими, в наибольшей степени влияя на социальную напряженность. Экономическое и социальное неравенство, невозможность реализовать собственные экономические и социальные цели, играют главенствующую роль в формировании социальной напряженности, вызывая ее постоянное нарастание и приводя к активным действиям против ухудшения экономического положения индивида в обществе.

Проведенный анализ работ, посвященных социальной напряженности, позволяет дополнительно обобщить содержательные аспекты к формулированию определения термина социальная напряженность:

– процессный аспект, в котором социальная напряженность рассматривается как процесс. Согласно этому аспекту, социальная напряженность – это процесс, отражающий особое состояние общества и оказывающий постоянное воздействие на общество и индивидов, обладающий собственной динамикой, обусловленной развитием общества и комбинацией внутренних и внешних условий и обстоятельств;

– структурный аспект, в котором социальная напряженность рассматривается как упорядоченная структура или система. Согласно этому аспекту, социальная напряженность – это комплекс внутренних и внешних факторов, индивидов, групп, сообществ, социальных институтов, которые являются причиной формирования противоречий и рассогласований при соблюдении норм и ценностей, принятых в обществе;

– результирующий аспект, в котором социальная напряженность рассматривается с точки зрения результата, к которому она приводит. Согласно этому аспекту, социальная напряженность – это феномен, приводящий к возникновению негативных реакций разного масштаба со стороны общества, которые могут выражаться в агрессивных намерениях и действиях, кризисных ситуациях, конфликтах вплоть до военных действий при отсутствии возможности мирного разрешения причин возникновения противоречий, которые способны оказывать отрицательное влияние на различные сферы общества (социальную, экономическую, политическую и другие).

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сформулировать уточненное понятие социальной напряженности, согласно которому, социальная напряженность – это явление, появляющееся при расхождении между желаемым и действительным социально-экономическим положением индивида и социальных групп, проживающих на определенной территории, и

влияющее на их социальную, экономическую и политическую активность и характеризующееся значительным обострением внутренних противоречий, которые вызваны как объективными, так и субъективными причинами. Социальная, экономическая и политическая активность индивида и социальных групп может проявляться через реакции на выявленные ими расхождения, выражающиеся в изменении экономического поведения (поведение на рынке труда, смена шаблонов потребительского поведения и другие), изменении социального (изменение отношение к нормам и ценностям, формирование новых или трансформация старых норм и ценностей) и политического поведения (недовольство властью, участие в акциях протеста в тех или иных формах, в том числе, готовность в них участвовать).

Исходя из многогранности явления социальной напряженности, при ее оценке на уровне общества, необходимо создание концептуальной модели, которая учитывала бы основные особенности и давала возможность многостороннего анализа этого явления, и позволяла бы провести оценку влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона в современных условиях. Такая модель позволит проводить своевременную оценку и прогнозирование состояния напряжений в обществе, что даст возможность органам власти вырабатывать меры для предотвращения возможных конфликтных ситуаций и стабилизации социально-экономического развития региона.

1.2 Компаративистский анализ существующих подходов и методов измерения социальной напряженности

Как было рассмотрено ранее, социальная напряженность часто сопровождается определенным уровнем тревожности. В литературе встречаются методы измерения социальной напряженности и тревожности, как проявления социальной напряженности, что позволяет определять

наличие этих явлений на различных уровнях организации общества. При этом, существующие методы измерения позволяют оценивать социальную напряженность, но, зачастую не дают возможности проследить развитие процессов в динамике, в том числе определить механизмы трансформации социальной напряженности при ее распространении.

Рассмотрение социальной напряженности как социального процесса, позволяет предложить следующую последовательность вовлечения субъектов при формировании социальной напряженности:

Индивид → Малая группа → Социальная группа → Общество.

Обоснование предложенной последовательности строится на анализе развития социальной напряженности как процесса. Как было показано в теоретической части работы, предпосылки возникновения социальной напряженности зарождаются на уровне индивидуума. Дальнейшее развитие социальной напряженности приводит к появлению малых групп у которых фиксируются ее проявления. Усиление социальной напряженности к ее распространению на отдельные социальные группы и далее на все общество.

Современные методы исследования социальной напряженности специализируются на определении ее показателей исключительно на каком-либо одном уровне: индивидуальном, малых групп, социальных групп или всего общества. Методы измерения на индивидуальном уровне относятся к психологическим методам. На уровне малых групп используются социопсихологические методы, а на уровне социальных групп и общества – социологические методы исследования. Стоит отметить, что механизмы преобразования индивидуально-эмоциональной тревожности в социальную напряженность в современных условиях до сих пор фактически не описаны и не исследованы.

Проведенный анализ позволили выделить три основные группы методов, применяемых для измерения социальной напряженности: психологические, социально-психологические и социологические методы. Далее необходимо рассмотреть эти группы методов, и определить методы,

использование которых позволит наиболее эффективно оценивать социальную напряженность как показатель на социально-экономического состояния региона и прогнозировать ее последствия.

Психологические методы исследования социальной напряженности

На уровне индивида, при влиянии внешних факторов, происходит формирование индивидуальной социальной напряженности. Внутренний конфликт установок, ценностей, норм и внешних факторов приводит к усилению и распространению социальной напряженности среди малых групп индивидов. В данном случае преимущественно используются психологические методы исследований. Малая группа обладает собственными внутригрупповыми процессами, изменение которых может приводить к усилению или снижению социальной напряженности. Снижение уровня социальной напряженности в малой группе способно привести к установлению фонового уровня социальной напряженности как группового, так и индивидуального. Дальнейшее усиление социальной напряженности ведет к ее распространению среди социальных групп, а социальные группы, с высокими уровнями социальной напряженности способны вызвать повышение ее уровня в обществе в целом.

Психологические методы измерения делают акцент на индивидуальные особенности протекания социальной напряженности. Большинство известных психологических методов посвящено изучению такого компонента социальной напряженности, как тревожность на индивидуальном уровне. В этой области, в первую очередь, преуспели зарубежные исследователи (Дж. Тейлор, Т. Ахенбах, Ч. Спилбергер и другие). Их методики являются основой для изучения тревожности и для отечественных ученых (А. Бочаров, О. Гредюшко и др.).

Для изучения тревожности с психологической точки зрения широко используются различного рода опросники. Из методов, используемых для индивидуальной социальной тревожности распространены: опросник Тейлора (MAS); опросник Ахенбаха (YSR) [1]; опросник Спилбергера на тревожность

(STAI). Намного реже встречаются другие методы, например, метод оценки мысленных образов [25], методы измерения социальной тревожности – тревожности вызванной общением со сверстниками у подростков [18].

Одним из первых исследователей, кто предложил метод измерения тревожности, была Дж. Тейлор в 1953 г. Основой для создания шкалы послужил Миннесотский многоаспектный личностный опросник (далее – MMPI) разработанный в конце 30-х годов в Университете Миннесоты. Дж. Тейлор отобрала из опросника MMPI утверждения, способствующие выявлению тревожных реакций у объекта исследования. Структура опросника позволяет изучать не только психические аспекты тревоги, но и эмоциональное состояние субъекта, его установки, а также вегетативно-соматическую составляющую тревоги. Для использования в отечественной науке методика Дж. Тейлор в 1966 г. была адаптирована Т.А. Немчиным. Опросник в адаптации Т.А. Немчина, состоит из 50 утверждений, на которые исследуемый индивидуум должен дать утвердительный или отрицательный ответ. Во время проведения тестирования, каждое утверждение дается исследуемому индивидууму на отдельной карточке, которые он должен рассортировать на 2 части, в зависимости от положительного или отрицательного ответа на утверждение. В 1975 г. В.Г. Норакидзе усовершенствовал методику, добавив 10 утверждений, позволяющих сформировать «шкалу лжи», позволяющую оценить неискренность ответов [138].

Метод Дж. Тейлор отлично подходит для исследования конкретных индивидуумов и дает хорошие результаты в изучении личностной тревожности. В тоже время, из-за своей трудоемкости и узкой направленности исключительно на личностную тревожность, не позволяет исследовать социальные аспекты тревожности ни у индивидуума, ни в отдельных сообществах. Кроме этого, метод не обладает какой-либо прогностической способностью.

Опросник Ахенбаха назван в честь своего автора Т. Ахенбаха и позволяет изучать поведение, отклоняющееся от социальных норм. В методе присутствуют структурированные опросные листы, заполняемые сторонними экспертами, включенными в длительное взаимодействие с исследуемыми индивидуумами. По своей сути, метод представляет собой заполнение «листов наблюдений». В основном метод применяется для исследования поведения подростков и имеет два варианта: для школьников и для дошкольников. Важной частью метода является предположение, что эксперт имеет достаточный опыт взаимодействия с испытуемым, чтобы объективно оценить его поведение. Сам опросник позволяет оценивать поведение по двум группам шкал: первичным и вторичным. Шкала «тревожность» (Anxiety/depression) является первичной и выявляется с использованием соответствующих вопросов. Для использования в отечественной практике исследований, опросник Ахенбаха был переведен на русский язык с последующей верификацией утверждений опросника. Апробирование опросника в отечественных условиях показало хорошую валидность [116]. Несмотря на достаточно высокую частоту использования этого метода, его нельзя использовать для исследования даже малых социальных групп, так как он требует длительного взаимодействия с каждым субъектом и учитывает только индивидуальные оценки. Кроме этого, метод является достаточно трудоемким и субъективен. Так же, этот метод практически не используется для изучения взрослых респондентов из-за необходимости проводить длительные наблюдения.

В 1985 г. Ч. Спилбергер создал свой метод оценки тревожности с использованием опросника направленного на выявление реактивной и личностной тревожности (State-Trait-Anxiety-Inventory) у лиц в возрасте от 16 лет. По методу Ч. Спилберга, проведение диагностического обследования проводится как в индивидуальной, так и групповой форме. Метод позволяет измерить тревожность дифференцированно, выделить реактивную (ситуативную) тревожность и общую (личностную) тревожность.

Опросник включает в себя 2 части по 20 высказываний. Согласие с каждым высказыванием оценивается по 4-х балльной шкале. Для шкалы реактивной тревожности - «нет, это не так», «пожалуй, так», «верно», «совершенно верно», а для шкалы личностной тревожности - «почти никогда», «иногда», «часто», «почти всегда». При интерпретации результатов, в первую очередь, определяют отклонения от фонового уровня тревожности. Наличие высокого уровня реактивной тревожности показывает наличие психоэмоционального напряжения в момент исследования, а высокий уровень личностной тревожности свидетельствует о вероятности появления тревожности в широком спектре ситуаций [31; 106].

Метод измерения тревожности, предложенный Ч. Спилбергером, является единственным методом, который позволяет провести разделение тревожности на реактивную и общую, в то время как остальные методы измеряют только один вид тревожности. Несмотря на хорошую валидность этого метода, он определяет только тревожность конкретного индивидуума, что не позволяет изучать тревожность как свойство, присущее группам и сообществам. Кроме этого, в этом методе, как и в других психологических методах, велико влияние субъективности.

В своих работах, отечественные исследователи наиболее часто используют адаптированные варианты методов измерения тревожности, созданных иностранными учеными. Например, Гредюшко О.П. исследовала социальную тревожность у студентов ССУЗов и в своей работе использовала: опросник Ч. Спилбергера и опросник Дж. Тейлор. В этом исследовании Гредюшко О.П. провела анализ изменения тревожности в динамике и сравнила тревожность других групп учащейся молодежи, что является несомненным плюсом используемого подхода. В то же время трудоемкость самих психологических методов измерения не позволяют рассмотреть широкие слои населения [82].

Комбинацию психологических методов измерения тревожности, в своей работе использует А.В. Бочаров, который исследуя связь тревожности и

агрессии, отмечает, что тревожность часто идет в паре с агрессией, как два важных механизма адаптации к окружающей среде, приобретенные в ходе эволюции. Как эволюционный механизм, агрессия повышает эффективность действий, а тревожность помогает защититься от угроз. В то же время чрезмерная тревожность приводит к эмоциональному расстройству и снижает адаптацию. В своем исследовании А.В. Бочаров применял психологические опросники и эксперименты. В то же время, как таковую тревожность, из использованных им методов, выявляют только два опросника: опросник Ахенбаха (YSR) и опросник Спилбергера (STAI). В анализе полученных данных применялись не только методы, обработки результатов соответствующих методов измерения тревожности, но и корреляционный анализ и множественная регрессия [65].

Несмотря на достаточно широкие возможности измерения тревожности, психологические методы измерения не совсем подходят для целей измерения тревожности, как компонента социальной напряженности. Это обосновывается тем, что, во-первых, при измерении сложно разделить какая тревожность присутствует у индивидуума, индивидуальная или социальная, вызванная изменениями, происходящими в обществе. Во-вторых, на этапе формирования личной тревожности велика вероятность ошибки в выявлении причин возникновения тревожности. В-третьих, высока вероятность, что индивидуальная тревожность на этом этапе будет погашена за счет внутренних психологических механизмов индивидуума и не будет трансформирована в этап социальной напряженности, которая проходит через объективизацию. Таким образом, возможности психологических методов измерения тревожности, фактически не позволяет увидеть «социальность» этого явления.

Хотя некоторые исследователи явно рассматривают тревожность как часть социальной напряженности, большая их часть концентрируется только на психологической стороне данного явления [203]. К сожалению, психологические методы измерения социальной напряженности практически

не развиты и не выходят за рамки изучения индивидуальных напряжений и тревог. В том числе, не развиты методы, позволяющие отделить социальную напряженность и тревожность на индивидуальном уровне. Чаще всего на индивидуальном уровне встречаются методы, направленные на измерение различных видов индивидуальных напряжений (например, эмоциональных, психологических, стрессовых, ситуационных и другие), которые не имеют прямой связи с формированием социальной напряженности, а являются исключительно реакцией на внутреннее состояние индивидуума. Зачастую, индивидуальные напряжения разрешаются с использованием внутренних ресурсов индивидуума или через оказание профессиональной психологической помощи. В то время как социальная напряженность снижается через социальные механизмы регулирования. На практике, используя только психологические методы измерения социальной напряженности достаточно трудно отделить ее проявления от проявления индивидуальной напряженности, что, несомненно, является одной из причин отсутствия значимых работ в этом направлении. Таким образом, психологические методы исследования, предназначенные исключительно для выявления социальной напряженности, практически отсутствуют.

Социально-психологические методы исследования социальной напряженности

Переход от индивида к группе запускает появление очень важного эффекта влияния на социальной напряженности – так называемого «эффекта толпы», когда индивиды, собранные вместе становятся обладателями новых черт, свойственных только толпе [133]. Таким образом, находясь в толпе индивиды меняют свои установки, желания, ослабляется контроль вследствие чего проявляются такие инстинкты и наклонности, которые индивид никогда бы не проявил находясь один. В этом случае, для изучения социальной напряженности чаще начинают использовать социально-психологические методы.

Социально-психологические методы исследования чаще всего представлены в виде использования массовых опросов среди населения или социальной группы с построением выборочной совокупности. Инструментарий, который используется в этих опросах – это анкеты, построенные на основе использования одного или нескольких психологических методов измерения социальной напряженности, а также других специфических методов, направленных на изучение различных аспектов личности или социальной группы. В дальнейшем полученный массив данных обрабатывается с использованием специализированных компьютерных программ и соответствующего математического аппарата, а выводы по результатам обработки данных, делаются для всей генеральной совокупности [18].

В.А. Ядов, развивая концепцию «тревожного сознания» использует социально-психологические методы измерения. Среди значительного количества показателей в его методах присутствуют те, которые позволяют измерять аспекты социальной напряженности и тревожности, и позволяющие в определенной мере разделять индивидуальную тревожность и тревожность, присущую социальной напряженности. В своем исследовании В.А. Ядов использует стандартный «тест общей обеспокоенности» (General anxiety). Для более широкого понимания природы фиксируемой тревожности в методе используется индекс катастрофизма В.Н. Шубкина, заключающийся в оценке опасений конкретных социальных и природных явлений, как самими индивидуумами, так и относительно их мнения об обеспокоенности окружающих [111].

Используя социально-психологические методы измерения, В.А. Ядов определил, что до 70% респондентов находятся в состоянии той или иной выраженности тревожности, присущей социуму. Кроме этого, около 20% составляют респонденты, которые обладают, преимущественно, индивидуальной тревожностью, причины которой связаны с их биографией, а также усугубляются социально-экономической нестабильностью [111].

На основе выделения наиболее вероятных и наиболее сильных опасностей, по мнению респондентов, В.А. Ядов в своем методе рассматривает структуру социально-тревожного сознания, то есть взаимосвязь тревоги и возможных бедствий и, используя факторный анализ, выделяет шесть факторов – групп конкретных социальных и природных явлений. Самую большую группу составляют страхи «перед загрязнением природной среды, угрозой самой жизни вследствие беззакония и преступности», которые, по мнению В.А. Ядова, являются системообразующим ядром тревожности и, следовательно, социальной напряженности [111].

В своем методе измерения тревожности, В.А. Ядов частично затрагивает и социальную напряженность, которую он рассматривает как возможность проявления респондентами активных действий, направленных на предотвращение угроз и опасностей [111].

Рассматривая особенности данного метода и возможность его применения для решения исследовательских задач, можно сказать, что важным преимуществами метода является возможность выделения тревожности из индивидуального тревожного фона и дальнейшего проведения анализа факторов, влияющих на нее. Однако, несмотря на достаточно глубокое рассмотрение тревожности, индикаторы, присутствующие в данном методе, не позволяют всесторонне изучить явление социальной напряженности, из-за отсутствия таких индикаторов. Кроме этого, метод не дает возможности отследить преобразование социальной напряженности. Подходы к изучению тревожности, используемые в этом методе, могут быть применены в диссертационном исследовании при соответствующей модификации, которая позволит более подробно рассмотреть социальную напряженность, а также связь между тревожностью и социальной напряженностью.

С учетом социально-психологических аспектов, проблему страхов и тревожности, социальную напряженность исследовала О.А. Прилутская [170; 171]. В своей работе О.А. Прилутская выдвинула гипотезу, что социальные

страхи определяются большим количеством социально-экономических, психологических факторов и являются основной причиной протестных явлений и электорального поведения. В своей работе, она проводила исследования населения в Оренбургской области, в том числе, в качестве экспертов к опросу привлекались сотрудники УВД. Основу исследования оставляли опросы населения и экспертные оценки, содержащие вопросы по выявлению страхов, тревог и опасений, а также социальной напряженности. Кроме этого, использовался анализ материалов региональных СМИ, обращений граждан по «горячим линиям» и «телефонам доверия». Основной упор О.А. Прилутская делает на мониторинг психологического пространства региона и, в первую очередь, уделяет внимание процессам социализации страхов, рассматривая их через психологические теории (гуманистическую и нормативную). О.А. Прилутской установлено, существование тесной связи «между появлением социальных страхов и ростом социальной напряженности в различных сферах ее проявления» [170; 171]. Анализ методов измерения социальной напряженности, использованных О.А. Прилутской, показывает, что основной упор в них делается на выявление страхов населения как основного предмета ее исследования, в то же время недостаточно проработаны вопросы изменения социальной напряженности во времени и в зависимости от различного рода факторов. Из-за значительного уклона инструментария исследования в сторону социальных страхов, в работе отсутствует возможность построения прогностической модели на основе мониторинга уровней социальной напряженности. Некоторые особенности подхода измерения социальной напряженности, могут быть использованы в настоящем исследовании. При этом требуется адаптация методов измерения в соответствии с влиянием различных социально-экономических и психологических факторов в течение длительного периода времени.

Еще один вариант социально-психологического метода измерения социальной напряженности предлагает Д.А. Шмонин. В первую очередь, метод позволяет отслеживать динамику социальной напряженности и

ограничен пределами организации, в которой проводится. Для организации, Д.А. Шмонин, выделил несколько уровней социальной напряженности. При втором уровне социальной напряженности появляется негативное эмоциональное состояние у работников, чувство неудовлетворенности. На третьем уровне социального напряжения, индивидуальное признание несправедливости внутри организации, обмен данными между сотрудниками и формирование претензий к организации служат заметными феноменами. Четвертый уровень социальной напряженности характеризуется консолидацией коллективных интересов, формированием противоборствующих фракций и определением виновных в существующей ситуации. Пятый уровень свидетельствует о вероятности перехода социальной напряженности в явную фазу, сопровождающуюся агрессивными действиями. В методе используют индикаторы и показатели связанные с работой организации и корпоративной культурой. Такие индикаторы являются важными для оценки уровня напряженности в организации. Их изучение может дать представление о степени удовлетворенности работников своим положением, восприятию их интересов и возможностей для их защиты, а также оценке персоналом возможных альтернативных решений и рисков открытого конфликта с руководством. С точки зрения научного анализа, эти индикаторы могут быть использованы для построения моделей социально-трудовых отношений, а также для изучения факторов, влияющих на уровень напряженности и конфликтности в организации. По результатам опроса, вычисляется показатель (балльная оценка) уровня социальной напряженности от 1 (минимальный уровень) до 5 (критический уровень) [217].

Метод измерения, предложенный Д.А. Шмониным, представляется достаточно проработанным и, в отличие от других методов измерения социальной напряженности, имеет в своем составе достаточно много индикаторов, показывающих различные стороны жизни коллектива и различные аспекты социальной напряженности. При этом, наличие большого количества индикаторов, специфических для социальной напряженности в

коллективах, не дает возможности полностью адаптировать метод для использования в более гетерогенном сообществе, чем трудовой коллектив. Однако, после адаптации, возможно использования некоторых элементов метода, например, шкалы уровней социальной напряженности, что позволит на их основе разработать шкалу, учитывающую присутствие тревожности, а также даст возможность более точно оценивать уровни социальной напряженности.

Несмотря на имеющиеся недостатки и ограничения, социально-психологические методы измерения социальной напряженности позволяют отслеживать динамику ее изменения. Исследование социальной напряженности с использованием этих методов, дает возможность более точно определить факторы социальной напряженности, а также предположить механизмы этого влияния, дополнив его понятием «социальный страх», как результат процесса объективизации тревожности.

Социологические методы исследования социальной напряженности

Социологические методы изучения социальной напряженности начинают использоваться при переходе на уровень социума, когда становится значим эффект, заключающийся в том, что увеличение численности группы, толпы, массы до определенных критических размеров вызывает появление эффекта «притягательной силы», когда с увеличением численности, растет и количество желающих присоединиться к ней [168]. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, рассмотрение «толпы» в терминах социологии приводит к формированию понятия «социальная масса» - более широкого, чем «толпа» и объединяющего неограниченное количество участников [152; 206]. В отличие от толпы, основной состав массы приходится на индивидов, не находящихся в прямом физическом контакте, но обладающих единообразным поведением, общими настроениями, убеждениями, целью. В отличие от толпы, где важен физический контакт и численность, в массу индивидуумы объединяются за счет взаимодействия в коммуникативной и эмоциональной сферах, ощущению причастности к чему-либо [133; 141]. В тоже время, стоит по какой-либо

причине собраться индивидуумам, составляющих массу, как эта часть приобретает свойства толпы, во всех ее проявлениях [133]. Важным является то, что толпа и масса обладают таким свойством, как массовое поведение, связанное с наличием значимых обстоятельств. Среди массовых действий можно назвать такие, как социальная активность, протестная активность, агрессия, паника – являющиеся, в том числе и проявлением социальной напряженности [110; 168].

Условием проявления эффекта толпы и массы является появление социально-экономических, политических и других факторов, стимулирующих социальную напряженность в обществе. Усиление влияния таких факторов до уровня возникновения угрозы жизни индивида приводит к стихийному образованию масс и толп [206]. Дополнительное влияние на такие факторы социальной напряженности оказывает то, что за последние годы усиление влияния средств массовой информации привело к увеличению готовности масс и толп к активным действиям, а также к увеличению количества импульсивных спонтанных реакций взамен устоявшихся, осознанных позиций [149].

Существующие социологические методы измерения социальной напряженности основываются исключительно на опросных методах исследования и анализе статистических данных. В то же время достаточно затруднительно определить уровень социальной напряженности и ее источники прямыми вопросами. Поэтому измерение уровней социальной напряженности происходит опосредовано, через оценку распространения страхов и проблем, тревожащих население. Стоит отметить, что большинство авторов, в своих исследованиях, уделяет внимание только некоторым компонентам социальной напряженности, сконцентрируясь только на сопровождаемой ее тревожности или полностью исключая тревожность из изучения.

Социальная напряженность изучается как западными, так и отечественными исследователями. Как отмечено ранее, западные

исследователи рассматривают социальную напряженность исключительно с психологической точки зрения, изучая и измеряя индивидуальные проявления этого явления. В своих работах западные исследователи недостаточно затрагивают социологические аспекты социальной напряженности, не учитывают состояния отдельных социальных групп и общностей и не выстраивают взаимосвязи между проявлениями социальной напряженности, ее уровнями и влиянием на нормативное регулирование общества. Существующие работы, изучающие социальную напряженность, чаще всего рассматривают ее с точки зрения теории конфликтов или направлены на анализ прикладных региональных вопросов, как, например, исследование зависимости напряженности от сезонности туризма в регионе [19]. Кроме этого, в связи с высоким уровнем включенности жителей в сеть Интернет, в странах Европы и Америки начинают появляться работы по разработке автоматизированных систем мониторинга социально напряженности посредством анализа поведения пользователей сети Интернет. Например, Р. Вурнара с соавторами предложил проводить мониторинг социальной сети Twitter и прогнозировать изменение социальной напряженности за счет автоматического анализа текстов, размещаемых в этой социальной сети [6].

Методы измерения социальной напряженности, используемые отечественными исследователями, в первую очередь, основываются на опросных методах. Для получения структурированной информации и измерения социальной напряженности, в этих методах формулируется стандартизированная анкета, содержащая вопросы – показатели уровня удовлетворенности реализацией основных потребностей респондентов, а в ходе обработки собранного массива данных – вычисляется числовой индекс.

П. Чернобай предложил свою методику расчета «коэффициента благосостояния», который предложил измерять социальную напряженность в трудовом коллективе, через оценку респондентами достаточно большого количества факторов. Особенности данного метода накладывают существенные ограничения на его использование. Во-первых, респондентам

достаточно сложно оценить значимость предложенных факторов и, во-вторых, применение метода ограничено только рамками организационно-трудовых отношений. Такие ограничения не дают возможности проводить масштабирование этого метода и использовать его при проведении крупномасштабных опросов населения [215].

Метод измерения социального самочувствия молодежи, предложенный Е. Давыдовой, позволяет проводить крупные исследования этой социальной группы, что является его неоспоримым преимуществом и включает в себя возможность измерения социальной напряженности. Для исследуемых показателей в этом методе используются шкала удовлетворенности и шкала важности, показания которых Е. Давыдова сравнивает между собой как одноранговые. Однако, прямое сравнение этих шкал представляется не корректным, так как шкала важности, скорее является вспомогательной, помогая соотносить веса переменных при их дальнейшей математической обработке. Кроме этого шкалы, используемые в данном методе, не позволяют точно интерпретировать показатели в соответствии с уровнем изучаемого явления [90].

Метод, предложенный Ю. Плюсниным, основан на концепции скрытой социальной напряженности. Инструментарий, использованный в исследовании, содержал в себе показатели оценки внешних и внутренних факторов развития социальной напряженности. Среди этих показателей присутствуют: оценка глобальных перспектив российского общества, оценка эффективности власти, оценка путей нормализации социально-экономического положения, оценка материального благосостояния, оценка приспособленности к социально-экономическим условиям, оценки эмоционального состояния родных и близких, и протестной активности. Кроме этого, автор сделал попытку прогнозирования изменения социальной напряженности. Метод Ю. Плюснина представляется достаточно разработанным, но требуется дополнительный анализ взаимного влияния

факторов тревожности на социальную напряженность для возможностей прогнозирования их изменения [163].

Соловьев С.С. в начале 90-х годов предложил метод измерения социально напряженности в вооруженных силах. В методе использовался анкетный опрос с последующим анализом полученных данных с учетом основных измеряемых факторов. Соловьев С.С. одним из первых исследователей предложил разделить социальную напряженность на уровни, начиная от самого нижнего уровня – отсутствие социальной напряженности и заканчивая наивысшим – «сверхкритическим» уровнем социальной напряженности, обладающим деструктивным характером (революция, война). В ходе исследования построена математическая модель, учитывающая наиболее значимые факторы. Таким образом, один из первых отечественных исследователей предпринял попытку построения линейной модели социальной напряженности. Недостатком метода, предложенного С.С. Соловьевым, можно назвать очень узкую специализацию и использование факторов, актуальных только для военизированных сообществ. Эти особенности метода не позволяют использовать его в других социальных группах, и соответственно производить сравнение уровня социальной напряженности между разными социальными группами без полной переработки показателей социальной напряженности, хотя основные принципы, использованные автором метода, могут быть использованы для создания универсального метода измерения социальной напряженности [189].

Благодаря широкой доступности социологических данных, некоторые исследователи используют вторичный анализ результатов мониторинговых исследований. Так Л. Гудков [88] и затем Д.Н. Баринов [50] в своих работах выстраивают свои исследования тревожности и социальной напряженности на основании вторичного анализа данных общероссийских опросов общественного мнения, проведенных ведущими социологическими центрами (ВЦИОМ, Левада-центр) и находящимся в открытом доступе. В основе метода лежит анализ вопросов, показывающих наличие у респондентов страхов и

тревог, которые, в свою очередь, выполняют сигнальную функцию и свидетельствуют о степени удовлетворенности сложившейся ситуацией и возможной угрозе удовлетворению потребностей конкретных индивидуумов [72; 99; 148; 187; 200]. В методе также присутствует анализ изменений индикаторов во времени, учитывается трансформация страхов, субъективная оценка респондентами социально-экономического и политического положения своего региона и страны, а также перспектив ее развития, самооценка материального положения, удовлетворенность жизнью. Дополнительно, исследователи проводят анализ влияния факторов напряженности и тревожности, таких как пол возраст, образование.

Использование результатов многолетних мониторинговых исследований, является сильной стороной этого подхода, обладает достаточным уровнем валидности и позволяет выявить изменения в структуры тревог и страхов населения. Но в то же время, использование результатов общероссийских опросов не дает возможности провести глубокий анализ изменений тревожности и напряженности особенно на региональной уровне, за счет усреднения всех показателей на общероссийском уровне. В это случае, локальные изменения и дисбаланс тревог на уровне регионов не могут быть выявлены и изучены. К тому же, часто в открытом доступе находится ограниченный набор данных, который не позволяет провести подробный анализ данных [53].

Метод измерения тревожности и социальной напряженности, использованный В.А. Ивановой и В.Н. Шубкиным включает в себя общероссийский опрос, проведенный по репрезентативной выборке и дополненный серией дискуссионных фокус-групп. В ходе исследования, авторы метода, предложили респондентам выразить свое отношение к опасностям, которые тревожат их в настоящий момент, а также те опасности, с которыми российское общество способно и не способно справиться. Дополнительно, в инструментарии присутствовали вопросы, позволяющие выявить причины тревог, и оценить вероятное поведение респондентов при

реализации его опасений. Используя факторный анализ, авторы метода выделили четыре группы страхов, которые были обозначены как: страхи «общей тревожности», «социально-экономические» страхи, страхи «незащищенности и бесправия» и страхи «глобальных событий» [101]. Оценивая особенности данного метода, можно сказать, что он рассматривает только тревожность и не учитывает в полной мере распространение социальной напряженности и ее влияния, которая сопутствует тревожности и способствует изменению ее уровня.

В 2000 году, исследователи из Уральской академии государственной службы А.В. Артеев и В.Б. Житенев, опубликовали свой метод измерения социальной напряженности в регионе [41]. В предложенном методе была предпринята попытка организации системного мониторинга социальной напряженности и автоматизации анализа получаемых данных. Созданная ими компьютерная система для автоматической обработки получаемых данных позволяет анализировать данные, поступающие в систему ежеквартально. В основе метода лежит использование опросов населения и расчет основных индикаторов. Для мониторинга социальной напряженности и, частично, тревожности, авторы метода использовали следующие показатели:

- материальное положение;
- агрессивно-негативные чувства, испытываемые к власти;
- готовность населения к действиям в случае ухудшения ситуации;
- готовность принять участие в протестной деятельности различного вида;
- проблемы, волнующие население;
- отношение к органам власти, политикам;
- влияние ФПП на жизнь региона и власть;
- рейтинг федеральных политиков и глав муниципальных образований.

Среди положительных характеристик системы можно отметить большое число социологических индикаторов, значительное количество

опрашиваемых респондентов на территории более чем десятка муниципальных образований и возможность автоматизированной обработки данных. Несмотря на обилие показателей, предложенная авторами система мониторинга социальной напряженности значительно «политизирована». Как отмечают сами авторы, полученные данные позволяют отслеживать рейтинги политиков и представителей органов власти, а также прогнозировать возможность их переизбрания на следующий срок. При такой особенности системы, оценка социальной напряженности, как цель разработки метода, у авторов отходит на второй план, и сама система становится политизированной, что сказывается на точности ее работы.

Свою попытку создать систему оценки социальной напряженности предпринял отечественный исследователь И.В. Пирогов, который предложил мультииндикаторный метод изменения социальной напряженности. И.В. Пирогов, провел операциональную интерпретацию понятия «социальная напряженность», заложил в методический инструментарий эмпирические индикаторы и провел их проверку на устойчивость получаемых результатов. Особенностью метода является то, что он учитывает и некоторые аспекты формирования тревожности, а также позволяет интерпретировать значения индикаторов в зависимости от заданных начальных координат. Основным недостатком метода можно назвать подходы автора к интерпретации получаемых значений, использующий отрицательные значения, хотя положительные значения некоторых индикаторов свидетельствуют о наличии фонового уровня социальной напряженности. Такое искажение интегрального показателя вносит существенную ошибку при попытке дальнейшего прогнозирования развития ситуации [160].

Ряд отечественных исследователей (А. Давыдов [89], Р. Попов и А. Сусаров [166], С. Переслегин [157]) проводят измерение социальную напряженность основываясь на анализе статистических данных, получаемых из государственных органов статистики, и построения, на основе этих данных, различных индексов. Такой подход имеет ряд достоинств, связанных с

наличием больших объемов информации, накопленных органами государственной статистики на протяжении многих лет, стабильностью показателей и широтой охвата большого числа регионов. При этом, эти методы имеют ряд недостатков: недостаточная глубина или детализация статистических индикаторов; слишком косвенное отношение к социальной напряженности; низкий уровень оперативности; низкие возможности по сегментации, исследования части общества или отдельных групп; недостаточное количество индикаторов, получаемых из органов государственной статистики; статистические данные, публикуемые официально, могут быть изменены чиновниками для более выгодного представления ситуации, а также возможны ограничения доступа для исследователей. Общество, формирующие его индивидуумы и протекающие в нем процессы, накладывают ограничения на использование статистических методов, в связи с тем, что имеющуюся неопределенность нельзя полностью формализовать, как и полностью учесть региональные особенности формирования социальной напряженности.

Использование нескольких методов при изучении социальной напряженности и измерении ее уровня, отличает исследователей-практиков. Например, В. Быковский использовал результаты опросных методов, государственную статистику и рассчитывал коэффициент социальной напряженности. Уточнение весовых коэффициентов и интерпретация, проводилась с участие экспертов. Используя ограниченный перечень статистических показателей, автор метода показывает, что, в первую очередь, с его помощью можно оценивать эффективность работы муниципальных органов власти, а также проводить сравнение работы нескольких муниципалитетов одного региона. В то же время, эта оценка может быть произведена только в ретроспективе, так как точные статистические данные становятся доступны в органах госстатистики только по прошествии некоторого времени. Таким образом, данная система ограничено способна использоваться для оценки социальной напряженности с минимальным

запаздыванием, хотя может быть использована для вычисления коэффициентов социальной напряженности за прошедшие периоды и определения динамики, в условиях отсутствия данных социологических опросов [69].

В своем диссертационном исследовании, Е.В. Тучков достаточно подробно рассмотрел явление социальной напряженности. В ходе исследования, автором были выявлены факторы СН, а также проведена оценка социальной напряженности в некоторых регионах Центрального федерального округа. Однако в исследовании используется прямая интерпретация различных индикаторов социальной напряженности без их верификации и взвешивания для каждого региона, что усложняет их интерпретацию и усложняет прогнозирование уровня социальной напряженности. Кроме этого, метод практически не затрагивает оценку тревожности, что позволило бы более точно прогнозировать развитие социальной напряженности [202].

Одним из вариантов «частного» проявления социальной напряженности, является напряженность, вызванная негативными изменениями экологической обстановки (социально-экологическая напряженность). Метод измерения социально-экологической напряженности был предложен И.А. Сосуновой [190]. Социально-экологические проблемы вызывают сильное беспокойство у граждан и влияют на общественное мнение и поведение граждан. Метод измерения социально-экологической напряженности основывается на построении индекса экологической напряженности и учитывает в себе 6 разнородных показателей. Одним из показателей является «обобщенный показатель обеспокоенности населения экологической ситуацией», который нормируется по 5-ти балльной шкале и используется в формуле расчета. Остальные показатели не имеют отношения к социологической науке и оценивают уровни урбанизации, загрязнение воздуха и почвы и т.д. В методе, «обеспокоенность населения определяется долей респондентов, сообщивших о своей крайней обеспокоенности или

неудовлетворенности экологической ситуацией». Этот метод, используя только один показатель социальной напряженности, очень узко рассматривает ее, и не позволяет детально анализировать процессы, приводящие к тому или иному уровню напряжений. Кроме этого, наличие социальной напряженности, вызванной другими причинами, может исказить индекс социально-экологической напряженности, как в сторону увеличения, так и уменьшения, что увеличивает ошибку предлагаемого метода.

Наиболее полно и системно метод измерения и прогнозирования социальной напряженности представлен в работах Г.В. Барановой [43; 44; 45; 47]. В основе метода лежит вычисление индивидуальных показателей социальной напряженности, как в регионе в целом, так и в различных социальных группах, выделяемых по полу, возрасту, роду занятий или месту проживания. Расчет индивидуальных показателей социальной напряженности учитывает такой параметр, как важность показателя для респондентов. Вычисление среднего арифметического значения индивидуальных показателей социальной напряженности дает обобщенный Индекс. Вычисление среднего арифметического значения индивидуальных показателей социальной напряженности у респондентов, принадлежащих к одной социальной группе, дает возможность вычислить Индекс социальной напряженности социальных групп.

Возможность прогнозирования социальной напряженности, у Г.В. Барановой, реализуется через модель СН построенной с использованием множественного регрессионного анализа, в которую включены наиболее важные факторные показатели как статистические (собираемые государственными органами статистики), так и социологические (получаемые через проведение опросов населения) [43; 44; 45; 47]. Интерпретация получаемых индексов социальной напряженности происходит с использованием шкалы, задающей различные уровни социальной напряженности. Важно отметить, что Г.В. Баранова отмечает большое значение региональной специфики измерения социальной напряженности и ее

развития. Основное отличие методики измерения, предложенной Г.В. Барановой, состоит во взгляде на социальную напряженность как ноумен с позиции метасимиотики [39]. В понимании Г.В. Барановой, ноумен – это нечто умопостигаемое, противоположность феномену – постигаемому эмпирически. Ноумен позволяет рассмотреть социальную напряженность как вычисляемую интегральную характеристику социальной системы, а затем перейти к ее рассмотрению как объекта управления – феномен. В то же время ею используются стандартные опросные методы, дополненные математической обработкой для вычисления индекса социальной напряженности, а также непостоянством большого количества факторов, включенных в модель социальной напряженности, что ограничивает возможности метода. Кроме этого, одним из недостатков метода можно считать игнорирования явления тревожности, без учета которого модель прогнозирования будет неточной [43; 44; 45; 47].

Современные технологии позволили расширить спектр методов анализа социальной напряженности и сформировать предпосылку для формирования методов на основе агрегации и анализа больших данных, размещаемых в интернет. Несмотря на то, что данные методы достаточно новые уже есть работы, авторы которых, опираясь на современные технологии делают попытки оценки социальной напряженности выявляя маркеры неудовлетворенности населения через анализ реакций пользователей программ социальных медиа и интернета в целом. Основой идентификации служат сбор и идентификация простейших действий пользователей сети интернет, которые кодируются и затем подвергаются количественному и качественному анализу с использованием алгоритмов Data Science. Преимуществом такого подхода перед классическими социологическими методами, является возможность мониторинга признаков социальной напряженности в реальном времени с минимальной задержкой между сбором данных и получением результата анализа. В то же время, сами используемые технологии пока являются существенным ограничением так как

используемые алгоритмы обработки собранных тексто-графических данных не могут быть интерпретированы полностью автоматически из-за невозможности учитывать природу тех или иных явлений и проявлений социальной напряженности, анализ и экспертиза которых может быть сделана только с привлечением профессиональных исследователей и экспертов [60; 81].

Таблица 1.2 – Основные подходы, используемые для измерения социальной напряженности

Методы	Особенности метода	Автор
Психологические	<ul style="list-style-type: none"> – Исследования на уровне индивида и малых групп – Акцент на индивидуальные особенности протекания напряженности и тревожности – Дополнительно изучаемые аспекты: эмоциональное состояние индивида, индивидуальные установки 	Дж. Тейлор [138] Т. Ахенбах [116] Ч. Спилбергер [31; 106] Т.А. Немчин [138] В. Г. Норакидзе [138] А. Бочаров [65] О. Гредюшко [82] и др.
Социально-психологические методы	<ul style="list-style-type: none"> – Исследования на уровне больших групп, производственных коллективов – Используются психологические методы, адаптированные для больших выборок – Позволяют разделить индивидуальную тревожность и тревожность, вызванную социальными факторами 	В.А. Ядов [111]. В.Н. Шубкина [111] О.А. Прилутская [171, 170] Д.А. Шмонин [217]. и др.
Социологические методы	<ul style="list-style-type: none"> – Исследования на уровне больших групп и общества – Используются преимущественно социологические методы и показатели, связанные с оценкой факторов социальной напряженности через их оценку респондентами (материальное положение, отношение к власти, характеристика событий, сфер жизни и др.) 	П. Чернобай [215] Е. Давыдова [90] Ю. Плюснин [163] С.С. Соловьев [189] Л. Гудков [88] Д.Н. Баринов [50] В.А. Иванова [101] и др.

Источник: составлено автором.

Многие авторы, рассмотренные выше, в своей работе для оценки социальной напряженности так или иначе формируют собственную модель измерения. Построение модели измерения необходимо для того, чтобы

получить максимально надежные и валидные результаты исследуемого объекта. Устойчивость и воспроизводимость получаемых результатов является показателем надежности используемой модели измерения. Для оценки надежности созданной модели измерения чаще всего используют метод перепроверки «test=retest» [127]. Этот метод заключается в повторном проведении исследования с использованием идентичных показателей на одной и той же выборке, но в разные моменты времени. Одинаковые ответы респондентов во всех случаях, свидетельствуют о надежном показателе. Измерение валидности возможно за счет анализа согласованности мнений респондентов, а также за счет использования правил и рекомендаций подготовки инструментария, выработанных современными социологами [174].

Согласно проведенному анализу, в таблице 1.2 перечислены подходы, использующиеся при измерении социальной напряженности, их основные аспекты и особенности.

Подводя итог, можно сказать, что оптимальным вариантом создания модели измерения социальной напряженности возможно выполнить на основе синергии классических социологических методов (опросы населения, экспертные интервью) и современными методами анализа данных социальных медиа. Использование такого подхода объясняется тем, что при анализе социальной напряженности как социального феномена, социологические методы обладают наибольшим преимуществом по сравнению с психологическими и социопсихологическими методами в связи с тем, что индивиды являются субъектом социальной напряженности и изучение их настроений способно достаточно точно отразить уровень и аспекты социальной напряженности. Кроме этого, массовое использование иных методов и методик ограничено в связи с их избыточной трудоемкостью. Использование опросных методов позволяет выстраивать систему мониторинга, имеющую высокий потенциал по изучению и прогнозированию уровней социальной напряженности с помощью различных расчетных

индексов. Дополнение методов опроса населения экспертными оценками и анализом данных социальных медиа, позволяет значительно расширить возможности анализа и интерпретации получаемых данных, что может являться основой для принятия решений по регулированию уровня социальной напряженности, и создания условий для предотвращения эскалации социальных конфликтов, ведущих к дестабилизации общества.

1.3 Концептуальная модель социологического анализа социальной напряженности на региональном уровне

Компаративистский анализ существующих подходов и методов измерения социальной напряженности в параграфах 1.1 и 1.2 показывает, что они больше сосредоточены на описании индивидуальных или групповых проявлений социальной напряженности и ограничено учитывают возможности анализа социальной напряженности как показателя оценки социально-экономической ситуации отдельного региона.

Как показано ранее в параграфе 1.1, социальная напряженность является сложным социальным феноменом, полное понимание которого возможно только при использовании междисциплинарного подхода. Выявленные характеристики социальной напряженности и ее множественные воздействующие силы позволяют разработать концептуальную модель анализа на основе концепций социального пространства и поля, предложенных Пьером Бурдьё.

Согласно взглядам П. Бурдьё человек, как биологический индивид, является и социальным агентом – человек активно влияет на окружающую среду и одновременно ограничен социальной реальностью. Факторы напряженности, находящиеся в социальной среде, оказывают воздействие на человека, и человек, как субъект деятельности, реагирует на эти воздействия. Важно рассматривать социальное напряжение как составную часть социальных взаимоотношений, действующих в обществе [68; 70].

В соответствии с теорией П. Бурдьё, факторы социальной напряженности представляют собой часть социальных пространств или полей сил, которые воздействуют на актора, находящегося в рамках социального пространства. Положение, занимаемое человеком или другим актором, а также степень и продолжительность его участия в поле, определяют характер и меру воздействия поля [68]. Следовательно, согласно теории П. Бурдьё, для изучения социальной напряженности и оценки социально-экономического состояния региона следует рассматривать общество как совокупность акторов, вовлеченных в социальную реальность, где существуют поля, подверженные воздействию различных сил, формирующих социальную напряженность в регионе и вызывающих реакцию населения.

С учетом характеристик социальной напряженности, факторы, оказывающие на нее влияние, могут быть выявлены в следующих полях:

- поле экономики (или экономическое поле) – объединяющие экономические факторы и силы, воздействующие на человека;
- поле политики – объединяющие политические факторы и силы, воздействующие на человека;
- поле информации (СМИ) – информационное окружение, влияющее на человека через создание информационного фона;
- социальное поле – объединяющее факторы, социального благополучия человека и его ближайшего окружения;
- поле экологии – являющееся отражением среды, окружающей человека и ее безопасности для его жизни;
- поле культуры – культурная среда общества;
- поле межнациональных отношений.

Согласно экспертным оценкам, активность различных факторов может приводить к изменению полей – прохождению их через несколько последовательных состояний. Условно, эти состояния можно разделить на оптимальное, разбалансированное и дисфункциональное состояния. В таблице 1.3 показано, как каждому состоянию поля может соответствовать

определенный уровень тревожности, социальной напряженности и конфликтности:

- оптимальное состояние. Характеризуете фоновым уровнем тревожности и социальной напряженности. Отсутствие явных конфликтов и проявления активных конфликтных действий;
- разбалансированное состояние. Характеризуется усилением тревожности и напряженности. Возможно появление конфликтных ситуаций, агрессии и ограниченного числа активных действий низкой интенсивности;
- дисфункциональное состояние. Характеризуется высоким уровнем тревожности, напряжения, появлением явных конфликтов и увеличением числа агрессивных реакций индивидов.

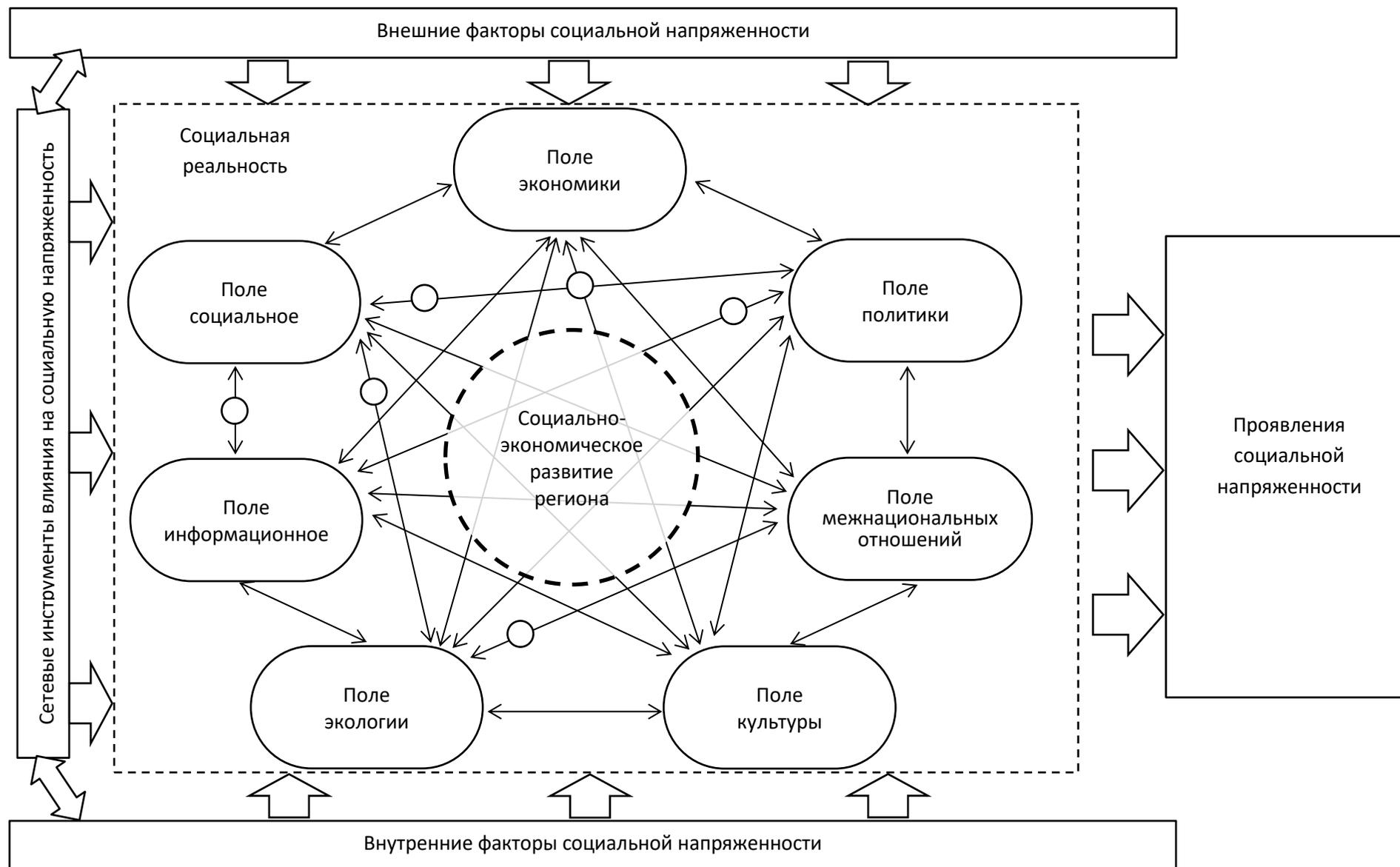
Таблица 1.3 – Возможные состояние полей в зависимости от уровня социальной напряженности, выделенные на основании экспертной оценки

Состояние поля	Уровень тревожности	Уровень напряженности	Уровень конфликтности
Оптимальное	Фоновый	Фоновый	Отсутствие активных действий
Разбалансированное	Повышенный	Повышенный	Возможны некоторые проявления
Дисфункциональное	Высокий	Высокий	Активные действия

Источник: составлено автором.

На рисунке 1.2 представлена концептуальная схема социальной напряженности, которая создана на основе теории полей П. Бурдьё.

Социальная напряженность возникает за счет взаимодействия и пересечения различных полей, усиливающих внешними и внутренними факторами не только в каждом отдельном поле, но и через создание локальных «узлов» в определенных областях или взаимодействию различных полей. В социальной реальности внешними факторами выступают поля и соответствующие силы, оказывающие воздействие на индивида, а индивид активно взаимодействует с социальной реальностью и является носителем внутренних факторов напряженности [14].

Источник: составлено автором.

Рисунок 1.2 – Концептуальная схема анализа социальной напряженности

Социальные действия, происходящие между индивидами, в том числе носят характер коммуникативных действий, влияющих на социальную напряженность, через взаимодействие (коммуникацию) между индивидами и группами [14].

Сетевые инструменты управления социальной напряженностью, как отдельная сущность, способны корректировать влияние факторов социальной напряженности на поля и социально-экономическое состояние региона. Результирующее влияние полей, факторов социальной напряженности оказывает влияние на социально-экономическое состояние региона. Результат влияния социальной напряженности можно увидеть в проявлениях или признаках, являющихся результатом совокупности процессов, происходящих при взаимодействии всех составляющих концептуальной модели. Таким образом, социальное пространство региона, социальная напряженность и социально-экономическое состояние региона, может быть охарактеризовано с использованием данной концептуальной модели.

Под социально-экономическим состоянием региона, в данном случае понимается комплексный термин, который характеризует экономическое и социальное развитие определенного территориального образования. Он охватывает такие аспекты, как доходы и благосостояние населения, структуру занятости, инфраструктуру, уровень образования, здравоохранения и иные, по сути объединяя совокупность экономических, социальных, демографических, культурных и природных процессов, непосредственно и косвенно влияющих на экономическое благополучие населения и региона [55; 205].

Таким образом, предложенная модель анализа социальной напряженности и включенные в нее поля являются отражением основных составляющих социально-экономическое состояние региона, которое является сложным и многомерным показателем, включающим в себя различные сферы жизнедеятельности, влияющим на уровень благосостояния населения.

В рамках рассматриваемых полей можно обнаружить внутренние факторы, связанных свойствами индивидов [77]:

- фрустрация при столкновении с негативными событиями;
- объективизация (определение виновного) в сложившемся положении, независимо от того, является ли объект действительно причиной социальной напряженности;
- готовность участвовать в активных действиях в целом, и по противодействию проявлениям социальной напряженности, в частности;
- пассионарность как стремление к активной деятельности и реализации поставленных целей.

Внешние факторы социальной напряженности разнообразны и способны проявляться в нескольких полях. Сила воздействия каждого внешнего фактора зависит от активности участников и сил, внутри поля. В случае повышенной активности определенных факторов другие могут оставаться в фоновом состоянии и практически не влиять на индивида.

Результаты проведенного ранее анализа, отраженного в параграфах 1.1 и 1.2, позволяют выделить перечень внешних факторов, упоминаемых исследователями [77]:

- присутствие института (совокупности норм, взаимосвязанных ценностей), который целенаправленно воздействует на индивидов, аккумулирует их потенциал и направляет их действия в нужное русло. В рамках различных полей, такими структурами могут выступать средства массовой информации, политические партии, коллективы и т.д.;
- наличие организованной иерархической социальной структуры;
- социальная организация и роли в ней, наличие лидера, способного взять на себя ответственность, возглавить и повести за собой людей, что позволит обеспечить выход накопившемуся напряжению через активные действия;
- источники информации (средства массовой информации, сетевые ресурсы и ближайшее окружение человека);
- культурные особенности, включающие в себя сложившиеся традиции, религиозную и социальную культуру, которые оказывают

существенное влияние на формирование норм и ценностей, а также определяют возможные реакции на негативные ситуации и солидарность отдельных групп;

- конструкция политической системы, сложившейся в государстве;
- конструкция управленческой системы, традиции и культура управления;
- ближайшее окружение, его сформированность, размер и прочность сложившихся отношений;
- устойчивые ценностные ориентации и степень их мобильности;
- уровни удовлетворения материальных потребностей населения, включая уровень доходов и расходов, владение собственностью.

Анализ методов и подходов исследователей, выполненный в параграфе 1.2 показал, что подавляющее большинство исследователей концентрируется на использовании опросных методов и методов анализа статистической информации. Использование методов изучения данных официальной статистики имеют очевидные недостатки, связанные с тем, что получаемые оценки являются ретроспективными из-за длительного периода между сбором данных и их публикацией, количество показателей очень ограничено и не отражает все многообразие социальных процессов и показателей, невозможность проверить достоверность статистических данных и соблюдение процедуры их сбора и анализа. Среди опросных методов в наибольшей степени используются массовые опросы населения, позволяющие оперативно получать информацию о состоянии социальной напряженности, проводить регулярный мониторинг и в меньшей степени распространены – опросы экспертов. При этом, в практике исследования социальной напряженности, опросы экспертов часто используют для валидации и интерпретации результатов массовых опросов населения [108].

Исходя из анализа существующих методов измерения социальной напряженности, можно сказать, что оптимальным вариантом методики исследования социальной напряженности является комбинирование

различных методов с учетом целесообразности их применения: использование опросного метода и безопросного анализа данных социальных медиа для изучения социальной напряженности как во всем обществе, так и в отдельных социальных группах; фокус-групповые исследования и экспертные интервью для обогащения получаемых данных новой информацией и валидации результата исследований. Основными преимуществами использования опросного метода, важными для изучения социальной напряженности, являются их высокая валидность и скорость выполнения. Опросы дают возможность выявлять показатели социальной напряженности и позволяют использовать показатели для оценки факторов социальной напряженности. Кроме этого, на основании каждого данных, используемых для оценки показателя, может быть вычислен характеризующий его индекс. Также на основе нескольких показателей или субиндексов, может быть рассчитан сводный индекс, характеризующий социальную напряженность, что повышает надежность проводимых измерений [195].

С позиции практической значимости, важно отметить, что совокупность методов предоставляет нужную информацию о состоянии общественного мнения и существенных изменениях, происходящих в обществе. Анализ полученных данных позволяет отразить текущие взгляды индивидов, их эмоциональное состояние, намерения и причины беспокойства. Добавление статистических методов анализа, позволяет прогнозировать изменение уровня социальной напряженности в ближайшей перспективе. Добавление статистических методов анализа, позволяет прогнозировать изменение уровня социальной напряженности в ближайшей перспективе. В дальнейшем, результаты анализа используются для разработки и принятия управленческих решений на всех уровнях власти. Регулярный мониторинг показателей социальной напряженности позволяет прогнозировать ее изменение, а значит, предоставляет возможность регулировать уровень социальной напряженности. В свою очередь регулирование социальной напряженности на

ранних стадиях позволяет проводить профилактику возникновения социальных конфликтов.

Многие факторы, определяющие уровень социальной напряженности в обществе, имеют региональную специфику. Чтобы объективно учесть влияние региональной специфики на развитие социальной напряженности оптимальным является выявление региональных факторов специфики посредством проведения экспертных интервью и затем, использование этих факторов в дальнейших исследованиях. Но такой подход обладает определенными недостатками. Во-первых, для переоценки факторов необходимо проведение экспертных опросов не менее одного раза в год в каждом из регионов, что делает метод измерения более затратным, во-вторых, встает вопрос о корректности сравнения нескольких регионов с одинаковыми уровнями социальной напряженности рассчитанными с использованием разных факторов, так, как не каждый фактор социальной напряженности, несмотря на свою важность (вес), может вызывать ее рост. Выходом из этой ситуации может быть использование ограниченного количества факторов социальной напряженности, с преобладанием универсальных, для большинства регионов, факторов с включением наиболее сильных факторов, специфичных для региона. При этом, такой подход также имеет ряд недостатков, основным из которых является увеличение вероятности возникновения ошибки из-за исключения какого-либо важного фактора. В тоже время ограничение количества факторов имеет преимущество, в силу меньшей трудоемкости, высокой воспроизводимости результатов и большими возможностями для сравнения разных регионов и социальных групп.

Для оценки уровня социальной напряженности проводится сбор эмпирических данных с использованием анкетных опросов, проводимых на основе представительной выборки. В ходе этих опросов осуществляется измерение таких показателей, как: оценка материального положения, оценка изменений за предыдущий год, отношение к будущему и рейтинг социальных

проблем. Разработка показателей социальной напряженности осуществлялась с использованием рекомендаций академика Г.В. Осипова [174, с. 145-194].

В первую очередь, для изучения социальной напряженности в рамках разработанной концептуальной модели требуется сформировать модель измерения, которая будет максимально точно соответствовать целям и задачам настоящей работы. Модель измерения включает в себя набор показателей и индикаторов, вычисляемых на основании результатов измерения показателей.

Согласно социологическому словарю, показатель – это «инструмент, обеспечивающий возможность проверки теоретических положений с помощью эмпирических данных» [61]. Существуют качественные и количественные показатели. Качественные показатели свидетельствуют о наличии или отсутствии определенного свойства, а количественные – показывают выраженность свойства или его уровень. Для достижения целей и задач измерения уровня социальной напряженности, наиболее подходят количественные показатели.

Проведенный анализ показал, что авторы исследований используют различный набор показателей для измерения социальной напряженности. Примеры количественных показателей приведены в таблице 1.4.

В случае изучения социальной напряженности выбор показателей достаточно широк. Среди показателей социальной напряженности обязательно присутствуют те, которые отражают субъективное мнение людей о социальных событиях, действиях, удовлетворенности, ожиданиях и других аспектах. Обязательно в перечень показателей должна быть включена оценка конфликтной стороны проявлений социальной напряженности – то есть протестной активности. Необходимо ограничить этот перечень показателей теми, которые являются наиболее продуктивными для целей настоящего исследования, учитывающие региональную специфику факторов социальной напряженности, которая находит свое отражение в особой комбинации

внешних факторов, региональной проблематики, необходимости учета отношения к региональной власти и социального положения населения.

Таблица 1.4 – Примеры показателей социальной напряженности, используемые исследователями

Показатели	Исследователь
«Уровень криминальности, возможность получить работу, удовлетворенность здравоохранением, жилищные условия, удовлетворенность качеством доступного образования, социальное окружение» [34]	Мур А., Вортон Дж.
«Ситуативная тревожность, личностная тревожность» [31]	Спилбергер Ч.
«... материальную обеспеченность респондентов, социально-психологический климат, характер взаимоотношений в социуме, отношение населения к социально-политическим и социально-экономическим процессам происходящим в обществе, а также оценить готовность к участию в акциях массового протеста, вероятность их проведения и уровень социальной напряженности в конкретном городе» [163]	Плюсин Ю.М.
«Расчет стресс-индекса SSI (State Stress Index) на основе оценки распространенности неблагоприятных жизненных событий индивидов» [24]	Мюррейем А., Лински А.
«Качество жизни населения, оценка их благосостояния» [157]	Переслегин С.Б.
«Отношение населения к действиям власти, удовлетворенность жизнью и ее качеством, отношение к деятельности политической элиты, оценка работы государственных институтов и систем (образование, здравоохранение, ЖКХ и т.д.)» [108]	Каира Ю.В.
«Группа показателей, характеризующие социальные, экономические, политические состояния, экологию и уровень преступности» [35]	Уильямс М.
«Изменение уровня дохода и связанная с ним стратификация социальных групп» [23]	Ли Е., Шин Д.
«Неудовлетворенность уровнем личного благосостояния, ухудшение материального положения за последний год, отсутствие возможности улучшения личного благосостояния в будущем, обеспокоенность возможностью оказаться без работы, неудовлетворенность деятельностью властей в социально-экономической сфере, неудовлетворенность своими жилищными условиями, неудовлетворенность условиями труда, участие в массовых акциях социального протеста, готовность участвовать в протестных действиях, негативное восприятие экономического неравенства в обществе» [143]	Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В.

Источник: составлено автором.

Исходя из необходимости учета региональных особенностей влияния социальной напряженности на социально-экономическую ситуацию в

регионе, на основе результатов проведенного экспертного опроса, автором предложены показатели социальной напряженности.

Модель исследования включает три компонента: социальное самочувствие, социальная тревожность и социальная напряженность [117]:

- 1) оценка действий федеральной, региональной и муниципальной власти;
- 2) оценка действий различных властных институтов;
- 3) уровень материального положение населения;
- 4) отношение населения к своему ближайшему будущему;
- 5) оценка характера изменений, произошедших в жизни индивида;
- 6) оценка конфликтного потенциала и протестной активности населения;
- 7) обеспокоенность населения социальными проблемами, и наличие проявления девиантного поведения.

Социальная напряженность является достаточно сложным явлением, поэтому для оценки ее уровня следует использовать сразу несколько показателей, которые позволяют зафиксировать различные стороны развития социальной напряженности. При оценке социальной напряженности важно использовать показатели, фиксирующие ее аспекты и затрагивающие оценку материального положения, изменений в жизни населения, как случившихся, так и возможных, а также уровень их протестной активности. Стоит учесть, что при проведении исследования социальной напряженности практически невозможно определить уровень социальной напряженности отдельно от тревожности, появляющейся на начальных этапах ее формирования. Поэтому, при измерении уровня социальной напряженности правильно было бы сказать, что происходит измерение уровня социальной напряженности в целом. При этом на нижних уровнях, начинают фиксироваться проявления тревожности, а с возрастанием уровня – проявления социальной напряженности.

Разработка показателей социальной напряженности требует формирования шкал, достаточно чувствительных для измерения изучаемых

социальных явлений. Как известно, Р. Лайкерт показал, что для целей исследования достаточно чувствительной шкалой является шкала, состоящая из пяти градаций [198]. В некоторых случаях, достаточной чувствительностью обладают шкалы, содержащие меньшее количество градаций. Это можно подтвердить, используя пилотажные исследования для проверки шкал. Основываясь на этом, при составлении показателей социальной напряженности были использованы шкалы, содержащие пять градаций с вербальным закреплением границы каждой градации.

Рассмотрим используемые показатели более подробно.

Как известно, оценка населением деятельности органов власти и уровень удовлетворенности этой деятельностью, является универсальным и весомым фактором социальной напряженности [45, с. 84]. В зависимости от уровня власти (федеральная, региональная, местная) и уровня факторов напряжений (федеральный, региональный, местный), меняется и их влияние. Таким образом, влияние местных факторов, приводит, в первую очередь, к изменению оценок местных органов власти и их представителей. То же относится и федеральным и региональным факторам, хотя возможны и исключения.

Оценка населением деятельности органов власти значительно различается в зависимости от того, идет ли речь о конкретных представителях власти или о целом органе власти. Как показывают результаты эмпирических исследований, личность руководителя оценивается гораздо выше, чем органа власти, им возглавляемого. Во многом это связано с публичным характером деятельности руководителей, когда усилия самого политика и помогающих ему специалистов направлены на поддержание положительного имиджа политика.

Некоторые исследователи обосновывают высокий уровень интереса к органам власти и влиянию этих факторов на гражданское общество тем, что активизация инициативных сил гражданского общества рассматривается как инструмент обновления политических институтов [13].

Возможность отслеживать и прогнозировать направление изменения уровня социальной напряженности предусматривает создание количественных индикаторов социальной напряженности на основе выбранных показателей. Как известно, индикатор это «доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию» [61].

По мнению многих авторов, включение индексов в модель измерения способствует повышению надежности измерения [34; 92; 198; 199].

Для удобства использования, эмпирические данные показателей оценки деятельности власти и ее представителей, являются основой для вычисления индикатора отношения к власти, подход к вычислению которого предложена автором и показана в формуле (1) [117]

$$I_{дв} = S_{псо} - S_{оо}, \quad (1)$$

где $I_{дв}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{псо}$ – сумма положительных и средних оценок;

$S_{оо}$ – сумма отрицательных оценок.

Следующим важным показателем социальной напряженности является оценка респондентами уровня своего материального положения. Данный показатель, является достаточно чувствительным к изменениям, влияющим на материальное положение населения, и свидетельствует об изменении их благосостояния. Оценка респондентами своего материального положения, проводилась с использованием вопроса «Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи?». В анкете использовалась порядковая шкала с границами диапазона от 1 до 5, выраженными в следующих фразах:

- 1) «Живем за гранью бедности, не хватает даже на питание».
- 2) «Денег хватает только на питание».
- 3) «Живем нормально, но приходится экономить».
- 4) «Денег на жизнь хватает; особо не экономим».

5) «Достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить».

Предложенных пяти градаций шкалы достаточно для оценки текущего состояния материального положения респондентов. В дальнейшем, в связи с малыми долями крайних градаций и близкими значениями показателей, получаемых в ходе исследования, часть из диапазонов шкалы были объединены в три условные социальные группы по самооценке материального положения:

1) Группа «Высокий достаток» - объединение градаций «достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить» и «денег на жизнь хватает; особо не экономим».

2) Группа «Средний достаток» - «живем нормально, но приходится экономить».

3) Группа «Низкий достаток» - объединение градаций «денег хватает только на питание» и «живем за гранью бедности, не хватает даже на питание».

Такое разделение позволяет анализировать изменения, происходящие в группах населения с различным уровнем материального достатка, а также вычислять интегральные индикаторы социальной напряженности. Снижение значений показателя материального положения является первым признаком накопления потенциала социальной напряженности и отражает негативное изменение социально-экономической ситуации.

Для удобства анализа изменения показателя материального положения вычисляется соответствующий индикатор по формуле (2)

$$I_{МП} = S_{ВД} + S_{СД} - S_{НД}, \quad (2)$$

где $I_{МП}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{ВД}$ – доля группы «высокий достаток»;

$S_{СД}$ – доля группы «средний достаток»;

$S_{НД}$ – доля группы «низкий достаток».

Помимо оценок текущего состояния населения важным компонентом для оценки характера тревог и напряжений в обществе служит оценка населением изменений в их жизни, за определенный промежуток времени. Уменьшение значений этого показателя свидетельствует о накоплении потенциала социальной напряженности и изменению ее уровня. Достаточно эффективным способом измерения является использование вопроса «Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?» с порядковой шкалой из пяти градаций:

- 1) «Значительно улучшилась».
- 2) «Немного улучшилась».
- 3) «Не изменилась».
- 4) «Немного ухудшилась».
- 5) «Значительно ухудшилась».

Эмпирические данные, получаемые с использованием показателя оценки прошедших изменений, в дальнейшем являются основой для вычисления соответствующего индикатора по формуле (3)

$$I_{\text{ИЗМ}} = S_{\text{ПСО}} - S_{\text{ОО}}, \quad (3)$$

где $I_{\text{ИЗМ}}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{\text{ПСО}}$ – сумма положительных и средних оценок;

$S_{\text{ОО}}$ – сумма отрицательных оценок.

Следующим аспектом исследования социальной напряженности является характеристика ожиданий населения от ближайшего будущего. Включение этого показателя во многом обосновывается тем, что ожидания от развития ситуации в будущем в значительной степени определяют дальнейшую стратегию поведения населения и чем негативнее оценки будущего, тем более вероятно существенное изменение поведения населения. Сбор данных для анализа ожиданий респондентов от ближайшего будущего проводится с использованием вопроса «Как Вы считаете, жизнь в городе в ближайшем будущем...?». Таким образом, показатель свидетельствует об

определенном уровне социального оптимизма, присутствующем в обществе, и позволяет выделить преобладающее направление ожидания от будущего - его полярность: «пессимистическое» или «оптимистическое».

Для измерения этого показателя достаточно использовать шкалу, состоящую из трех градаций:

- 1) «Изменится в лучшую сторону».
- 2) «Останется без изменений».
- 3) «Изменится в худшую сторону».

Эмпирические данные, получаемые с использованием показателя отношения к будущему, в дальнейшем являются основой для вычисления соответствующего индикатора по формуле (4)

$$I_{\text{ОБ}} = S_{\text{ПСО}} - S_{\text{ОО}}, \quad (4)$$

где $I_{\text{ОБ}}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{\text{ПСО}}$ – сумма положительных и средних оценок;

$S_{\text{ОО}}$ – отрицательные оценки.

Протестный потенциал и протестная активность являются неотъемлемыми признаками социальной напряженности. Соответственно наличие этих явлений необходимо учитывать при оценке социальной напряженности и подготовке прогнозов изменений в обществе. Важно понимать, что при наличии высокого уровня социальной напряженности не всегда население готово лично выйти и принять участие в акциях протеста. Поэтому, для оценки протестного потенциала стоит его разделить на общественный протестный потенциал и личный протестный потенциал [172]. Поэтому, возможно использования показателя на основе вопроса «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе акции протеста?». Со шкалой из двух градаций:

- 1) «Вполне возможны».
- 2) «Маловероятны».

Для дальнейшего анализа, эмпирические данные показателя общественного протестного потенциала, являются основой для вычисления индикатора по формуле (5)

$$I_{\text{ОПП}} = S_{\text{ПСО}} - S_{\text{ОО}}, \quad (5)$$

где $I_{\text{ОПП}}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{\text{ПСО}}$ –положительные оценки;

$S_{\text{ОО}}$ – отрицательные оценки.

Схожим образом оценивается и личный протестный потенциал. Для его оценки используется показатель, на основе вопроса «Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?»:»:

1) «Скорее всего, да».

2) «Скорее всего, нет».

Для дальнейшего анализа, эмпирические данные показателя личного протестного потенциала, являются основой для вычисления индикатора личного протестного потенциала по формуле (6)

$$I_{\text{ЛПП}} = S_{\text{ПСО}} - S_{\text{ОО}}, \quad (6)$$

где $I_{\text{ЛПП}}$ – вычисляемый индикатор;

$S_{\text{ПСО}}$ –положительные оценки;

$S_{\text{ОО}}$ – отрицательные оценки.

В дополнение к перечисленным показателям, для получения дополнительной информации о возможных формах протестной активности, возникающей при проявлении социальной напряженности, используется вопрос о формах протестной активности. Соответствующий показатель, основывается на вопросе: «Если Вы допускаете свое участие в акциях протеста, то в какой форме?». Анализ ответов респондентов на этот вопрос позволяет определить возможную степень агрессивности проявлений протестных настроений и включает в себя следующие варианты ответов:

- 1) «Подпишусь под требованиями, воззваниями».
- 2) «Приму участие в митинге, демонстрации, шествии».
- 3) «Приму участие в голодовке».
- 4) «Приму участие в забастовке».
- 5) «Объявлю бойкот».

Интерпретация получаемых значений показателей социальной напряженности требует создания шкалы, которая поможет расставить их в соответствие с качественными стадиями развития. Для этого значения показателей, полученных в ходе исследований, пересчитывались для получения числовых индексов, позволяющих в удобной форме сравнивать данные различных периодов. Важным является определение границ вычисляемых индексов социальной напряженности. Используемый способ расчета позволяет получить значения индексов от -100 до 100. Пересечение индексами точки «0» позволяет увидеть преобладающую полярность в значении того или иного показателя. Кроме этого, наличие шкалы с четкими границами позволяет сравнивать индексы, вычисленные в различные временные отрезки или для различных социальных групп, а также фиксировать «критические точки» и уровни общественного мнения, пересечение которых ведет к качественному изменению в проявлениях социальной напряженности. Стоит отметить, что точка «0» на шкале не всегда является «критической», достижение которой будет свидетельствовать о качественном изменении в социальной среде.

Использование интервала [-100;100] позволяет использовать показатели социальной напряженности для расчетов различных шкал, индексов и прогнозов. Наиболее удобным для оценок и прогнозов социальной напряженности является создание интервальной шкалы [196; 197].

Вычисление сводного индикатора I_{CH} производится по формуле (7)

$$I_{CH} = (I_{дв} + I_{мп} + I_{изм} + I_{об} + I_{опп} + I_{лпп})/n, \quad (7)$$

где n – количество индикаторов, используемых для расчета I_{CH} .

$I_{дв}$ – индикатор деятельности власти;

$I_{МП}$ – индикатор материального положения;

$I_{ИЗМ}$ – индикатор изменения в жизни;

$I_{ОБ}$ – индикатор отношения к будущему;

$I_{ОПП}$ – индикатор общественного протестного потенциала;

$I_{ЛПП}$ – индикатор личного протестного потенциала.

Таким образом, сводный индикатор социальной напряженности представляет собой среднее арифметическое частных индикаторов, отражающих различные аспекты социальной напряженности.

Согласно Г.В. Барановой можно выделить 4 стадии социальной напряженности и соответствующие им уровни социальной напряженности, показанные в таблице 1.5 [45].

Таблица 1.5 – Стадии и уровни социальной напряженности

Стадии социальной напряженности	Уровни социальной напряженности
Латентная стадия	Фоновый уровень
Начальная (диффузная) стадия	Повышенный уровень
Стадия явной социальной напряженности	Высокий уровень
Стадия социального конфликта	Критический уровень

Источник: по материалам Г.В. Барановой [45].

Уровни социальной напряженности помогают интерпретировать расчетные показатели индекса социальной напряженности. Для интерпретации необходимо рассчитать границы, которые соответствуют стадиям социальной напряженности. Расчет границ осуществляется за счет оперирования числовыми индексами социальной напряженности в соответствии со стадиями ее развития.

В первую очередь необходимо определить границы индекса, свидетельствующие о «фоновом» уровне социальной напряженности. Фоновый уровень социальной напряженности характеризуется положительными и нейтральными оценками в шкале показателей социальной напряженности. Соответственно, вычисление границы фонового уровня определяется вычислением по формуле сводного индекса социальной

напряженности с подстановкой значений, соответствующих положительным и нейтральным оценкам ($I_{CH} = (50+50+50+50+50+50+50+-50+-50)/9$). Таким образом, получаемое значение будет являться нижней границей диапазона фоновых значений (28 единиц).

Одновременно с этим, нижняя граница фонового значения социальной напряженности будет верхней границей для повышенного уровня социальной напряженности. А нижней границей для повышенного уровня будет значение «0» ($I_{CH} = (0+0+0+0+0+0+0+0+0)/9$) и верхняя граница критического уровня социальной напряженности ($I_{CH} = (-50+-50+-50+-50+-50+-50+-50+50+50)/9$). Согласно произведенным вычислениям, нижней границей, свидетельствующей о критическом уровне СН будет значение индекса равное -28.

Исходя из вычисленных по формуле границ уровней социальной напряженности, шкала для интерпретации получаемых значений индекса показана в таблице 1.6. Соответственно, значения индикаторов, находящиеся в пределах фонового уровня социальной напряженности, можно считать «нормальными» - то есть соответствующими норме. Значения индикаторов, которые меньше границы фонового уровня (28) свидетельствуют о наличии отклонений от фонового уровня социальной напряженности и чем больше это отклонение, тем значительнее уровень социальной напряженности в обществе. В случае с представленным индикатором социальной напряженности, чем значение ближе к 100, тем, более ниже уровень социальной напряженности и более благополучная обстановка в оцениваемом регионе.

Таблица 1.6 – Уровни социальной напряженности и соответствующие им значения индикатора

В единицах

Уровни социальной напряженности	Значения индикатора
Фоновый уровень	> 28
Повышенный уровень	28 - 0
Высокий уровень	0 - -28
Критический уровень	< -28

Источник: составлено автором.

Выводы по первой главе

В рамках данной главы разработана авторская концептуальная модель анализа влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона, основой которой послужила теория социального пространства и поля, разработанного П. Бурдье в рамках его подхода, именуемого «структуралистским конструктивизмом».

Применение теории П. Бурдье показывает, что факторы социальной напряженности влияние факторов социальной напряженности на индивидов, необходимо рассматривать в рамках полей, в которых действуют индивиды и факторы. Влияние факторов способно приводить как к увеличению, так и снижению уровня социальной напряженности. Выделенные поля сил способны в различной степени влиять на социальную напряженность через формирование как внутренних (фрустрация, объективизация, готовность к протестам и другие), так и внешних (общественные институты, культура, информационный фон и другие) факторов социальной напряженности.

Разработанная концептуальная модель позволяет провести анализ влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона через анализ полей, формирующих социальную напряженность и раскрыть потенциал и влияние сил и факторов, участвующих в формировании социальной напряженности и социально-экономической ситуации региона.

На основе разработанной концептуальной модели возможен анализ социальной напряженности с использованием комбинирования социологических методов (опросные методы, экспертные интервью, анализ социальных медиа и СМИ). Использование комбинирования методов позволяет выстраивать систему мониторинга социальной напряженности, имеющую высокий потенциал по изучению и прогнозированию уровней социальной напряженности с помощью различных расчетных индексов. А это может являться основой для принятия решений по регулированию уровня социальной напряженности, и создания условий для предотвращения

эскалации социальных конфликтов, ведущих к дестабилизации общества и снижению влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона.

Рассмотрение существующих методов измерения социальной напряженности позволяет адаптировать концептуальную модель социальной напряженности и выделить определенное количество показателей и индексов, которые будут включены в модель исследования.

Оценка факторов социальной напряженности на начальном этапе, проводится через анализ проблем и тревог, которые беспокоят население. Для этого можно использовать ограниченный список проблем, присущий данной территории. Большое разнообразие факторов, не позволяет построить жесткую иерархию факторов, но в то же время дает возможность сформировать концептуальную схему, облегчающую проведение их классификации, оценку каждого фактора и их вклад в формирование социальной напряженности.

Глава 2

Социальная напряженность и социально-экономическая ситуация региона: состояние, структура, динамика, модель

2.1 Факторы региональной социальной напряженности и их связь с социально-экономической ситуацией

С целью апробации модели анализа социальной напряженности и ее связи с социально-экономической ситуацией региона, в период с 2010 года по 2021 год в крупном региональном центре – г. Красноярске, автором была проведена серия социологических исследований, результаты которых были обработаны и верифицированы с помощью экспертного опроса, проведенного в 2021 году и 2022 году. В экспертном опросе приняли участие 25 экспертов, обладающих высоким уровнем компетенций и глубоко погруженных в социально-экономическую ситуацию региона: представители СМИ, чиновники регионального и федерального уровня, представители региональных исследовательских компаний и научного сообщества. Кроме этого, для обогащения полученных данных, проведен анализ материалов публикаций СМИ и социальных медиа [120].

Период проведения опросов наполнен событиями в стране и регионе, связанные с социально-политической и социально-экономической сферой жизни, и влияющие на социальную напряженность: экологические протесты (май-декабрь 2011 года); муниципальные, региональные и федеральные выборные кампании (декабрь 2011 г., март 2012 г., июнь 2012 г., сентябрь 2013 г., сентябрь 2014 г.); международные события (государственный переворот на Украине в феврале 2014 г. и последующие события) [120].

Обнаружение признаков социальной напряженности является первым свидетельством возможного усиления социальной напряженности и изменения социально-экономической ситуации. Возникновение социальной

напряженности начинается с увеличения уровня личностной тревожности у большого числа индивидуумов. Как было показано ранее, на начальных этапах развития социальной напряженности, индивидуумы не могут объективизировать свои ощущения тревоги, что сильно затрудняет измерение социальной напряженности. В дальнейшем, когда уровень тревожности увеличивается, происходит объективизация страхов и тревог индивидуумов. Объективизация существенно облегчает процесс измерения социальной напряженности и дает возможность использовать опросные методы.

Учитывая необходимость объективизации страхов и тревог населения, для выявления причин социальной напряженности, удобно использовать вопрос, включающий в себя перечень основных страхов и тревог населения.

Согласно рекомендациям экспертов, было проведено ограничение количества факторов социальной напряженности с использованием стандартизированного списка, который включает перечень социальных проблем, социальных страхов и тревог населения. Сформированный перечень, включает в себя 20 основных факторов социальной напряженности. Вопрос, включающий перечень факторов, неоднократно задавался участникам исследования, что позволило сформировать несколько перечней факторов социальной напряженности и провести оценку степени их согласованности. Для оценки согласованности полученных списков использовался расчет коэффициента корреляции, значение которого находилось в диапазоне от 0,88 до 0,96 при вероятности ошибки 5%, что свидетельствует о высоком уровне согласованности и указывает на выявление большинства наиболее распространенных факторов.

Для оценки выраженности факторов социальной напряженности в ходе исследования респондентам предлагалось отметить те проблемы и тревоги, которые беспокоят их в наибольшей степени. Сам вопрос формулировался следующим образом: «Какие из проблем нашего общества беспокоят Вас лично больше всего?». При использовании такого вопроса, респондентам предлагали выбрать 5 позиций из предложенного перечня вариантов. Как

известно, очаги протеста и напряженности чаще всего возникают в крупных городах, поэтому в вопросе используются те факторы, которые часто проявляются в крупных мегаполисах.

Большое разнообразие факторов социальной напряженности, не позволяет построить жесткую иерархию факторов, но в то же время дает возможность сформировать концептуальную схему, облегчающую проведение их классификации и оценку каждого фактора [75].

Согласно проведенной экспертной оценке выявленных факторов, предложена их классификация, основой которой является разделение факторов в зависимости от особенности их влияния на жизнь населения, характера факторов и масштабов. Исходя из этого подхода, факторы социальной напряженности можно разделить на следующие группы:

1) **Общегосударственные – региональные проблемы.** Классификация проблем внутри этой группы позволяет разделить их на 2 полярных блока – общероссийские, общие для всей территории государства, возникшие вследствие внутренней и внешней политики государства, и региональные, вызванные особенностями, существующими внутри региона;

2) **Социальные – экономические проблемы.** Классификация в этой плоскости разделяет проблемы на те, которые в первую очередь принадлежат к социальной сфере общества, а также проблемы, принадлежащие к экономической сфере общества;

3) **Личные – общественные проблемы.** Классификация позволяет разделить проблемы на личные, которые затрагивают каждого индивида, и общественные, при воздействии которых происходит влияние фактора на определенную большую социальную группу населения.

Предложенная классификация, приведенная в таблице 2.1, дает возможность охарактеризовать каждый фактор и определить уровень его влияния на общество. Учитывая особенности влияния каждого фактора на общество предположить особенности воздействия каждого фактора.

Факторы, относящиеся к региональным, преимущественно действуют внутри региона. По силе своего влияния, такие факторы могут быть более сильными, чем общегосударственные факторы.

Таблица 2.1 – Авторская типологизация факторов социальной тревожности

Факторы	Отношение к государству		Отношение к социуму		Отношение к личности	
	Общегосударственные	Региональные	Социальные	Экономические	Личные	Общественные
Автомобильные пробки на дорогах	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Да
Безработица, отсутствие рабочих мест	Нет	Да	Нет	Да	Да	Нет
Высокие цены на услуги ЖКХ	Да	Нет	Нет	Да	Да	Нет
Высокий уровень преступности	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет
Недостаток внимания к проблемам пожилых людей	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Да
Недостаточное благоустройство улиц и дворов	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да
Недостаточное количество парковочных мест для автомобилей	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Да
Нехватка мест в детских садах	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Да
Низкий уровень заработной платы	Нет	Да	Нет	Да	Да	Нет
Низкое качество медицинских услуг	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет
Отсутствие мест отдыха и досуга	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет
Плохая работа коммунальных служб	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет
Работа общественного транспорта	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Да
Рост наркомании	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Рост пьянства, алкоголизма	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Рост цен	Да	Нет	Нет	Да	Да	Нет
Только свои личные проблемы	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
«Точечная застройка» в городе	Нет	Да	Да	Нет	Нет	Да
Тревога за будущее детей и внуков	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Экологические проблемы	Нет	Да	Да	Нет	Да	Нет

Источник: составлено автором.

Характер влияния фактора на социум позволяет разделить факторы на социальные и экономические. Хотя эти факторы обладают тесной взаимосвязью, экономические факторы часто сильнее воздействуют на население, чем социальные. Это связано, в первую очередь, с тем, что во многом от экономических факторов зависит удовлетворение первичных потребностей человека.

Уровень возникновения факторов позволяет разделить их на общественные – когда под их воздействием находятся широкие слои населения и личные, когда фактор возникает у отдельных индивидуумов и имеет значение исключительно для них. Факторы, влияние которых затрагивает широкие слои населения, обладают большей силой и скоростью распространения, чем личные факторы. При этом факторы личной тревожности могут усиливать влияние любых общественных факторов.

С учетом предложенной типологизации также следует обратить внимание на динамику факторов, которая оказывает влияние на социальную напряженность. Стоит отметить, что в первую очередь, на уровень социальной напряженности влияет усиление значения какого-либо фактора, даже если этот фактор имел минимальное значение в предыдущие периоды.

Изучение факторов напряженности начинается с анализа причин тревожности среди участников опроса. Согласно концептуальной модели, эти факторы указывают на области, вызывающие тревожность, страхи напряженность в обществе. В большинстве случаев, во время опроса, респонденты отмечают от 4 до 5 беспокоящих их причин [117].

Результаты исследования, проведенного в городе Красноярске показывают, наибольшее значение для населения факторов, согласно концептуальной модели, отнесенных к полю экономики, полю экологии и социальному полю: материальное благополучие, личное здоровье, окружающая среда и безопасность. Пример этого, тревога относительно факторов «рост цен» (66%); «высокие цены на услуги ЖКХ» (61%); «низкое качество медицинских услуг» (34%); «низкий уровень заработной

платы» (44%); «экологические проблемы» (47%); «тревога за будущее детей и внуков» (30%); «рост наркомании» (29%), которые в ноябре 2014 упоминались наиболее часто. В тоже время, сложившаяся социально-экономическая ситуация спровоцировала усиление значимости проблемы «рост цен» в глазах населения, благодаря чему она заняла 1-е место [121].

Упоминание волнующих население проблем имеет прямую зависимость от экономической, общественной и политической ситуации и точек напряжения на пересечении соответствующих полей. Ранги факторов достаточно стабильно показывают, что экономические факторы («высокие цены на услуги ЖКХ», «рост цен») остаются в лидерах источников тревожности и социальной напряженности на протяжении многих лет [117].

Факторы, находящиеся на первых местах, в первую очередь определяются социально-экономическими событиями. Стоит отметить, что факторы, не находящиеся на первых местах, могут значительно влиять на социальную напряженность, особенно если фактор связан с полем экологии или социальным полем (личной безопасностью человека), что в том числе, подтверждается исследованиями молодежной аудитории [124]. Например, напряжение в поле экологии (выраженное в обеспокоенности экологическими проблемами), в 2010 году была на 12 месте, а в 2013 году поднялась до 2 места, что свидетельствует о формировании крайне высокой степени напряжения в данном поле.

Причиной формирования социальной напряженности в данном случае выступило начало реализации проекта по строительству предприятия «Енисейский ферросплавный завод» высокого класса опасности, в непосредственной близости (11 км) от города Красноярска. Разрешение на строительство было выдано в рамках инвестиционного соглашения региональных властей и ЗАО «ЧЕК-СУ.ВК». Строительство завода было запланировано заранее и включено в «Стратегию развития металлургической промышленности России на период до 2020 года», утвержденную на федеральном уровне с выделением значительного объема инвестиций со

стороны государственных структур (ВЭБ и др.). Проект строительства завода, который производит продукцию, принадлежащую к первому классу опасности, привлек внимание активной общественности региона, организовавшей движение «Красноярск против». Данное движение, созданное на фоне усиления социальной напряженности, выступило дополнительным триггером усиления напряжения, и став управляющей структурой, оно вывело социальную напряженность на уровень активных протестных действий за счет работы в поле информации через сетевые инструменты управления социальной напряженностью и основные медиаканалы: интернет, социальные сети, местные, региональные и федеральные СМИ, что привело к еще большему росту социальной напряженности. Отсутствие реакции властей в поле информации, спровоцировало рост социальной напряженности, что усугубилось грубым нарушением правил работы с критикой со стороны руководства «Енисейского ферросплавного завода», допустившим оскорбительные высказывания [121]. Формирование сильных узлов напряжений и действия акторов, приводящее к эскалации напряжения, привело к выходу ситуации из-под контроля и включение ее в информационное поле федерального уровня. Риск полной потери контроля над уровнем социальной напряженности региона заставил федеральные власти пересмотреть планы строительства завода, что было поддержано лично Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и исполнено региональными властями. Такие действия привели к снижению значимости экологических проблем в уровне социальной напряженности [117].

Для бизнеса отмена решения строительства завода привела к многочисленным судам и банкротству ЗАО «ЧЕК-СУ.ВК» в 2017 году, задолженность которого перед Внешэкономбанком составила около 16 млрд рублей. Одновременно с ростом социальной напряженности в 2013-2014 гг., отмечается факт, что после отказа от строительства завода, значительно сократился не только объем инвестиций в промышленность, но и темпы роста объемов инвестиций [76].

Падение инвестиционной привлекательности региона подтверждается статистикой, собранной Управлением Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва и приведенной в таблице 2.2. Как можно заметить, период высокого уровня социальной напряженности сопровождается снижением объема инвестиций с 2013 года по 2020 год [204].

Таблица 2.2 – Размер инвестиций в основной капитал в Красноярском крае, по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва

Объем инвестиций	Годы										
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Млрд. рублей (в фактически действовавших ценах)	308,6	381,7	376,9	364,0	396,9	425,9	420,9	421,8	436,4	480,2	592,1
В процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	114,9	117,2	96,1	92,9	96,4	102,6	96,6	98,1	98,0	105,2	114,8

Источник: составлено автором.

Снижение инвестиционной привлекательности региона отразилось и в понижении Красноярского края в инвестиционном рейтинге, измеряемого Агентством стратегических инициатив (далее – АСИ). В 2014 году Красноярский край занимал 3 строчку инвестиционного рейтинга, тогда как в 2015 году снизился до 61 позиции в рейтинге. Согласно мнению экспертов, вышеописанная ситуация во многом сложилась под влиянием неуправляемого роста уровня социальной напряженности с высоким значением самоорганизации населения и постепенным появлением лидеров протеста. На момент написания работы, регион так и не восстановил утраченных позиций в инвестиционном рейтинге [145].

Кроме этого, резонансный прецедент послужил основанием для установления запрета на строительство предприятий 1 и 2 классов опасности вблизи другой региональной столицы – города Абакана в Республике Хакасия, ограничив инвестиционную привлекательность данного региона, несмотря на

значительный потенциал для дальнейшего развития региона и роста экономических показателей. По своему социально-экономическому положению, Республика Хакасия до сих пор находится на нижних строчках рейтинга регионов.

Согласно данным исследований, с 2018 года по 2021 год уровень социальной напряженности, вызванный точками напряжения в поле экологии, опять значительно вырос, что нашло проявление в ряде протестных акций против загрязнения воздуха выбросами Красноярского алюминиевого завода, принадлежащему объединенной компании РУСАЛ. Одним из последствий усиления социальной напряженности через поля экологии и информации, стало возникновение условно народного бренда «Черное небо. Красноярск», известность которого достигла федерального информационного поля, а также способствовало привлечению внимания общественности к проблеме экологии и увеличению затрат крупных компаний регионального центра на очистку выбросов.

Если продолжить описание ситуации, сложившейся в конце 2014 года, согласно проведенным исследованиям, то можно увидеть повышение значения экономических факторов (рост цен, стоимость услуг ЖКХ и другие), приведших к росту тревожности в отношении будущего как индивидов, так и ближайшего окружения [20; 117].

В целом, если взглянуть на динамику факторов в исследуемый период, то можно говорить о некотором «равновесии» факторов. Существующие равновесие является фоновым для социальной напряженности. В тоже время, как только уровень какого-либо фактора или группы факторов начинает изменяться, происходит дестабилизация существующего фона, что ведет к усилению тревожности, а впоследствии и социальной напряженности. Как таковые факторы и в особенности динамика изменения их уровня, указывает на возможные причины усиления социальной напряженности.

Для того, чтобы охарактеризовать источник напряженности, в первую очередь стоит обратить внимание на поле, к которой принадлежит данный

фактор (экономическое/социальное), масштаб (региональный/общегосударственный) и положение по отношению к личности (личная (индивидуальная)/общественная). Рассмотрение факторов в данной плоскости позволит лучше понять причины усиления влияния факторов и выработать механизмы и способы управления социальной напряженностью.

Благодаря достаточно продолжительному временному периоду исследований, можно рассмотреть влияние значительного количества значимых событий на социальную напряженность, а также составить усредненный рейтинг факторов за весь исследуемый период.

Рассмотрение усредненного рейтинга факторов социальной напряженности с учетом их классификации, открывает дополнительные возможности для определения, какие факторы являются наиболее сильными при детерминации социальной напряженности. В первую очередь стоит соотнести положение факторов относительно масштаба своего распространения. Наибольшую тревогу у населения вызывают экономические факторы, которые можно отнести к категории «общегосударственные». Это связано с тем, что стоимость товаров и услуг в большей степени определяется общей экономической ситуацией в стране, чем в определенном регионе. Эти два фактора занимают первые места на протяжении всего периода исследований, что позволяет предположить, что эти факторы, в первую очередь, определяют фоновый уровень социальной напряженности и к ним сформировалось, в определенной степени «конформистского» отношение, что подтверждается данными исследований, опубликованных автором ранее [20; 117; 119].

Факторы социальной напряженности, относящиеся к группе «региональных», отмечаются респондентами немного реже и подвержены большим колебаниям, так как оказывают непосредственное влияние на респондентов и их жизнь. Можно выделить три наиболее значимых «региональных» фактора, связанных с уровнем заработной платы, экологией

и автомобильными пробками. Значительный диапазон изменений «региональных» факторов социальной напряженности уже рассматривался на примере поля экологии и фактора «экологические проблемы». Так, фактор «экологические проблемы» занимал 12 место в 2012 году и 2 место в 2013 году. Рост значения этого фактора сопровождался ростом социальной напряженности, а также протестной активности среди населения.

Анализ факторов социальной напряженности с учетом их разделения на «социальные» и «экономические» показывает, что наиболее значимыми для населения являются факторы цены на услуги ЖКХ, рост цен и уровень заработной платы, которые можно отнести к категории «экономических». На втором месте находятся факторы, относящиеся к социальному полю и полю экологии. Стоит отметить, что, несмотря на высокое значение экономических факторов, у населения сформировалась конформистская позиция по отношению к ним. В то же время, по отношению к важным экологическим и социальным факторам конформистская позиция населения слабее.

Дополнительную возможность описания факторов социальной напряженности предоставляет их разделение на «личные» и «общественные», при этом, что заметить, что под «личными» понимаются факторы, которые оказывают влияние на каждого человека, а под «общественными» проблемы, затрагивающие только определенную социальную группу населения. Как можно увидеть, у населения наибольшее беспокойство вызывают факторы, которые являются «личными», то есть затрагивающие каждого человека. Можно предположить, что «личные» факторы социальной напряженности имеют большее влияние, так как их влиянию подвергается каждый индивидуум. Социально-демографические факторы также имеют определенное влияние на круг проблем, вызывающих тревогу у респондентов [121].

Анализируя влияние факторов социальной напряженности, приведенных в таблице 2.3, помимо положения в рейтинге, стоит уделять особое внимание, их характеристикам согласно классификации и динамике

изменения, это позволит избежать ошибок при прогнозировании развития динамики социальной напряженности, а также своевременно принимать решения по снижению уровня напряженности в обществе.

Таблица 2.3 – Усредненный рейтинг факторов социальной напряженности за исследуемый период с учетом классификации (используемые обозначения: (1) общегосударственные – (2) региональные, (3) социальные – (4) экономические, (5) личные – (6) общественные)

Факторы	Класс фактора	Ранг фактора	Группа
Высокие цены на услуги ЖКХ	(1)-(4)-(5)	1	1
Рост цен	(1)-(4)-(5)	2	
Низкий уровень заработной платы	(2)-(4)-(5)	3	
Экологические проблемы	(2)-(3)-(5)	4	2
Автомобильные пробки на дорогах	(2)-(3)-(6)	5	
Тревога за будущее детей и внуков	(1)-(3)-(5)	6	
Недостаточное благоустройство улиц и дворов	(2)-(4)-(6)	7	3
Низкое качество медицинских услуг	(2)-(3)-(5)	8	
Рост наркомании	(1)-(3)-(5)	9	
Безработица, отсутствие новых рабочих мест	(2)-(4)-(5)	10	4
Плохая работа коммунальных служб	(2)-(3)-(5)	11	
Нехватка мест в детских садах	(2)-(3)-(6)	12	
Рост наркомании	(1)-(3)-(5)	13	5
Недостаток внимания к проблемам пожилых людей	(1)-(3)-(6)	14	
Рост пьянства, алкоголизма	(1)-(3)-(5)	15	

Источник: составлено автором.

По степени важности в текущий момент, факторы можно разделить на пять условных групп, где группа 1 – наиболее сильные факторы, которые оказывают наибольшее влияние на социальную напряженность в настоящий момент, а группа 5 – факторы с наименьшим уровнем влияния, но остающиеся значимыми для населения.

Таким образом, из таблицы 2.4 и рисунка 2.1 видно, что рост социальной напряженности в первую очередь оказывают влияние факторы, связанные с ESG-концепцией управления устойчивым развитием: экономические, социальные и экологические события или действия, при условии, если они усиливают разрыв между оценкой самоорганизующихся или организуемых индивидов [123].

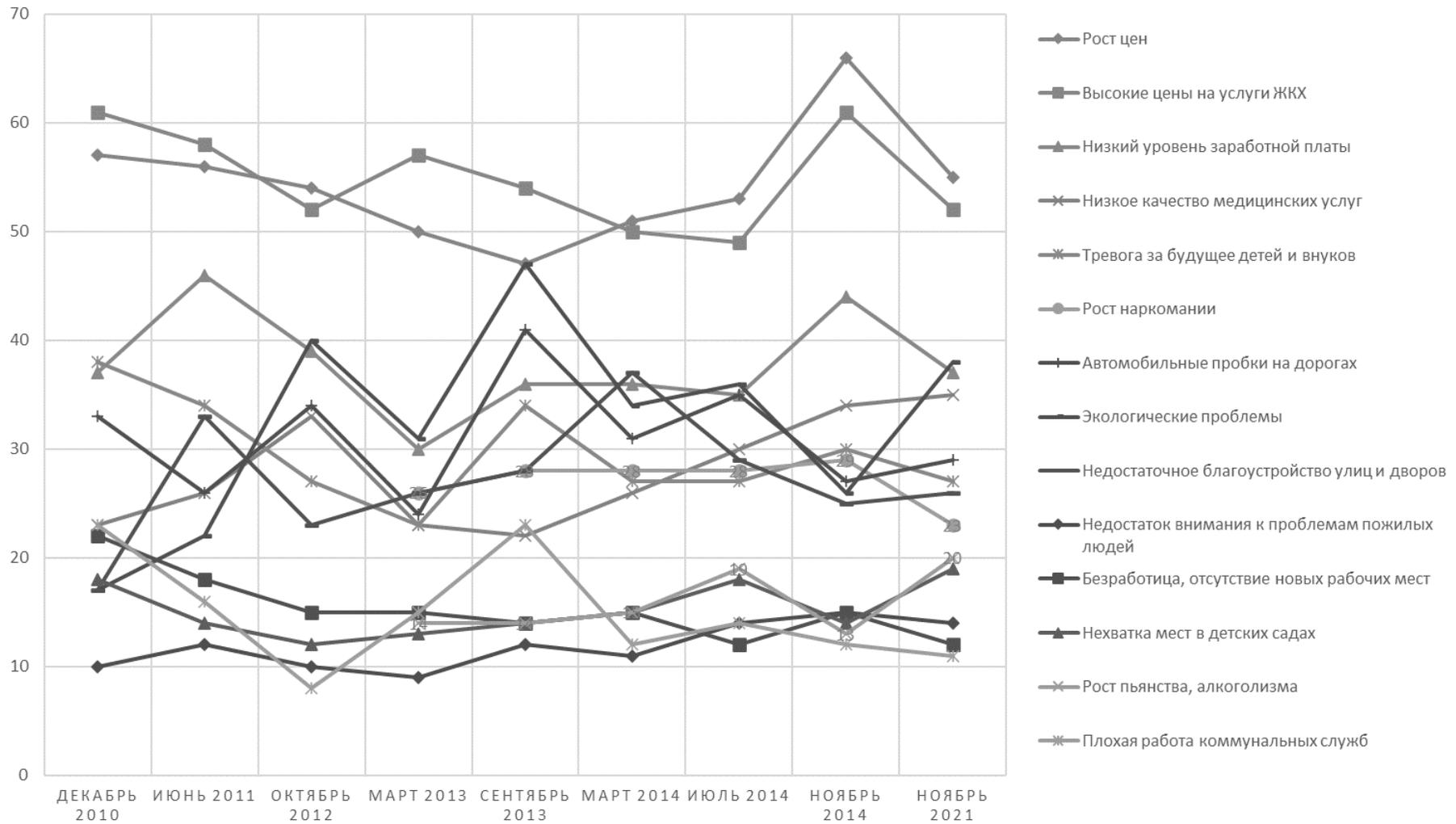
Таблица 2.4 – Структура факторов социальной напряженности населения г. Красноярск

В процентах от количества ответивших

Факторы	Декабрь 2010 г.		Июнь 2011 г.		Октябрь 2012 г.		Март 2013 г.		Сентябрь 2013 г.		Март 2014 г.		Июль 2014 г.		Ноябрь 2014 г.		Ноябрь 2021 г.	
	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг	Процент	Ранг
Рост цен	57	2	56	2	54	1	50	2	47	3	51	1	53	1	66	1	55	1
Высокие цены на услуги ЖКХ	61	1	58	1	52	2	57	1	54	1	50	2	49	2	61	2	52	2
Низкий уровень заработной платы	37	4	46	4	39	4	30	4	36	5	36	4	35	5	44	3	37	4
Низкое качество медицинских услуг	23	8	26	7	33	6	23	8	22	10	26	8	30	6	34	4	35	5
Тревога за будущее детей и внуков	38	3	34	5	27	8	23	9	34	6	27	8	27	9	30	5	27	7
Рост наркомании	*	*	*	*	*	*	26	6	28	7	28	7	28	8	29	6	23	9
Автомобильные пробки на дорогах	33	6	26	8	34	5	24	7	41	4	31	6	35	4	27	7	29	6
Экологические проблемы	17	12	22	9	40	3	31	3	47	2	34	5	36	3	26	8	38	3
Недостаточное благоустройство улиц и дворов	17	11	33	6	23	9	26	5	28	8	37	3	29	7	25	9	26	8
Недостаток внимания к проблемам пожилых людей	10	15	12	14	10	16	9	15	12	15	11	15	14	13	15	10	14	12
Безработица, отсутствие новых рабочих мест	22	9	18	10	15	10	15	11	14	14	15	12	12	14	15	11	12	14
Нехватка мест в детских садах	18	10	14	13	12	13	13	14	14	12	15	11	18	11	14	12	19	11
Рост пьянства, алкоголизма	*	*	*	*	*	*	14	12	14	13	15	12	19	10	13	13	20	10
Плохая работа коммунальных служб	23	7	16	11	8	17	15	10	23	9	12	13	14	13	12	15	11	13
Рост наркомании, пьянства	35	5	46	3	31	7	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*

* В марте 2013 года фактор «Рост наркомании, пьянства» был разделен на 2 части.

Источник: составлено автором.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.1 – Динамика факторов социальной напряженности населения г. Красноярска (в процентах от количества ответивших)

Экологические, социальные и управленческие вопросы (ESG) становятся все более значимыми для организаций при проведении корпоративных сделок, разработке стратегии, раскрытии информации и планировании инвестиций. Вопросы ESG охватывают широкий спектр аспектов, включая изменение климата, другие экологические риски и воздействия, здоровье и безопасность, а также многие другие аспекты [123].

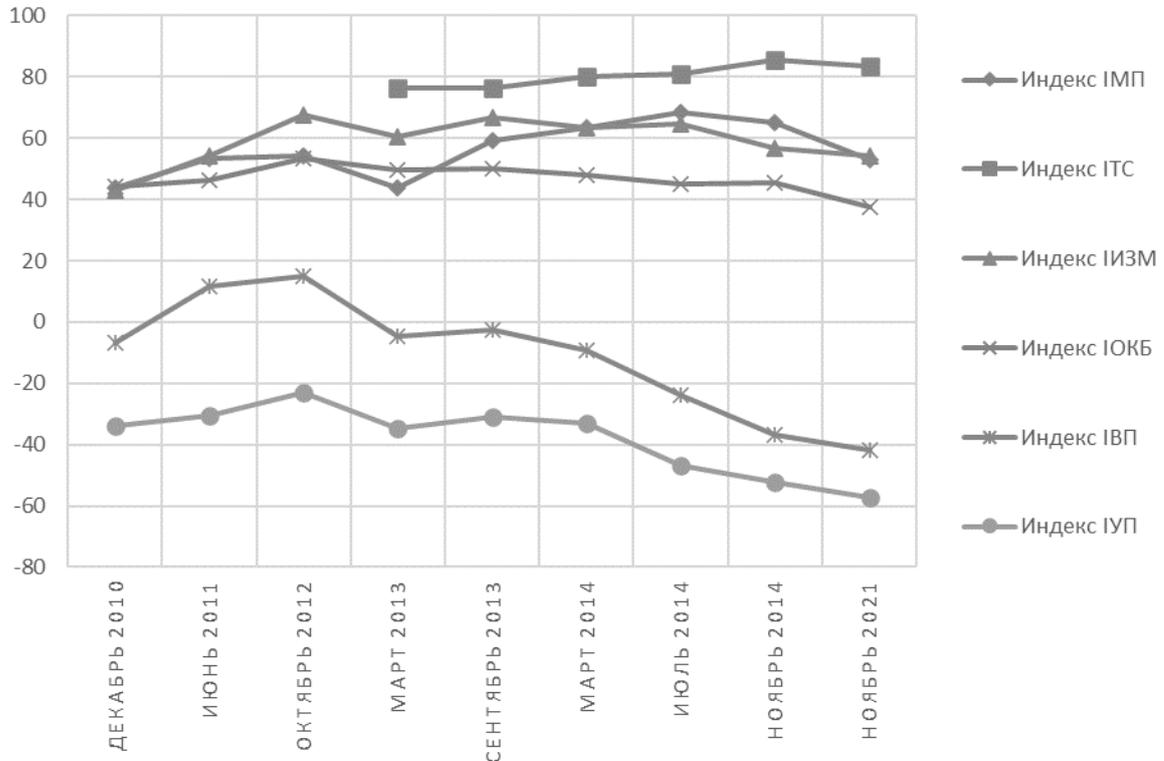
2.2 Состояние и динамика социальной напряженности как показатель социально-экономической ситуации региона (на примере города Красноярска)

Состояние, структура и динамика социальной напряженности на примере города Красноярска

Согласно предложенной концептуальной модели, факторы социальной напряженности являются частью социальных пространств города, которые действуют на население, находящегося в рамках данного социального пространства. В социально пространстве города действует большое число акторов и сил, способствующих изменению уровня социальной напряженности, и заключенных в полях экономики, политики, информации (включая СМИ) и социальном поле. Влияние сил в рамках данных полей способно воздействовать на социальную напряженность через внутренние и внешние факторы социальной напряженности, формировать точки или «узлы» напряжения, в том числе, за счет пересечения полей. С учетом концептуальной модели и влияния факторов, проводилось измерение социальной напряженности с использованием показателей и индикаторов, приведенных в предыдущей главе.

Важной задачей анализа социальной напряженности является своевременное выявление возможности появления негативных аспектов социальной напряженности, таких как девиантное поведение, протестные настроения и их агрессивные проявления. Разработанная методика позволяет

измерять социальную напряженность с использованием показателей и индикаторов в определенном сообществе или его части, что было показано в статье автора [120].

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.2 – Динамика индикаторов социальной напряженности за исследуемый период в г. Красноярске

Для анализа используются данные социологических опросов жителей города Красноярска, проведенных с 2010 года по 2021 год, и опроса экспертов, проведенного в 2021 году и в 2022 году. Использование городского населения для апробации методики обусловлено тем, что в городе концентрируется наиболее социально-активное население, обладающее наибольшим потенциалом к протестной активности. Результаты расчета индексов социальной напряженности приведены на рисунке 2.2. Далее рассмотрим каждый индекс в отдельности.

Как упоминалось ранее, исследуемый период времени был насыщен значимыми социальными и политическими событиями, являющимися движущей силой для формирования социальной напряженности и в этой связи

логично провести сравнение полученных данных с данными других исследователей, например, с данными ВЦИОМ [120].

Показатель материального положения приведен в таблице 2.5. Данный показатель отражает субъективное ощущение населения на изменение социально-экономических условий их жизни, полей экономики и социального поля. Анализ изменения рассчитанного индекса, за исследуемый период, показывает, что в начале исследуемого периода зафиксировано наименьшее его значение (43,9 единиц), что обусловлено влиянием последствий экономического кризиса 2008-2009 гг. В течение 2011-2012 гг. происходило увеличение значений индекса (до 54,2 единиц в октябре 2012 г.), что свидетельствует об улучшении материального благосостояния респондентов. В марте 2013 г. зафиксировано падение индекса до значений близких к началу исследуемого периода (43,9 единиц). В дальнейшем, до июля 2014 г. значения индекса увеличивались (68,3 единицы) и снизилось в конце 2014 года (до 65,2 единиц). В конце 2021 года значение индекса составило 52,9, что ниже, по сравнению с последним замером в 2014 году. Снижение индекса достаточно логично и так как этот период приходится на пандемию вируса Covid-19, сопровождавшегося снижением активности бизнеса и потерей дохода [120].

Таблица 2.5 – Структура оценок материального положения жителями города Красноярск
В процентах от количества ответивших

Уровень достатка и индексы	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Высокий достаток	11,3	11,9	12,9	11,3	12,0	17,0	14,0	9,8	8,3
Средний достаток	57,2	64,3	62,8	57,2	64,2	63,3	69,8	71,8	67,2
Низкий достаток	24,6	22,7	21,5	24,6	17,0	16,8	15,5	16,4	22,6
Загрудняюсь ответить	6,9	1,1	2,8	6,9	6,8	2,8	0,7	1,8	1,9
Индекс I _{МП}	43,9	53,5	54,2	43,9	59,2	63,5	68,3	65,2	52,9
Изменение индекса I _{МП}	*	9,6	0,7	-10,3	15,3	4,3	4,8	-3,1	-12,3
Индекс ВЦИОМ [120]	56	53	66	67	67	69	76	70	49
Изменение индекса ВЦИОМ	+13	-3	+1	+1	0	+2	+7	-6	-21
* Данные отсутствуют.									

Источник: составлено автором и опубликовано в [120].

Таблица 2.6 – Характеристика социальных ожиданий респондентов
В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Все не так плохо и можно жить	41,5	46,8	41,8	42,3	37,9	33,1
Жить трудно, но можно терпеть	44,8	36,7	46,3	46,7	53,8	56,8
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	10,0	7,2	8,0	8,2	6,3	6,5
Затрудняюсь с ответом	3,7	9,3	3,8	2,8	2,0	3,6
Индекс I _{ТС}	76,3	76,3	80,1	80,8	85,4	83,4
Изменение индекса I _{ТС}	*	0	+3,8	+0,7	+4,6	-2
* Данные отсутствуют.						

Источник: составлено автором и опубликовано в [119].

Причиной снижения индекса, является ухудшение социально-экономической ситуации в стране, которое ощутили и жители города Красноярск, что дополнительно подтверждается данными ВЦИОМ для страны в целом на достаточно длительном временной ряде данных, приведенном в таблице 2.6 [104; 117; 119].

Индекс, приведенный в таблице, показывает, положительную динамику в исследуемом периоде (рост значений с 76,3 единиц до 85,4 единиц). Рост индекса связан с перераспределением ответов в сторону конформистской позиции «терпеть» [117]. Такая позиция может быть основана на влиянии таких обстоятельств как: положительный опыт преодоления кризиса в 2008-2010 годах, усиление патриотических настроений и особенности информационного фона в исследуемый период. Конформистская позиция продолжила усиливаться и по результатам исследования 2021 года несмотря на то, что значение индекса несколько уменьшилось (до 83,4 единиц).

Следующим важным показателем в модели исследования, является показатель самооценки изменений, показанный в таблице 2.7. Изменения индекса, вычисляемого на основе показателя, свидетельствуют о том, что с декабря 2010 года по октябрь 2012 года прослеживается положительная динамика. В марте 2013 года значения индекса уменьшилась на семь единиц, что свидетельствует о негативных изменениях в жизни респондентов и росте

социальной напряженности. В тоже время, в сентябре 2013 г. индекс вырос на 6,1 единиц. Стоит отметить, что все лето 2013 года активно шла избирательная кампания в муниципальный орган власти города. В это время многие кандидаты работали с населением, а также с помощью СМИ создавался положительный информационный фон, что возможно оказало влияние на отношение населения к оценке изменений в жизни за прошедший год. Когда благоприятный информационный фон, связанный с выборами, иссяк, и проявилось влияние новых негативных факторов СН, то значение индекса опять снизилось. К концу 2021 года отмечается дополнительное снижение индекса до 54,3 единиц, что связано с неопределенность того периода по преодолению последствий пандемии и, как отмечали эксперты, внешнеполитическими факторами, связанными с началом усугубления событий, разворачивающихся в приграничных государствах: Украина, Донецкая и Луганская народная республики.

Таким образом, по изменению индекса можно зафиксировать наличие изменений в жизни респондентов, в связи с событиями социально-экономического и социально-политического характера.

Таблица 2.7 – Распределение ответов на вопрос «Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?»

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Декабрь 2010 г.	Ноябрь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Значительно улучшилась	3,3	3,7	6,7	5,2	5,3	5,7	5,5	3,5	2,9
Немного улучшилась	15,8	20,4	22,3	22,3	19,5	21,8	18,7	19,2	18,2
Не изменилась	51,3	51,8	53,2	51,5	55,2	52,8	56,8	54,7	56,6
Немного ухудшилась	21	14,8	10	13	10,2	12,5	11,7	15,3	15,9
Значительно ухудшилась	6,4	6,7	4,5	5,3	3	4,5	4,5	5,2	4,6
Затрудняюсь ответить	2,2	2,6	3,3	2,7	6,8	2,7	2,8	2,2	1,8
Индекс I _{ИЗМ}	43	54,4	67,7	60,7	66,8	63,3	64,8	56,9	54,3
Изменение индекса I _{ИЗМ}	*	11,4	13,3	-7	6,1	-3,5	1,5	-7,9	-2,6
* Данные отсутствуют.									

Источник: составлено автором и опубликовано в [121].

Индекс социального оптимизма, представленный в таблице 2.8, отражает ожидания населения [117]. До октября 2012 года наблюдался рост индекса, связанный с улучшением социально-экономической ситуации после экономического кризиса 2008 года. После октября 2012 года наметился отрицательный тренд, который замедлился только в сентябре 2013 года во время муниципальных выборов. Индекс ВЦИОМ в июне 2014 реагировал на изменения медленнее, чем его региональный аналог [104; 121].

Таблица 2.8 – Уровень социального оптимизма респондентов

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Декабрь 2010 г.	Ноябрь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Изменится в лучшую сторону	23,4	21,3	26,8	22,5	22,8	31,0	24,8	24,0	17,3
Останется без изменений	39,8	41,5	41,7	42,3	40,3	35,3	38,2	38,8	39,9
Изменится в худшую сторону	19,0	16,7	15,2	15,3	13,0	18,5	17,8	17,3	19,7
Затрудняюсь ответить	17,8	20,6	16,3	19,8	23,8	15,2	19,2	19,8	23,1
Индекс I _{CO}	44,2	46,1	53,3	49,5	50,1	47,8	45,2	45,5	37,5
Изменение индекса I _{CO}	*	+1,9	+7,2	-3,8	+0,6	-2,3	-2,6	+0,3	-8
* Данные отсутствуют.									

Источник: составлено автором и опубликовано в [121].

Более плавное изменение Индекса социального оптимизма связано с особенностями информационного пространства заполненное предвыборными материалами, зачастую положительными, от кандидатов на пост руководителя региона [117]. Внешнеполитические события и последствия пандемии существенным образом отразились на значениях индекса, полученных в конце 2021 года. Индекс существенно снизился до 37,5 единиц, что может свидетельствовать о росте неуверенности населения в отношении завтрашнего дня.

Оценка работы представителей власти менялась в исследуемый период и это заметно по уровню одобрению деятельности представителей власти. В таблице 2.9 представлены дополнительные данные индекса за период, начиная с февраля 2009 года. В 2009 году население наиболее сильно ощутило на себе

последствия экономического кризиса. Ухудшение материального благосостояния и запаздывание эффективных мер по противодействию кризисным явлениям со стороны правительства, отразилось на Индексах оценки деятельности власти на всех уровнях. В связи с этим, можно увидеть, что индексы одобрения деятельности власти имели максимальные значения в 2009 году, после чего наметился значительный спад. Индекс одобрения Президента Российской Федерации достиг своих минимальных значений и оставался низким значительный период времени с июня 2011 года до сентября 2013 года, когда начался его рост и с 25,4 единиц значения Индекса увеличилось до 78,3 единиц. Такой значительный рост, в первую очередь, связан с внешнеполитическими успехами государства и соответствующим информационным полем. Низкие значения Индекса одобрения Председателя Правительства Российской Федерации во многом связаны с низкой эффективностью правительства.

Таблица 2.9 – Уровень одобрения деятельности представителей органов власти (Индекс I_{оп})

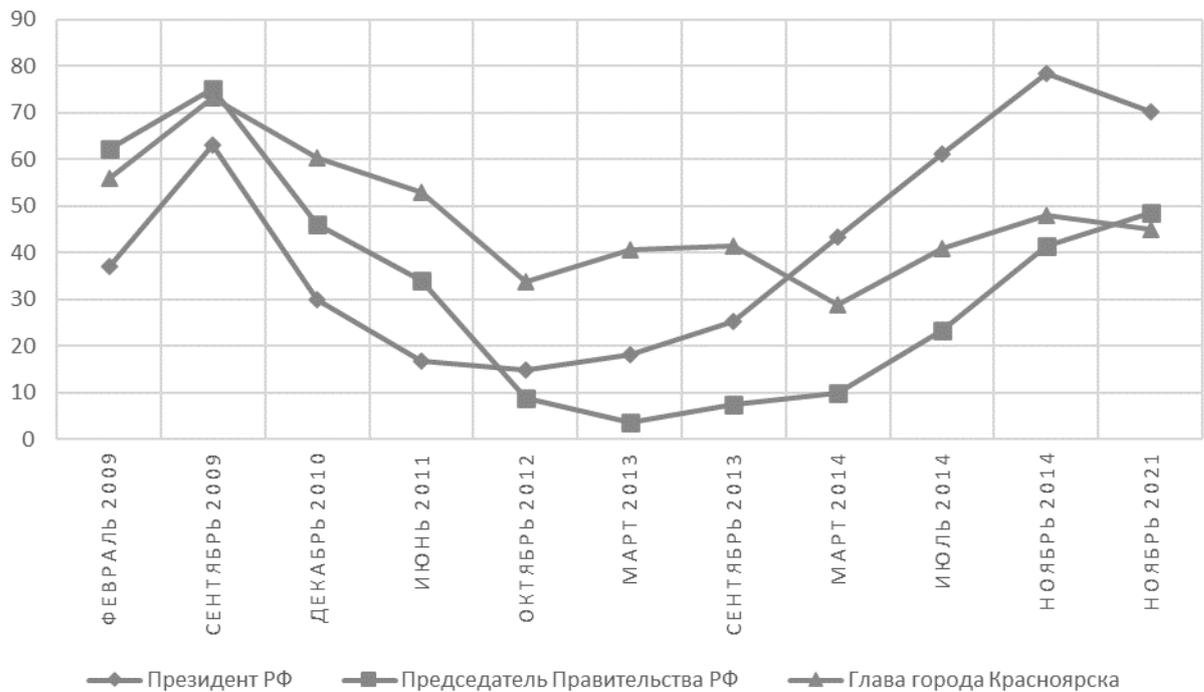
В процентах от количества ответивших

Представители власти	Февраль 2009 г.	Сентябрь 2009 г.	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Президент Российской Федерации	37,1	63,1	*	16,8	14,8	18,1	25,4	43,4	61,1	78,3	70,1
Председатель Правительства Российской Федерации	62,2	75	*	34	8,8	3,7	7,4	9,9	23,3	41,4	48,6
Глава города Красноярска	56	73,2	60,3	52,9	33,7	40,6	41,4	28,8	40,8	47,9	44,9
* Данные отсутствуют.											

Источник: составлено автором и опубликовано в [120].

Уровень доверия к местной власти больше зависит от обстановки на местах, поэтому индекс оценки деятельности главы местной администрации имеет иную динамику, как показано в таблице 2.9 и рисунке 2.3. В отличие от

представителей федеральной власти, спад Индекса одобрения деятельности у Главы города наблюдался не столь значительный. Во многом снижения Индекса связано со сменой действующего Главы города Красноярска, вследствие досрочного ухода с поста, и проведением выборов нового Главы города в июне 2012. Стоит отметить, что изменение внешнеполитической ситуации не отразилось на рассматриваемом Индексе – в марте 2014 года его значения достигли минимума, после чего он вырос. Во много рост индекса связан с положительным информационным полем во время выборов Губернатора Красноярского края. В 2021 году значения оценок сохранялись на достаточно высоком уровне.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.3 – Изменение уровня одобрения деятельности представителей органов власти (Индекс Iop)

Важно отметить, что в мае 2020 года произошло резонансное событие – масштабный разлив дизельного топлива в городе Норильск Красноярского края, что негативно отразилось на рейтинге местных властей, в связи с ошибками, допущенными ими при урегулировании ситуации и устранения последствий экологической катастрофы. В то же время, согласно мнению

экспертов, представители местной власти достаточно быстро восстановили утерянные позиции в глазах населения.

Протестные настроения в регионе являются показателем социальной напряженности, отражающими неблагоприятные экономические, социальные, политические условия [117]. Как показывают результаты, приведенные в таблице 2.10, несмотря на действие последствий экономического кризиса, в сентябре 2009 года большинство респондентов считали маловероятными проведение акций протеста. Рост значений индекса, показывающий рост вероятности проведения акций протеста зафиксирован в декабре 2010 года и продолжался до октября 2012 года. Во многом это связано с тем, что с этот период усиление социальной напряженности было вызвано преодолением негативных последствий экономического кризиса, а также влиянием внутривнутриполитических факторов. На социальную тревожность и социальную напряженность в этот период во много оказали влияние проведение масштабных акций протеста, выборы в Государственную Думу и выборы Президента Российской Федерации. После октября 2012 года произошел перелом в тренде, и Индекс начал снижаться, достигнув минимальных значений, в ноябре 2014 года, несмотря на ухудшении социально-политической и социально-экономической ситуации. Стоит отметить, что значительно подстегнуло уменьшение индекса внешнеполитические события. Исходя из анализа значений индекса в 2009 году и в 2014 году, можно предположить, что при наступлении кризисной ситуации население выбирает конформистскую позицию и готово «терпеть» негативные изменения в их жизни. Выбор конформистской позиции подтверждают и данные 2021 года.

Изменение протестных настроений выражается и в виде готовности участвовать в акциях протеста, как показано в таблице 2.11. Приведенный в таблице индекс характеризует возможную протестную активность [120]. Согласно данным исследований, максимальная готовность участвовать в акциях протеста наблюдалась в октябре 2012 года, после чего Индекс стал снижаться [119].

Таблица 2.10 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе акции протеста?»

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Февраль 2009 г.	Сентябрь 2009 г.	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Вполне возможны	40,9	22,3	37,1	50,4	51,2	42,8	43,3	38,3	31,8	28,2	25,5
Маловероятны	32,3	58,6	43,9	38,6	36,2	47,3	45,8	47,5	55,8	65,2	67,3
Затрудняюсь ответить	25,8	18	18,7	11	12,7	9,8	10,8	14,2	12,3	6,7	7,2
Индекс I _{ВП}	8,6	-36,3	-6,8	11,8	15	-4,5	-2,5	-9,2	-24	-37	-41,8
Изменение индекса I _{ВП}	*	-44,9	29,5	18,6	3,2	-19,5	2	-6,7	-14,8	-13	-4,8
* Данные отсутствуют.											

Источник: составлено автором и опубликовано в [120].

Таблица 2.11 – Распределение ответов на вопрос «Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?»

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Скорее всего, да	22,6	28,3	28,8	27,3	26,5	24	18,5	18,2	15,8
Скорее всего, нет	56,3	58,8	52	62,2	57,5	57	65,3	70,5	72,9
Затрудняюсь ответить	21,2	12,9	19,2	10,5	16	19	16,2	11,3	11,3
Индекс I _{УП}	-33,7	-30,5	-23,2	-34,9	-31	-33	-46,8	-52,3	-57,1
Изменение индекса I _{УП}	*	3,2	7,3	-11,7	3,9	-2	-13,8	-5,5	-4,8
* Данные отсутствуют.									

Источник: составлено автором и опубликовано в [120].

Небольшое увеличение Индекса в сентябре 2013 года, может быть связано с проходящими выборами депутатов городского Совета Красноярска и сопутствующим ростом актуальности многих социальных проблем и тревог. Следует отметить, что пик снижения значения Индекса наступил после марта 2014 года, во время интенсивных внешнеполитических событий: смены власти в Украине и присоединения Крыма к России [117]. К концу 2021 года результаты исследования показали даже большее падение значения индекса,

что, возможно, связано с адаптацией населения к текущей ситуации и получило подтверждение взглядами экспертов.

Если говорить об уменьшении уровня протестных настроений, интересно рассмотреть разнообразие форм протеста, представленных в таблице 2.12, в которых респонденты готовы участвовать. Во время пиков усиления Индекса личного протестного потенциала в октябре 2012 года, респонденты высказывали готовностью, как принять участие в митингах, демонстрациях, так и подписаться под требованиями и воззваниями. Как показывают результаты исследования, доля желающих принять участие в митинге, демонстрации начала стабильно снижаться с 2012 года, а доля желающих подписаться под воззваниями и требованиями снижается с начала 2014 года.

Таблица 2.12 – Распределение ответов на вопрос «Если Вы примете участия в акциях протеста, то в какой форме?»

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
Подпишусь под требованиями, воззваниями	25,2	25,9	27,3	31,7	31,7	25,7	21,5	17,7	15,3
Приму участие в митинге, демонстрации, шествии	15,7	23,1	27	25,7	18,5	20,2	15,8	15,5	12,8
Объявлю бойкот	0,6	1,6	1,2	0,5	1,7	1,7	0,3	2,2	1,4
Приму участие в забастовке	3,4	3,3	1,7	2,7	2,3	1	1,3	1,2	1,1
Приму участие в голодовке	1,6	1,7	0,7	0,8	1	1,2	1,2	1	0,5
Другое	0,3	0,2	0,5	0,2	0,2	0,3	1,3	0,2	0
Не буду принимать участие	48,3	51,8	43,2	47,3	49,2	47,3	52,8	65	68,9
Затрудняюсь ответить	16,6	12	12	7,7	12,2	16,5	17,7	11	15,3

Источник: составлено автором и опубликовано в [120].

Снижение готовности участвовать в разных формах протеста было вызвано и тем, что Украинский «майдан» помимо смены власти привел к существенному падению уровня жизни, таким образом показав негативные

последствия агрессивных форм протестов. Достигнув определенного уровня, доля сторонников активных акций протеста перестала снижаться, являясь в определенной мере показателем размера протестного ядра в региональном сообществе. Сторонниками радикальных акций протеста (бойкот, голодовка, забастовка), за весь период исследования, являются минимальное количество респондентов.

Расчет общего Индекса социальной напряженности как показателя социально-экономического состояния региона

Рассмотрение отдельных показателей и индексов, составляющих модель исследования, показало наличие динамики социальной напряженности за исследуемый период.

Таблица 2.13 – Значение общего Индекса Социальной напряженности и границ уровней социальной напряженности (Индекс $I_{сн}$)

В процентах от количества ответивших

Варианты ответа	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Ноябрь 2021 г.
$I_{сн}$	51,3	34,6	30,1	41,5	40,0	42,1	50,6	56,7	54,5
Изменение индекса	*	-16,8	-4,5	11,4	-1,5	2,1	8,5	6,1	-2,1
Фон	63	63	63	63	63	63	63	63	63
Повышенный уровень	28	28	28	28	28	28	28	28	28
Высокий уровень	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Критический уровень	-28	-28	-28	-28	-28	-28	-28	-28	-28
* Данные отсутствуют.									

Источник: составлено автором.

Согласно формуле, расчета общего Индекса социальной напряженности ($I_{сн}$) был произведен расчет значений данного Индекса, а также его границ, с учетом количества компонентов, включенных в модель исследования, что показано в таблице 2.13. Расчетные значения Индекса $I_{сн}$ и его границ представлены в таблице. Согласно формуле расчета Индекса $I_{сн}$, увеличение его значений свидетельствует о снижении уровня социальной напряженности и улучшении устойчивости общества, а уменьшение значений свидетельствует об усилении социальной напряженности. Расчет границ,

позволяет установить стадию, на которой в настоящее время находится социальная напряженность.

Значения Индекса $I_{\text{ОСН}}$, показывают, что большую часть исследуемого периода уровень социальной напряженности, находился в пределах фонового уровня. При этом, до октября 2012 года значения Индекса $I_{\text{ОСН}}$ постепенно приближались к границе фонового уровня, достигнув минимального значения 30,1 единиц в октябре 2012 года, что еще не переходит границу повышенного уровня социальной напряженности, но может свидетельствовать о возможных деструктивных процессах. Анализ информационного фона и данных исследований показывает, что в этот период зафиксирован значительный протестный потенциал. Эти данные подтверждаются результатами исследований ВЦИОМ, свидетельствующими о высоком протестном потенциале в стране в целом и падением значений индексов социального самочувствия [104; 172]. К ноябрю 2014 года, значение индекса достигло максимальных значений. Замеры 2021 года, показали, что несмотря на небольшое снижение значения индекса, оно остается достаточно высоким.

Модель социальной напряженности как параметра социально-экономического состояния региона

Исходя из концептуальной модели, факторы социальной напряженности, действуя на выделенные поля (экономики, политики, социальное, экологии, культуры, межнациональных отношений и информационное поле) формируют пересечения и приводят к возникновению проявлений социальной напряженности, которые мы можем фиксировать с использованием предложенного подхода, сочетающего опросные методы, экспертные интервью и анализ данных социальных медиа. Результаты обобщения мнения экспертов о компонентах, используемых для оценки социально-экономического состояния региона приведены в таблице 2.14.

На основании полученных данных, мы определили, что в разные периоды времени, можно выделить «ведущие поля», изменения в которых оказывают наибольшее влияния на социально-экономическое состояние

региона и его перспективы. Как показал экспертный опрос, потенциально положительные изменения в поле экономики, такие как строительство новых производств, взаимосвязаны с полем экологии и экологической безопасностью региона и при возникновении напряжений в их пересечении, могут приводить к росту социальной напряженности.

Таблица 2.14 – Отдельные компоненты, используемые для оценки социально-экономического состояния региона, выделенные на основании экспертных оценок

Компонент	Особенности
1	2
Безработица	Высокий уровень безработицы в регионе может привести к социальной напряженности, так как люди не могут обеспечить себе достаточный уровень жизни и качественное образование для своих детей
Социальная напряженность	Как комплексное отражение накопленных в регионе противоречий социально-экономического характера
Уровень доходов населения	Существенное различие в доходах населения может стать причиной недовольства и способствовать увеличению социальной напряженности в регионе
Доступ к медицинской помощи	Высокая стоимость медицинских услуг и низкое качество медицинского обслуживания могут спровоцировать социальную нестабильность среди жителей, особенно старшего возраста
Коррупция	Распространенность коррупции может быть причиной недоверия граждан к власти и усиливать социальную напряженность, что может повлиять на экономическое развитие региона
Нарушение прав человека	Нарушения прав человека могут спровоцировать протесты и недовольство среди населения, что может привести к социальной напряженности и ухудшению экономической ситуации в регионе
Экологические проблемы	Загрязнение воздуха, водоемов и почвы в регионе может привести к социальному недовольству и напряженности, повлекшие за собой экономические проблемы
Политическая нестабильность	Конфликты между политическими партиями, неэффективность государственных органов, недовольство правительственной политикой и регламентации, включая отношение к оппозиции, контроль над СМИ может быть значимым дополнительным фактором социальной напряженности
Этнические, религиозные и культурные различия	Могут привести к конфликтам в обществе и оказать существенное влияние
Сверхнациональные интересы	Такие сверхнациональные интересы как военные действия, нарушения территориальной целостности могут приводить к напряженности между группами людей

Продолжение таблицы 2.14

1	2
Избыточное использование интернета, социальных сетей и технологий	Может приводить к изоляции, одиночеству, снижению социального контакта и т.д., оказывая влияние на социально-экономическую ситуацию
Миграционные потоки	Увеличение количества мигрантов, оказывающих давление на рынок труда, социальную инфраструктуру, культурные и иные традиции местного общества
Доступность образования	Включая ограничение доступа к образованию, нарушение правил и дисциплины, неэффективность образовательной системы и т.д.
Ментальное здоровье индивидов	Рост безнадежности, одиночества, токсичных отношений и дружбы, что в результате может приводить к депрессии и увеличению суицидальных попыток
Развитие предпринимательства и инвестиционная привлекательность.	Для развития бизнесу необходима стабильность и предсказуемость экономических условий
Качество и доступность жилья, условия жизни	В регионах с высоким уровнем социально-экономического состояния наблюдается высокое качество жилья, достаточные условия для комфортной жизни при компромиссной доступности

Источник: составлено автором.

Появляющееся на пересечении этих полей противоречие, приводит к появлению девиантных проявлений и протестных действий со стороны широких масс населения региона. В том числе, невозможность удовлетворить свои экономические, социальные и экологические цели и неудовлетворительная работа средств по их достижению вызвало активные протестные действия со стороны населения и привело к усилению социальной напряженности [121]. В Красноярске, последствием явилось появление протестного движения «Красноярск против!», затронувшего широкие слои населения и приведшие к вовлечению около 20% населения, подвисявших петицию по остановке проекта. При этом, несмотря на высокую активность населения и участие в протестном движении, оно осталось аполитичным: после решения проблемы, на губернаторских выборах 2014 года, явка и уровень поддержки губернатора оказалась одной из самых низких, среди всех регионов, где в это же время проводились аналогичные выборы

(явка 31,26%, поддержка губернатора 63%). Стоит отметить, эксперты указывают, что первоначально формирование протестных действий происходило путем самоорганизации населения с дальнейшим выделением группы лидеров, сопровождавших протесты с юридической и организационной сторон. Результирующим эффектом таких действий явилось падение привлекательности региона для инвестиций, что нашло отражение в Национальном инвестиционном рейтинге, после чего, инвесторы стали с осторожностью относиться к инвестициям в регион, что подтверждают опрошенные эксперты. Это подтверждается данными статистической отчетности: снижение физического объема инвестиций составило 3,9% в 2013 году 12,1% в 2014 году [154]. Следовательно, как подчеркивают эксперты, это негативно сказалось на социально экономическом состоянии региона, ограничив темпы его развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе, что особо чувствительно для такого промышленного региона, как Красноярский край, богатого ресурсами, делающего ставку на развитие крупных промышленных производств и зависимого от налоговых поступлений от таких предприятий.

Социальное поле также находится в тесной связке с полями экономики и экологии. Согласно мнению экспертов, существующее напряжение, связанное с развитием социальной инфраструктуры и ее качество, усилило негативное влияние социальной напряженности. Особо значимым оказался фактор, связанный с уровнем оказания медицинской помощи и коррелируемый с ним и загрязнением окружающей среды уровень заболеваемости онкологическими и другими видами тяжелых заболеваний.

Согласно мнению экспертов, существенным значением для формирования социальной напряженности и ее влияния на социально-экономическую ситуацию региона, обладали сетевые инструменты, приведшие к самоорганизации населения, зачастую безлидерного, как в рамках социальных групп, так и в информационном пространстве сети Интернет и социальных медиа. Использование таких сетевых инструментов

способствовало широкому распространению социальной напряженности, что подтверждают эксперты. Несмотря на то, что официальные медиа-ресурсы поддерживали официальную точку зрения властей, проявления социальной напряженности оказали существенное влияние на политическое поле, что вывело возникшие противоречия на уровень федеральных СМИ и в итоге не оставило иных вариантов решения, как исключить первопричину возникновения социальной напряженности.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.4 – Модель оценки объективных и субъективных факторов формирования социальной напряженности

Такой подход приведен на рисунке 2.4 позволяет оценить объективные условия и субъективные факторы формирования социальной напряженности. Индикаторы и показатели модели дают характеристику напряжений,

имеющихся в обществе, и дают оценку возможным изменениям в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Учитывая особенности межнациональных отношений в регионе, в настоящее время они не играют существенной роли в связи с достаточно высокой однородностью этнического состава населения. В то же время, как указывают эксперты, в рамках региона существуют отдельные кластеры компактного проживания мигрантов и относительно крупных этнических групп, которые могут стать источником напряжения при совершении ими противоправных действий. Кроме этого, в других регионах, где национальный состав не такой однородный, влияние поля межнациональных отношений может иметь критическое значение при формировании социальной напряженности и ее влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе, как и поле культуры, которое может повлиять на особенности проявлений социальной напряженности, особенно в совокупности с полем межнациональных отношений.

В то же время, влияние социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона может быть управляемо при наличии возможности прогнозировать ее уровень. Такой прогноз позволяет воздействовать на прогнозируемые социальные процессы, вызывая их усиление или ослабление. Однако прогнозные возможности модели в определенной мере ограничены, что связано с тем, что социальные процессы развиваются во времени и поэтому точный прогноз возможен только на краткосрочную перспективу [183; 201]. При влиянии определенных факторов может наблюдаться резкое изменение уровня социальной напряженности, что ограничивает возможности моделирования.

Существует большое количество методов, позволяющих прогнозировать развитие социальных процессов на будущие периоды. При этом стоит всегда помнить, что социальные явления и процессы находятся под влиянием огромного количества факторов, способных приводить к быстрым изменениям. В связи с этим, прогноз развития социальных явлений и

процессов, обладающий достаточной точностью, возможен только на период до полугода.

При прогнозировании, в первую очередь следует обратить внимание на методы, дающие наибольшую оперативность и лишь в дальнейшем использовать более дорогостоящие методы при целесообразности их применения. Из всего спектра методов прогнозирования стоит рассмотреть методы экстраполяции, которые основываются на предположении, что тенденции и закономерности прошлого и настоящего оказывают сходное влияние на развитие социального явления или процесса. По своей сути, методы экстраполяции позволяют спрогнозировать состояние социального явления или процесса в будущем, при сохранении своего темпа развития. Использование методов экстраполяции подразумевает допущения, свойственные большинству социальных процессов: плавное развитие явления или процесса, которые описываются математически и факторы имеют сходное влияние, как в прошлом, так и в будущем.

Среди известных методов экстраполяции, достаточно распространенными являются, методы скользящих средних, экспоненциального сглаживания, наименьших квадратов, которые отличаются простотой и достаточной точностью прогноза. Стоит оценить возможности использования этих методов для прогнозирования Индекса социальной напряженности.

Выбранные методы будем использовать на примере ограниченного периода результатов исследований, полученных в ходе регулярного мониторинга с 2010 года по 2015 год.

Рассмотрим возможности среднесрочного прогнозирования с использованием метода экспоненциального сглаживания. Данный метод можно использовать при прогнозировании на один период вперед. Преимуществом этого метода является достаточная простота вычисления, а также возможность учета весов отдельных значений. Стоит отметить, что

метод обладает и недостатком, связанным с тем, что метод «запаздывает» при наличии быстрых изменений явления или процесса во времени.

Формула (8) вычисления значений при использовании метода экспоненциального сглаживания выглядит следующим образом

$$U_{t+1} = \alpha \times y_t + (1 - \alpha) \times U_t, \quad (8)$$

где t – период, предшествующий прогнозному;

$t+1$ – прогнозный период;

U_{t+1} – прогнозируемый показатель;

α – параметр сглаживания;

y_t – фактическое значение исследуемого показателя за период, предшествующий прогнозному;

U_t – экспоненциально взвешенная средняя для периода, предшествующего прогнозному [144; 147].

При использовании метода экспоненциального сглаживания для построения прогноза существует сложность, заключающаяся в выборе значения параметра сглаживания α и определении начального значения U_0 .

Автор метода экспоненциального сглаживания рекомендует определять значение α используя формулу (9)

$$\alpha = \frac{2}{n + 1}, \quad (9)$$

где α – параметр сглаживания;

n – количество наблюдений, входящих в интервал сглаживания [144; 147].

В качестве U_0 было принято первое значение ряда данных, что связано с рекомендацией использовать первое значение при отсутствии данных о развитии явления в прошлом.

Для оценки качества прогноза, рассчитывается средняя относительная ошибка (ε), используя формулу (10)

$$\varepsilon = \frac{1}{n} \times \sum_{i=1}^n \left[\frac{|Y_{\phi} - Y_p|}{Y_{\phi}} \times 100 \right], \quad (10)$$

где ε – средняя относительная ошибка;

Y_{ϕ} – фактическое значение исследуемого явления;

Y_p – расчетное значение исследуемого явления;

n – число уровней временного ряда [144; 147].

Таблица 2.15 – Расчет прогнозного значения $I_{сн}$ с использованием метода экспоненциального сглаживания

Расчетные параметры	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Апрель 2015 г.	Прогноз на 2015 г.
$I_{сн}$	25,2	29,9	28,0	22,1	32,6	32,7	34,8	36,8	32,9	31,3
Средняя относительная ошибка	*	*	*	*	*	*	*	*	*	14,0
* Средняя относительная ошибка не рассчитывалась.										

Источник: составлено автором.

Результаты прогноза, выполненного с использованием метода экспоненциального сглаживания, приведен в таблице 2.15.

Таким образом, согласно сделанному прогнозу на 2015 год, продолжится увеличение положительного значения индекса социальной напряженности, и его величина составит 32,2 единицы. Согласно разработанной шкале, рассчитанное значение индекса свидетельствует об уменьшении социальной напряженности и находится в пределах фонового уровня социальной напряженности. Расчет средней относительной ошибки показывает, что она составляет 14,0% и свидетельствует о хорошей точности прогноза [144; 147].

Для сравнения подготовим прогноз, построенный на основе метода наименьших квадратов. Формула (11) для расчета прогноза с использованием метода наименьших квадратов выглядит следующим образом

$$Y_{t+1} = a \times x + b, \quad (11)$$

где Y_{t+1} – прогнозируемый показатель в прогнозном периоде $t + 1$;

a и b – коэффициенты;

x – условное обозначение времени [144; 147].

Коэффициенты a и b рассчитываются по формулам (12) и (13)

$$a = \frac{\sum_{i=1}^n (Y_{\phi} \times X) - (\sum_{i=1}^n X \times \sum_{i=1}^n Y_{\phi}) / n}{\sum_{i=1}^n X^2 - (\sum_{i=1}^n X)^2 / n}, \quad (12)$$

$$b = \frac{\sum_{i=1}^n Y_{\phi}}{n} - \frac{a \times \sum_{i=1}^n X}{n}, \quad (13)$$

где Y_{ϕ} – фактические значения ряда динамики;

n – число уровней временного ряда;

X – условное обозначение времени [144; 147].

Рассчитанные коэффициенты использованы для построения прогноза на два периода после последнего измерения $I_{СН}$ и приведены в таблице 2.16. Расчет показал, что согласно сделанным расчетам, при неизменности влияния факторов на социальную напряженность, в 2015 году значение $I_{СН}$ будет равно 37,5 единиц, а феврале 2016 года – 38,8 единиц. Расчетные значения будут соответствовать фоновому уровню $I_{СН}$. Средняя относительная ошибка метода составила 8,1%, что говорит о высокой точности прогноза.

Таблица 2.16 – Расчет прогнозного значения $I_{СН}$ с использованием метода наименьших квадратов

Расчетные параметры	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Апрель 2015 г.	Прогноз	
										2015 г.	2016 г.
$I_{СН}$	25,2	29,9	28,0	22,1	32,6	32,7	34,8	36,8	32,9	37,5	38,8
Средняя относительная ошибка	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	8,1
* Средняя относительная ошибка не рассчитывалась.											

Источник: составлено автором.

Третьим методом, использованным для построения прогноза, является метод скользящей средней. Этот метод достаточно широко применяется для

сглаживания временных рядов. Преимуществом метода является сглаживание случайных колебаний, что позволяет уменьшить влияние случайных факторов при прогнозировании явлений и процессов. Наибольшей точностью данный метод обладает при краткосрочном прогнозировании.

Формула для расчета прогнозных значений выглядит следующим образом (14)

$$y_{t+1} = m_{t-1} + \frac{1}{n} \times (y_t - y_{t-1}), \quad (14)$$

где $t + 1$ – прогнозный период;

t – период, предшествующий прогнозному;

y_{t+1} – прогнозируемое значение;

m_{t-1} – скользящая средняя за два периода до прогнозного;

n – число уровней, входящих в интервал сглаживания;

y_t – значение исследуемого явления за предшествующий период;

y_{t-1} – значение исследуемого явления за два периода до прогнозного [144; 147].

Прогнозные значения $I_{СН}$, рассчитанные с использованием метода скользящего среднего составили: для 2015 года – 33,5 единицы, для 2016 года – 34,6 единицы, что показано в таблице 2.17.

Таблица 2.17 – Расчет прогнозного значения $I_{СН}$ с использованием метода скользящей средней

Расчетные параметры	Декабрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Октябрь 2012 г.	Март 2013 г.	Сентябрь 2013 г.	Март 2014 г.	Июль 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Апрель 2015 г.	Прогноз	
										2015 г.	2016 г.
$I_{СН}$	25,2	29,9	28,0	22,1	32,6	32,7	34,8	36,8	32,9	33,5	34,6
Средняя относительная ошибка	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	7,8
* Средняя относительная ошибка не рассчитывалась.											

Источник: составлено автором.

Средняя относительная ошибка метода составила 7,8%, что говорит о высокой точности прогноза.

Сравнение прогнозов, выполненных разными методами, показывает, что наименьшая средняя относительная ошибка зафиксирована для метода расчета скользящей средней (7,8%). Соответственно, прогноз значений $I_{сн}$, выполненный с использованием этого метода, будет наиболее точным при сохранении влияния факторов на социальную напряженность в обществе.

Широкое использование предложенной модели и методов прогнозирования требует проведения эмпирической верификации. Проверка на валидность методики подразумевает под собой оценку соответствие измерения его цели. Многолетняя практика использования показателей модели и однозначность вычисляемых значений индикаторов позволяет говорить о валидности используемого инструментария.

С использованием статистического коэффициента «Альфа Кронбаха», наиболее распространенного критерия валидности социологического инструментария, осуществлялась оценка внутренней согласованности индикаторов. Согласно выполненным расчетам для проведенных исследований «Альфа Кронбаха» для показателей, составляющих исследовательскую модель, по выборке составило не менее 0.70. Расчет коэффициента «Альфа Кронбаха» осуществлялся с использованием специализированного социометрического пакета PSYCH и языка программирования R широко распространенных среди специалистов по анализу больших объемов данных [33].

Важным компонентом оценки исследовательской модели является оценка уровня взаимосвязи между показателями, включенными в модель социальной напряженности. Оптимальным способом оценки связей является попарный расчет коэффициентов корреляции между показателями. Согласно проведенным расчетам, максимальные значения коэффициента корреляции по модулю составляют 0,4–0,5, а в большинстве случаев 0,2 – 0,3 единицы. Такой размер коэффициентов корреляции свидетельствует о слабом уровне связей

между факторами и соответственно, низким уровне взаимного влияния, что повышает прогностические возможности модели.

Дополнительным подтверждением валидности и надежности предложенной модели, является ее верификация в ходе регулярных опросов на территории города Красноярска.

Дополнительная возможность верификации была реализована через расчет I_{CH} на ретроспективном участке в октябре 2015 года. Согласно проведенным расчетам, с использованием метода скользящей средней, прогнозное значение I_{CH} составило 33,5 единицы, а значение индекса, полученного эмпирическим путем – 29,1 единиц. Величина относительной ошибки составила 15%, что свидетельствует о хорошей точности прогноза. Расхождение расчетного и фактического значения индекса, в первую очередь связано с запаздыванием прогноза из-за резкого изменения направления тренда. Если рассматривать уровень I_{CH} , то его фактическое значение, полученное в ходе проведения социологического опроса, вплотную приблизилось к границе повышенного уровня социальной напряженности, что говорит о накоплении социальной напряженности в обществе.

Экспертные мнения и апробация методики расчета прогнозного уровня социальной напряженности позволяют выработать организационно-методические рекомендации для органов государственной, региональной и муниципальной власти по оценке влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона:

- 1) проведение социологических исследований для мониторинга значений показателей согласно предложенной модели влияния социальной напряженности на социально-экономическую ситуацию в регионе. Рекомендуется проведение ежеквартальных опросов населения, при этом, при невозможности обеспечить нужную частоту проведения опроса, следует ежегодно проводить ежегодное опрос населения. Рекомендуется регулярный мониторинг социальных сетей и СМИ с еженедельным анализом на наличие

потенциальных точек формирования социальной напряженности с оценкой рисков их влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе;

2) регулярное проведение аналитической работы с целью определения актуальных факторов социальной напряженности с использованием опросных методов, фокусированных групповых интервью, анализа социальных медиа и верификации результатов через экспертные оценки;

3) прогнозирование изменений значений индекса социальной напряженности ($I_{СН}$) с использованием различных методов расчета оптимизации прогноза через использование методов с наименьшей средней ошибкой прогноза. Обнаружения негативных трендов должно сопровождаться проведением дополнительных исследований, направленных на выявление причин их появления и выработки мер по устранению влияния отрицательных факторов;

4) для крупных инвестиционных проектов, затрагивающих широкие слои населения в рамках полей, выявленных в концептуальной модели, рекомендуется проведение социологической экспертизы выявления рисков усиления социальной напряженности и оценка потенциала ее влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе;

5) в связи с влиянием непрогнозируемых дестабилизирующих факторов на уровень социальной напряженности, расчет прогнозируемых значений $I_{СН}$ рекомендуется производить с упреждением до полугода;

6) в периоды сильной социально-политической нестабильности, возможно увеличение частоты проведения опросов, что позволит своевременно выявить усиление социальной напряженности и принять меры по их снижению, не доводя ситуацию до полномасштабного социального конфликта.

2.3 Взаимосвязь сетевых инструментов, социальной напряженности и социально-экономической ситуации в регионе

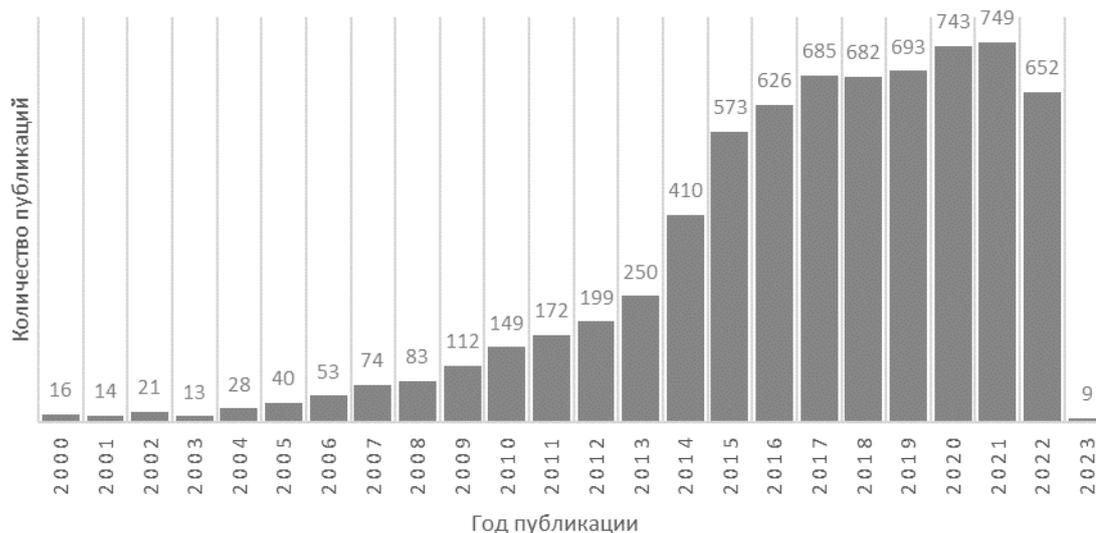
Публикационная активность по теме социальной напряженности в профессиональной среде

Средства массовой информации, социальные медиа, электронные версии научных изданий являются частью сетевых инструментов, распространяющих информацию или транслирующие признаки социальной напряженности в информационное пространство. Анализ интернет пространства и контента социальных медиа может дать представление о том, какие темы вызывают наибольшую тревогу в обществе и какие группы населения испытывают наибольшее напряжение [118; 122].

Рассмотрим, публикационную активность в профессиональной среде по теме социальной напряженности. Как было показано в первой главе, отечественные ученые уделяют достаточно пристальное внимание феномену «социальная напряженность» и ее проявлениям в самых разных отраслях научного знания. Для анализа интереса научной общественности была проанализирована выгрузка данных с электронной библиотеки e-library, захватывающая временной диапазон с января 2000 года по февраль 2023 года. Для подбора подходящих материалов использовалось прямое нахождение словосочетания «социальная напряженность» с учетом его возможных морфологических форм. Местами поиска ключевых фраз были выбраны такие атрибуты публикации как: название, аннотация и ключевые слова. В итоге за выбранный период времени найдено 7046 научных публикаций, отвечающих выбранным критериям.

Динамика публикаций, посвященных социальной напряженности, выглядит достаточно интересной и показана на рисунке 2.5. Как можно увидеть, до 2005 года, отечественные ученые проявляли сравнительно минимальный интерес к данной теме и ежегодно публиковалось всего около двух десятков работ. После 2005 года наблюдается стабильный рост

публикационной активности, которая достигает своего пика в 2021-2022 гг. Примечательно, что до 2014 года увеличение количества работ шло достаточно плавно, в то время как с 2014 года, тема социальной напряженности привлекла внимание большого количества исследователей и по сравнению с 2013 годом, в 2014 году был почти двукратный рост количества публикаций.

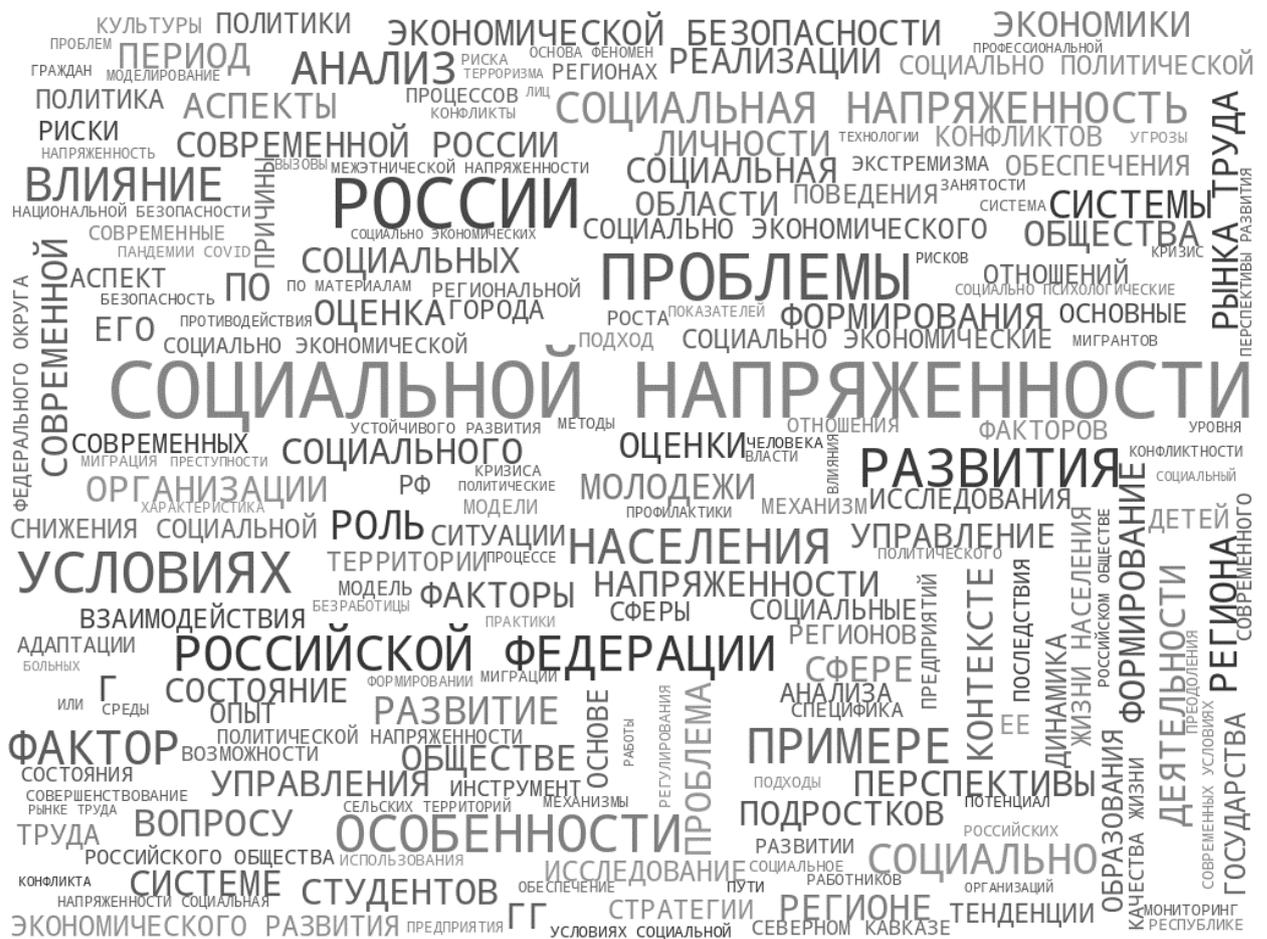

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.5 – Динамика количества публикаций, упоминающих изучение феномена «социальная напряженность»

Подавляющее количество материалов, находящихся в электронной базе представляют собой научные статьи, в том или ином контексте упоминающие термин «социальная напряженность» (общее количество опубликованных статей – 5 026). Кроме этого, авторы книг и монографий, включили упоминание социальной напряженности в ключевые места своих работ в 374 книгах. 1 585 шт. найденных материалов, относятся к тезисам трудов, представленных на конференциях различного уровня. Диссертации на соискание ученых степеней доктора или кандидата наук, которые исследуют, упоминают или обращаются в своем исследовании к социальной напряженности найдено менее 50 шт. Большинство диссертаций было

посвящено рассмотрению различных аспектов социальной напряженности с точки зрения социологии, политологии, психологии и экономики.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.6 – Облако слов, построенное по частотам слов в заголовках публикаций, затрагивающих феномен «социальная напряженность»

Рассмотрение публикаций в разрезе тематик, показывает, что публикации, касающиеся социальной напряженности, обычно могут быть отнесены сразу к нескольким тематикам. При этом, наиболее популярными тематиками являются: экономика (5 684 публикаций), социология (4 576 публикаций), политология (3 094 публикаций), психология (2 153 публикаций), философия (1 907 публикаций) и демография (649 публикаций).

Дополнительную информацию о том, каким аспектам посвящены выбранные публикации, дает облако слов, показанное на рисунке 2.6. Как

можно видеть, на рисунке, термин «социальная напряженность» является наиболее частотным словосочетанием в названиях публикаций. Территориально, чаще всего в работах рассматривается наше государство Российская Федерация или Россия, при этом, заметны упоминания слов «регион», «территория» и их синонимов, показывающая изучение аспектов социальной напряженности на в рамках отдельных территориальных субъектов. Можно увидеть, что исследователи рассматривают разные сферы экономики и социальной политики, рынок труда, национальную безопасность, конфликты и другие темы. При этом, можно увидеть, как работы, направленные на изучение текущего состояния, так и направленные на выявление трендов и прогнозирование. Достаточно хорошо выделяются работы, посвященные молодому поколению – подросткам и молодежи в целом.

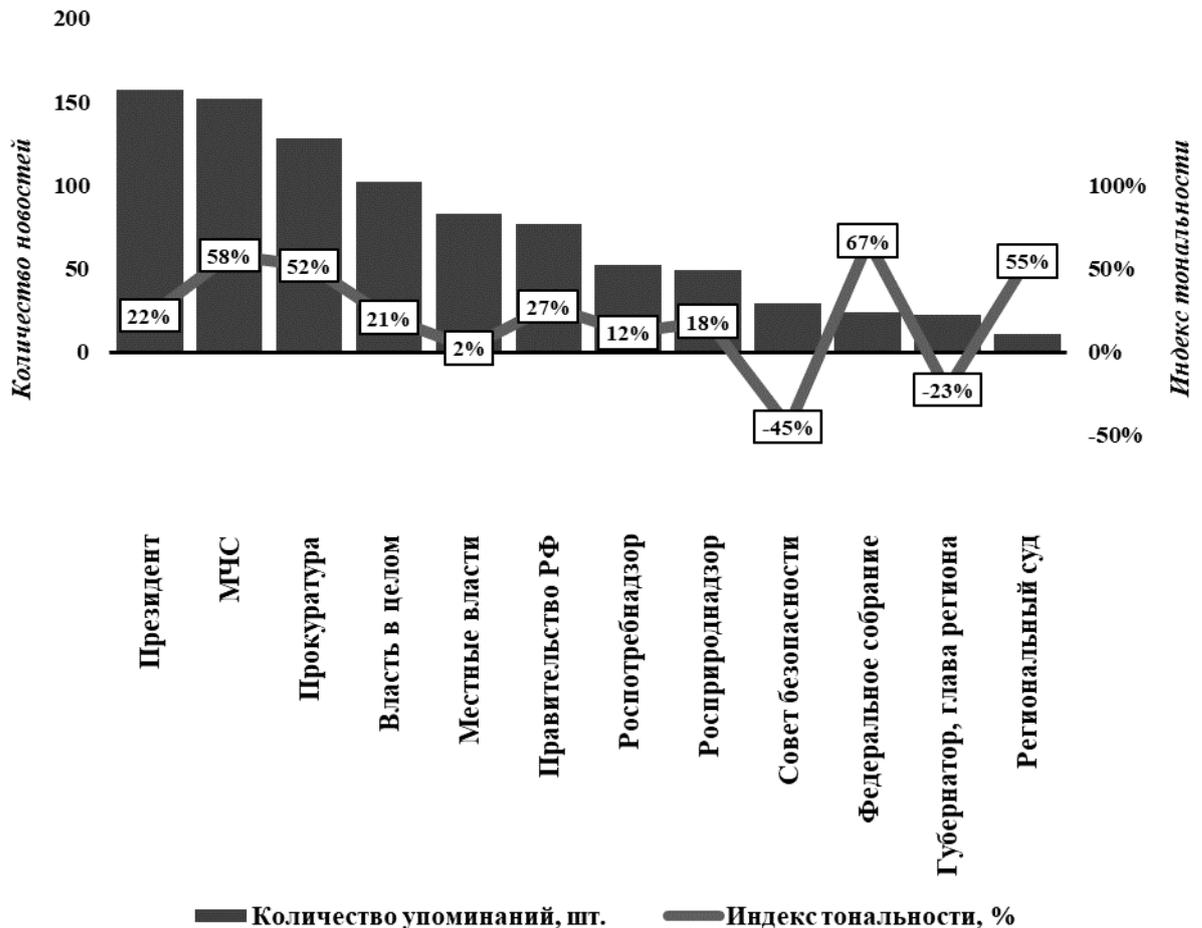
Исходя из рассмотрения публикационной активности как показателя уровня интереса ученых к феномену социальной напряженности и текущей социально-экономической и социально-политической ситуации, можно предположить, что уровень интереса к феномену «социальная напряженность» продолжит оставаться на высоком уровне и исследования по изучению социальной напряженности и различных ее аспектов будет продолжаться.

Социально-экономическая ситуация в регионе и роль сетевых инструментов формирования социальной напряженности

Поведение населения в интернет-пространстве и социальных медиа является одним из индикаторов социальной напряженности и ее влияния на социально-экономическое развитие региона, реакции на деятельность органов государственного управления. Количество пользователей социальных медиа ежегодно растет влияет на общественное сознание.

Примером для проведения исследования активности населения в социальных сетях, на котором можно анализировать реакции пользователей, работу социальных инструментов и их влияние на социальную

напряженность, является разлив дизельного топлива в г. Норильске (29 мая 2020 года). Для анализа использованы данные исследовательской компании АО «Крибрум» – массив данных, содержащий информационные сообщения СМИ и материалы из социальных медиа за период с 05.06.2020 по 25.11.2020.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.7 – Количество новостных сообщений, посвященных разливу дизельного топлива в г. Норильск, и индекс тональности по субъектам власти за период с 05.06.2020 по 25.11.2020

На тему разлива дизельного топлива в г. Норильске были отобраны и проанализированы 622 новостные статьи, 40% из которых имели положительную тональность, 49% - нейтральную, 11% - негативную. В частности, основная критика касалась действий региональных и местных властей, сокрытия и умалчивания последствий аварии, несвоевременного

информирования на уровне местной власти о произошедшей чрезвычайной ситуации (далее – ЧС).

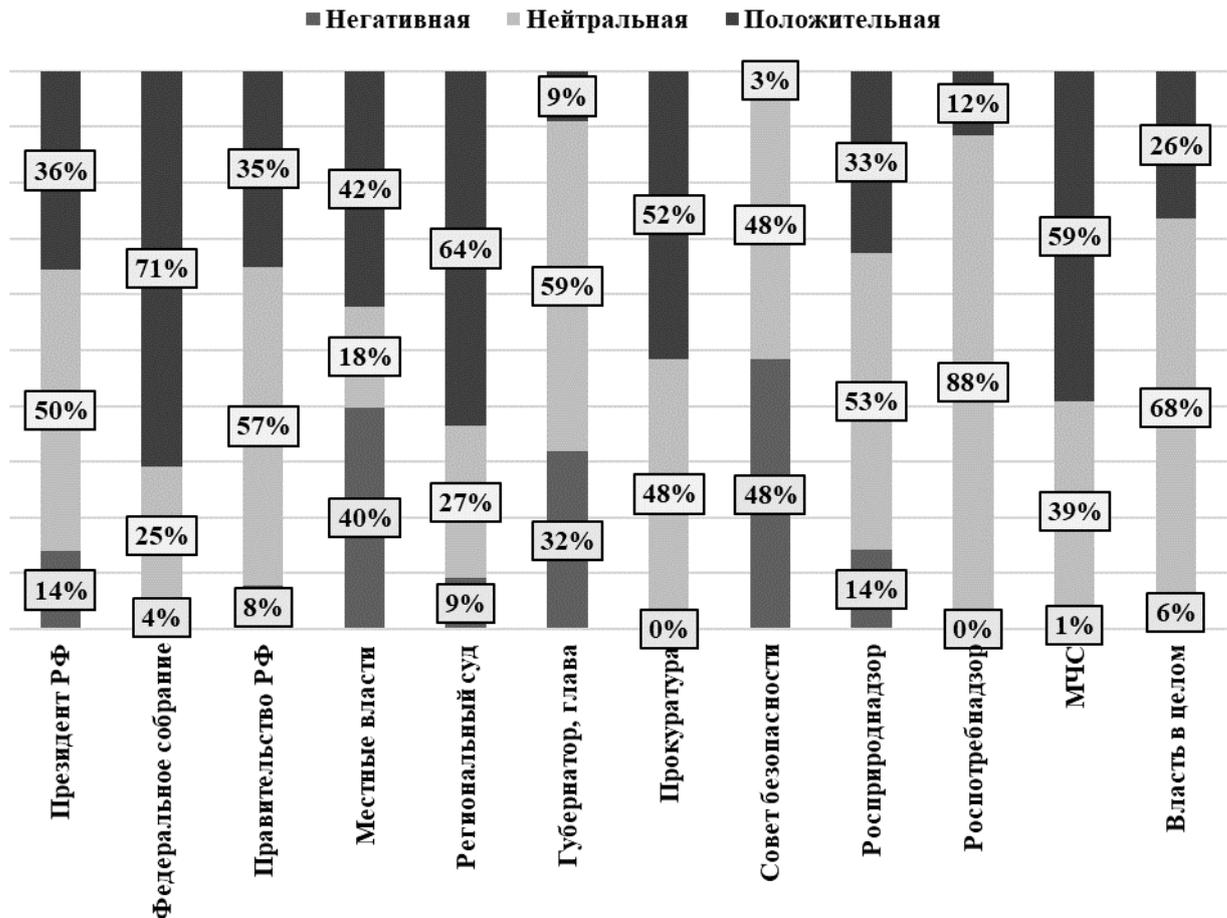
Около четверти новостных сообщений были посвящены высказываниям и действиям Президента России в отношении ликвидации последствий экологической катастрофы в г. Норильске, примерно столько же – МЧС (24%) и прокуратуре (21%), как показано на рисунке 2.7. При этом, как показал расчет индексов тональности, наиболее положительно в СМИ освещалась деятельность Федерального собрания (индекс тональности 67%), МЧС (58%), регионального суда (55%), а также прокуратуры (52%), наиболее негативно – Совета безопасности (-45%) и Губернатора, главы региона (-23%).

Наиболее упоминаемыми оказались действия, связанные с внесением поправок в законодательство и созданием законопроектов о предотвращении подобных ЧС, а также релизы о контроле за проведением мероприятий по ликвидации последствий ЧС Роспотребнадзором.

Половина новостей о деятельности президента имеют нейтральную тональность и отражают официальные мероприятия, заявления, совещания (публикации от 2-5 июня 2020 года, 5 и 28 июля 2020 года), что приведено на рисунках 2.8 и 2.9. В свою очередь, 71% упоминаний в СМИ о Федеральном собрании имеют положительную оценку ($\frac{1}{4}$ сообщений – нейтральную) и касаются публичных выступлений о выявленных нарушениях (публикации от 7-9, 15, 16, 21 июля 2020 года, 3 сентября 2020 года, 23 октября 2020 года), а также организации совещаний по обсуждению мер по ликвидации ЧС (публикации от 11 сентября 2020 года, 14 октября 2020 года).

Более половины сообщений (57%) в СМИ о мерах, которые предприняло Правительство Российской Федерации, описываются в нейтральном контексте, 35% - положительном, 8% - негативном. При этом с нейтральной тональностью описываются такие действия, как внесение поправок в законодательство и создание законопроектов о предотвращении подобных ЧС (39%) (публикации от 3-5 июня 2020 года, 3, 6-8 и 11 июля 2020 года); а также ликвидация последствий ЧС (16%), которое освещалось в начале июня

2020 года; в ряде СМИ перечисленные действия освещались и с положительной тональностью (59% - новости зафиксированы в период с июня по начало июля 2020 года и 15% - публикации от 3, 5 и 8 июня 2020 года соответственно); в негативном окрасе была представлена организация доследственной проверки (публикации от 3 июня 2020 года).

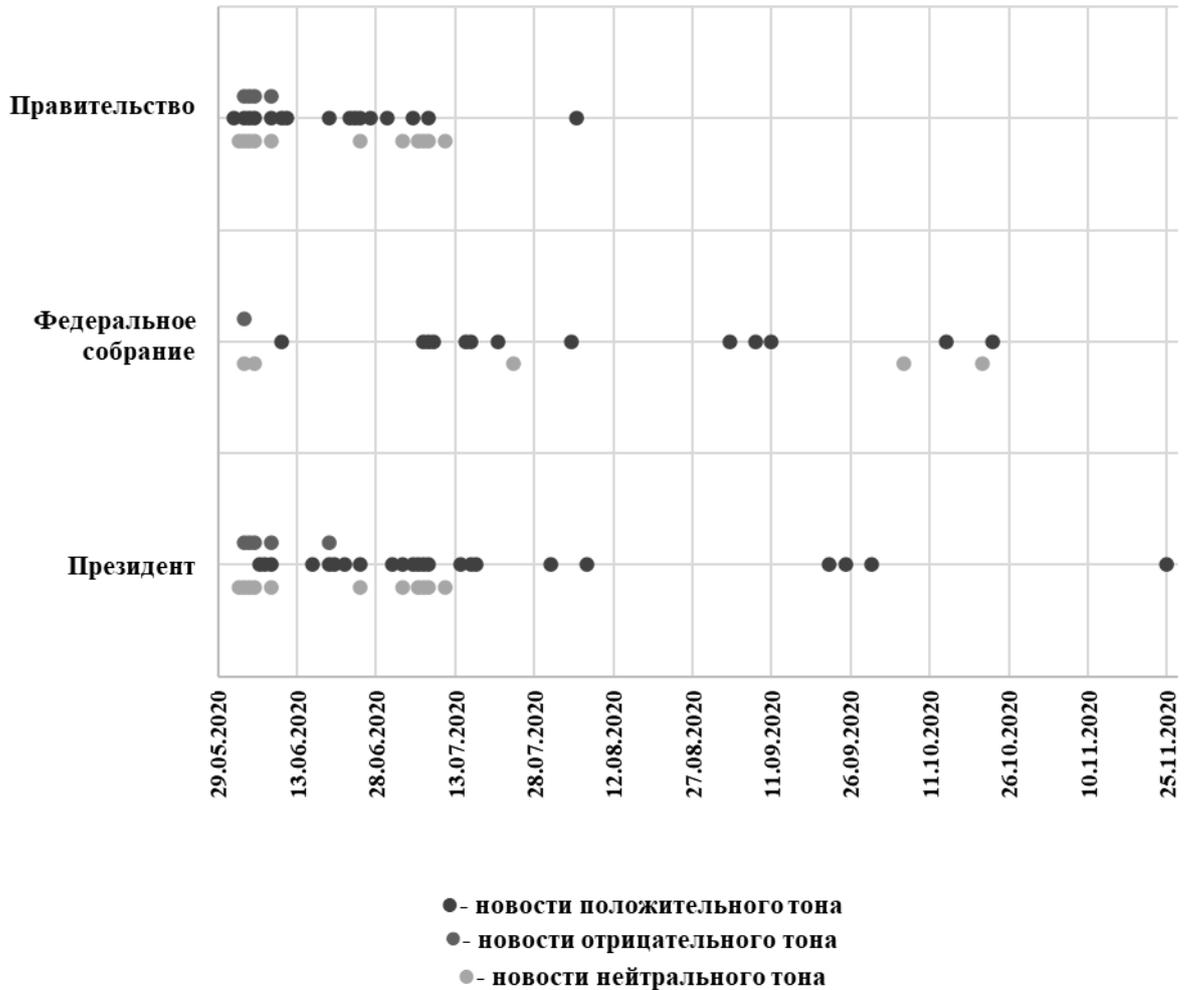

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.8 – Тональность новостных сообщений, посвященных разливу дизельного топлива в г. Норильск, в процентах по субъектам власти за период с 05.06.2020 по 25.11.2020

Что касается деятельности местных властей по ликвидации разлива нефти в г. Норильске, то в позитивном характере в СМИ освещались проведение совместно с МЧС учений по ликвидации разливов нефти (23%) (публикация от 22 сентября 2020 года), а также непосредственно сами действия, направленные на ликвидацию последствий ЧС (26%) (публикация от 9-12 и 16 июня 2020 года). Однако в трети статей действия со стороны

местной власти освещались в негативном ключе: чаще всего упоминались проблемы, связанные с сокрытием и умалчиванием последствий аварии (42%), о которых сообщалось на протяжении всего июня 2020 года, а также с несвоевременным информированием о произошедшей ЧС (48%), о котором свидетельствуют публикации на период июня – начала июля 2020 года.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.9 – Динамика публикаций положительного, отрицательного и нейтрального тона о деятельности Президента, Федерального собрания и Правительства, посвященных разливу дизельного топлива в г. Норильск, в процентах по субъектам власти за период с 05.06.2020 по 25.11.2020

Всего в совокупности из 622 источников только в 3-х были упомянуты действия судов федерального уровня. Данные упоминания в СМИ носят исключительно положительный характер, дается оценка такой меры, как арест

лиц, причастных к происшествию (публикация от 11 июня 2020 года). Это же касается и региональных судов, положительные упоминания о деятельности которых касаются как обращений в судебные инстанции, проведения заседаний, так и вынесения приговоров или оправданий (публикации от 12 и 19 октября 2020 года).

Деятельность Губернатора Красноярского края упоминается в 22 статьях, 60% из которых носят нейтральный характер, 32% - отрицательный и 9% - положительный. Самым часто упоминаемым действием с отрицательной окраской является сокрытие и умалчивание последствий аварии (57%), о котором писалось в СМИ 4 июня 2020 года.

Оценка в СМИ действий прокуратуры дается только в положительном (52%) и нейтральном (48%) ключах; основная тема – возбуждение уголовных дел Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом (публикации положительного тона от 4, 6, 8-11, 15-17, 19, 22 июня 2020 года, 7 августа 2020 года, 9 сентября 2020 года, 24 ноября 2020 года; публикации нейтрального тона от 1-5 июня 2020 года), а также арест причастных к катастрофе лиц – об этом событии в положительном тоне написано в публикациях от 10 июня 2020 года, а в нейтральном от 4 июня 2020 года.

В новостных сообщениях об экологической катастрофе в г. Норильске действия Совета безопасности были упомянуты примерно в 5% случаев. Такие новости чаще имели отрицательный (48%) и нейтральный (48%) оттенки. Причем, среди отрицательных действий в СМИ был упомянут доклад о причинах аварии на ТЭЦ-3, о котором сообщалось в период с 5 по 7 октября 2020 года.

Чаще всего обзор действий, предпринятых Росприроднадзором, описывался в нейтральном ключе (53%): в большинстве таких статей содержалась информация о том, что было сделано сообщение/доклад (65%) (публикации от 1, 2 и 5 июля 2020 года, 6, 7 августа 2020 года, 4 сентября 2020 года), а также были представлены расчет и объемы ущерба (15%) (публикации от 25, 27 сентября 2020 года, 5 октября 2020 года, 12 ноября

2020 года). С положительной тональностью (33%) освещались такие меры, как организация проверок нефтехранилищ (причем не только региональных) (38%) (публикации от 3, 6, 16 и 17 июля 2020 года), обращение в суд (заседание; приговор/оправдание) (19%) (публикации от 8 и 10 сентября, 6 октября 2020 года).

В нейтральном ключе (88%) описывались такие меры Роспотребнадзора, как организация проверок нефтехранилищ (не только региональных), о которой говорилось в сообщении от 5 июля 2020 года; а также предъявление расчетов и объемов ущерба (публикации от 6-8, 10-17, 20-22, 24, 25 и 28 июля 2020 года, 5 августа 2020 года); в положительном контексте (12%) освещались проведение проверок нефтехранилищ (не только региональных), о которых сообщалось 8 июля 2020 года; работа группы по мониторингу мер по обеспечению предупреждения и ликвидации нефтяных разливов, о которой писалось в СМИ 6 июля 2020 года; проведение экспертизы (публикация от 25 июня 2020 года), а также контроль за проведением мероприятий по ликвидации последствий ЧС (публикации от 7 июля 2020 года).

3/5 новостей, посвященных МЧС, имели положительную тональность. Так, чаще всего упоминались действия по ликвидации ЧС (55%) (публикации от 1, 3-9, 11, 13, 14, 16-19, 22, 23, 25 и 30 июня 2020 года; 1, 2, 4-7 июля 2020 года, 8 и 25 сентября 2020 года) и учения по ликвидации разливов нефтепродуктов (20%), о чем сообщалось в новостях с 22 по 24 сентября 2020 года; реже публиковались сообщения:

1) об организации совещаний, посвященных мерам по ликвидации разлива дизельного топлива в г. Норильске (публикации от 22 и 26 сентября 2020 года);

2) об отрицательных последствиях ликвидации ЧС, о чем сообщалось в СМИ 9 и 10 июня 2020 года;

3) о продолжении деятельности, несмотря на аварию (публикации от 8 и 12 июня 2020 года);

4) об отправке дополнительных сил для ликвидации ЧС;

5) о введении режима ЧС на региональном уровне, что зафиксировано в новостях от 3 и 4 июня 2020 года;

6) о локализации разлива топлива (публикации от 4, 26 и 27 июня 2020 года, 7 июля 2020 года);

7) различные единичные сообщения о программе помощи (публикация от 4 июня 2020 года), контроле за проведением мероприятий по ликвидации последствий ЧС (публикация от 19 июня 2020 года).

Почти 40% новостей, касающихся МЧС, имели нейтральный окрас: более половины из них были посвящены информации о ликвидации ЧС (54%) (публикации от 1, 3-5 июня 2020 года, 25 и 26 сентября 2020 года), в нескольких упоминались введение ЧС федерального и регионального уровней (публикации от 4 июня 2020 года, 1 и 4 июля 2020 года), возбуждение уголовных дел, о чем сообщалось в СМИ 2 и 4 июня 2020 года; сообщалось об организации совещания о мерах по локализации и ликвидации разлива топлива и о площади загрязнения, о причинах аварии в целом (публикации от 2-5 июня 2020 года); единожды были отмечены: организация проверок нефтехранилищ (публикация от 5 июня 2020 года) и отправка дополнительных сил для ликвидации ЧС (публикация от 4 июня 2020 года).

Не ограничиваясь контент-анализом медиа-пространства были проанализированы официальные сайты органов власти Красноярского края и г. Норильск за период с 29 мая по 29 июня 2020 года.

Согласно полученным результатам, в течение месяца после разлива дизельного топлива в г. Норильске публикацией новостей наиболее активно занимались администрация г. Норильска и прокуратура Красноярского края 16 и 15 соответственно за выбранный период. Причем, если в первом случае освещались нанесенный ущерб и этапы ликвидаций катастрофы, то во втором случае – преимущественно освещались различные проверки по факту разлива нефти. Примечательно, что на официальном сайте МЧС по Красноярскому краю в течение месяца после разлива нефти было опубликовано лишь три новостных материала, посвященных благодарности аварийно-спасательным

подразделениям со стороны высокопоставленных лиц. На сайте ПАО «ГМК «Норильский никель» было опубликовано 4 новостных материала, посвященных предпринимаемым самой организацией усилий по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации.

Разлив дизельного топлива в г. Норильске, произошедший 29 мая 2020 года и вошедший в историю как экологическая катастрофа федерального масштаба, оставил след также в социальных сетях.

Данный пример обладает высокой исследовательской ценностью так как произошедшая катастрофа оставалась в первые дни вне медийного освещения. Активность пользователей на тему разлива топлива оказалась высокой: с 1 по 30 июня 2020 года количество сообщений в социальных сетях превысило 10 тыс. Доля комментариев, содержащих упоминания российских органов власти, составила 7%. Среди таких комментариев, в первую очередь, присутствовали предположения о коррумпирующей составляющей этого дела (включая nepoтизм) и об отсутствии веры в то, что власть накажет российского предпринимателя В. Потанина (20% сообщений от всех содержащих упоминания российских органов власти за период с 1 июня по 30 июня 2020 г.).

Пользователи выражали осуждение двухдневному сокрытию данных о катастрофе (17% сообщений от всех содержащих упоминания российских органов власти за период с 1 июня по 30 июня 2020 г.), о чем свидетельствуют данные на рисунке 2.10.

11% сообщений содержали критику нежелания властей брать на себя ответственность/перекладывание ответственности, и такой же объем сообщений носили информационный характер о действиях властей/о произошедшем без выраженной эмоциональной окраски. Публикации, содержащие веру в силу власти, - самые малочисленные (3% сообщений от всех содержащих упоминания российских органов власти за период с 1 июня по 30 июня 2020 г.).

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.10 – Тематика постов и комментариев пользователей в социальном сетевом пространстве на тему разлива дизельного топлива в г. Норильске (с 1 июня по 30 июня 2020 г.)

Таким образом, на примере экологической катастрофы реакция пользователей социальных сетей на деятельность органов власти содержала довольно много критики в адрес Президента Российской Федерации из-за отсутствия веры в то, что наказание будет применено к участникам случившегося. Более того, сокрытие информации о разливе топлива также стала обсуждаемой темой среди российских пользователей.

С точки зрения экономики, такая экологическая катастрофа привела к снижению стоимости акций компании «ГМК Норильский никель», негативно сказалась на имидже компании в целом, а также в долгосрочной перспективе привела к усилению контроля за природоохранной деятельностью со стороны государства и увеличила социальную напряженность в регионе, что

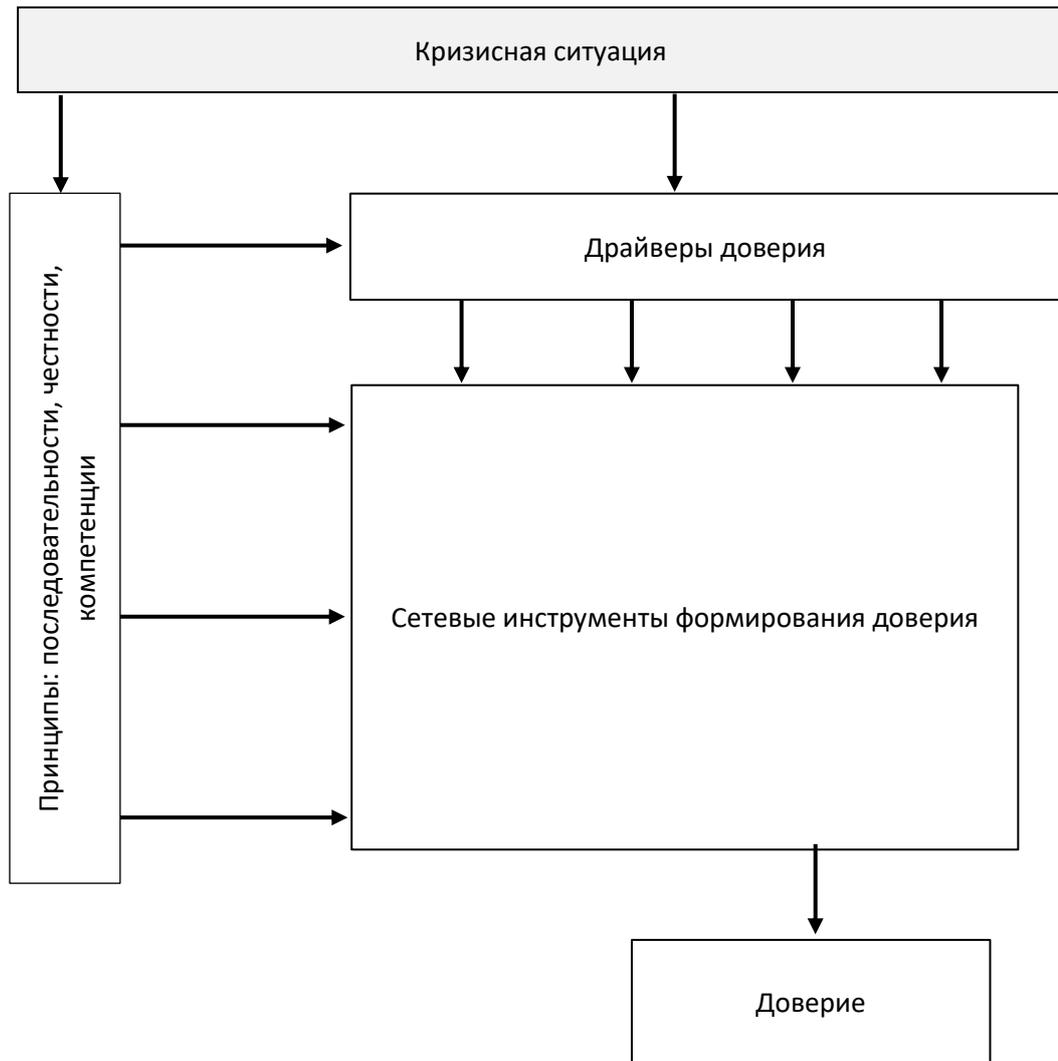
отразилось и на инвестиционной активности компании, поставив под угрозу в том числе выплаты дивидендов и налоговые поступления в бюджет региона.

Согласно проведенному анализу материалов исследования и мнений экспертов, использование сетевых инструментов как каналов эффективной коммуникации и для снижения влияния социальной напряженности на социально-экономическое развитие региона и при кризисных ситуациях, имеют свои особенности.

Доверие к органам власти всех уровней, является одним из факторов, влияющих на социальную напряженность, применимых для ее регулирования и снижения вреда, наносимого социально-экономическому развитию региона. В эпоху цифрового доверия, которое должно быть снижено социальную напряженность, происходят трансформации, мешающие интеграции указанной парадигмы, из-за чего происходит рост социальной напряженности. Важность доверия и его связь с социальной напряженностью более подробно рассматривается в отдельной статье автора [118; 122]. Принципы последовательности, честности, компетенции, напрямую соотносятся с практикой применения сетевых инструментов для работы органов власти в условиях кризисных явлений. Недостаточное использование этих принципов в реализации целевых воздействий через сетевые инструменты формирования доверия, способно привести к неуправляемой реакции общества и росту недоверия не только к усилиям власти по урегулированию критической ситуации, но и иным действиям власти, не связанных с кризисной ситуацией. В то время как максимизация усилий по выстраиванию действий в кризисных ситуациях с использованием приведенных ранее принципов, способно привести к уменьшению выраженности недовольства со стороны целевых аудиторий (населения), упорядочиванию работы органов власти и будет способствовать превентивному уменьшению негативного эффекта от последствий кризисной ситуации, с постепенным увеличением уровня доверия действиям властей [118; 122].

Сетевые инструменты формирования доверия, по сути являются одним из механизмов передачи информации между социальными группами и индивидами, которые институты власти должны использовать для передачи информации от себя (органов власти) к населению. Бесконтрольная передача информации посредством сетевых инструментов, может быть видоизменена участниками процесса коммуникации, что ведет непрогнозируемому результату – как к росту, так и уменьшению уровня доверия и социальной напряженности. Повышение эффективности коммуникации, с практической точки зрения, прямо связано с организацией работы по взаимодействию с населением через сетевые инструменты в период кризисной ситуации. Вовлечение в работу максимально большего количества факторов, влияющих на доверие и социальную напряженность, способно обеспечить синергетический эффект, направленный на повышение эффективности коммуникации, рост уровня доверия и снижение уровня социальной напряженности.

Как показывают исследования, население не однородно, и помимо стандартных социально-демографических характеристик, оно может быть разделено на узкие социальные группы, сформированные по иным признакам, например, уровню вовлеченности в проблему (активисты/противники), уровень критичности восприятия получаемой информации, приверженность отдельным сетевым инструментам, как источникам информации или как инструменту действия и т.д. Чтобы выявить такие группы для целей коммуникации в интернет пространстве, возможно использование цифровых следов. Выделение таких узких групп позволяет использовать не только традиционные механизмы доставки информации, такие как ТВ, но и адресно доставлять информацию через сетевые инструменты. При этом, рекомендуется подготавливать эту информацию с учетом запроса данной узкой целевой группы, что позволит адресно доставить нужную информацию индивидам, накопившиеся вопросы, увеличить уровень доверия и снизить уровень социальной напряженности в целевых группах.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.11 – Сетевое пространство формирования доверия

Подготовка информации, которую ожидает население и целевые группы, возможно проводить на основе анализа кризисной ситуации с использованием как традиционных, так и современных методов исследования общественного мнения, таких как опросы, экспертные интервью, медиа-анализ СМИ, социальных сетей и содержания иных сетевых инструментов, доступных для анализа. Рекомендуется использование мониторинга через специальные программные продукты, что значительно повышает оперативность анализа данных и его качество. Социальными институтами, обладающими необходимыми производственными мощностями для такого анализа, могут быть крупные исследовательские организации, а также

ведущие научные учреждения, вузы, имеющие специализированные социологические подразделения, департаменты и кафедры. Вовлечение различных социальных институтов и использование широкого спектра методов, позволяет получить синергетический эффект, который отразится на выработке стратегии и тактике действий органов власти в кризисной ситуации, качестве подготовки информационных материалов и, как результат, уменьшит негативное влияние кризисной ситуации и будет способствовать росту и укреплению уровня доверия. В подготавливаемой информации учитываются все особенности, присущие отдельным сетевым инструментам и сетевым сообществам.

Таким образом, системно сетевое пространство формирования доверия к деятельности власти и снижения уровня социальной напряженности в кризисных ситуациях можно представить в виде блок-схемы в рисунке 2.11.

Исходя из проведенного ранее анализа, можно сделать следующие обобщения:

1) Результаты анализа данных СМИ и социальных сетей показывают, что рост социальной напряженности в кризисной ситуации сопровождается снижением уровня доверия к государственным институтам и лидерам общественного мнения, не только вовлеченным в ситуацию, но и тем, от кого население ожидает действий по ее разрешению. Особенно это заметно на первых этапах развития ситуации, когда в СМИ и социальных медиа преобладает информации о кризисной ситуации, но не о принятых мерах, эффективности работы власти по ее разрешению. В отдельных случаях снижение уровня доверия к органам власти может быть прямо пропорционален времени действия власти для разрешения кризисной ситуации, в связи с чем стратегия «умалчивания» и задержка в размещении информации, приводит к снижению уровня доверия.

2) Степень вовлечения населения в использование тех или иных сетевых инструментов зависит от социально-демографических характеристик населения, их интересов (характеризуется через сетевые сообщества, в

которых состоят индивиды), а также психологических особенностей индивидов. Например, доверие в молодежной среде и части населения среднего возраста, в большей степени формируется через сетевые инструменты, чем у старшего поколения. Кроме этого, активное использование акторами сетевых инструментов позволяет переключить внимание населения с негативных последствий кризисной ситуации на действия власти по ее разрешению для запуска позитивной динамики уровня доверия.

3) Результаты анализа кризисной ситуации свидетельствуют, что сформированное в те периоды сетевое пространство характеризуется следующим образом: 30%-40% сообщений имели положительную тональность, 45%-50% - нейтральную, 11% - негативную. При этом, критические оценки и суждения в большей степени относились к деятельности региональных и в меньшей степени к деятельности федеральных органов власти.

4) На примере данной кризисной ситуации показано, как высоко влияние сетевых инструментов при влиянии социальной напряженности. Отсутствие у органов власти умения пользоваться такими сетевыми инструментами ведет к росту социальной напряженности и усилению ее влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе.

5) Включение широких слоев населения в самые часто используемые сетевые инструменты открывает возможность по целенаправленному управлению социальной напряженностью, в том числе через управление доверием к органам власти и их представителям при условии соблюдения основополагающих принципов формирования доверия при создании стратегии реагирования на кризисные ситуации и при учете медиакомпетентности населения.

Выводы по второй главе

На примере данных социологических опросов жителей города Красноярск, проведенных в 2010-2021 гг., и экспертных интервью,

2021 - 2022 гг., проведена апробация предложенной концептуальной модели социальной напряженности, методики ее анализа и прогнозирования, что позволило сделать следующие выводы и заключения:

1) В соответствии с концептуальной моделью, выявлены факторы социальной напряженности, действующие в исследуемый период и проведен их анализ в зависимости от отношения к индивиду, обществу и масштабу влияния. Проведен анализ зависимости факторов от ключевых социально-политических событий, возникновения напряжений. Выдвинуто предположение, что наиболее часто встречающиеся факторы, в том числе относящиеся к полю экономики, в основном определяют «фоновый уровень» социальной напряженности, за счет конформистского отношения со стороны населения. Анализируя влияние факторов социальной напряженности, стоит особо отметить необходимость уделять особое внимание не только положению факторов рейтинге, но и их характеристикам согласно классификации и динамике изменения, это позволит более точно определять воздействие факторов на социальную реальность и увеличивать точность прогнозирования динамики социальной напряженности, а также своевременно принимать решения по снижению уровня напряженности в обществе.

2) Проведен анализ показателей социальной напряженности, описывающих различные стороны социального самочувствия респондентов и включенных в расчет общего индекса социальной напряженности. Анализ динамики значений показателей и индикаторов, вычисленных на основе показателей, свидетельствует о высокой чувствительности показателей к изменению социально-экономической и социально-политической обстановки.

3) Определено формирование «конформистской» позиции населения по отношению к негативным изменениям в жизни населения, несмотря на снижение уровня жизни.

4) Анализ протестного потенциала, показывает наличие 18-20% населения, готовых участвовать в акциях протеста, что составляет протестное ядро общества.

5) Проведен расчет общего индекса социальной напряженности, значения которого за исследуемый период изменялись в диапазоне от 22,1 единиц (март 2013 г.) до 36,8 единиц (ноябрь 2014 г.).

6) Проведена оценка прогнозных возможностей модели социальной напряженности. Сравнение прогнозов, выполненных разными методами экстраполяции (метод скользящих средних, метод экспоненциального сглаживания, метод наименьших квадратов), показывает, что наименьшая средняя относительная ошибка зафиксирована для метода расчета скользящей средней (7,8%). Соответственно, прогноз значений $I_{СН}$, выполненный с использованием этого метода, будет наиболее точным при сохранении влияния факторов на социальную напряженность в обществе.

7) Предложенная модель признана валидной и надежной при оценке социальной напряженности, взаимосвязи между показателями и расчета прогнозных значений индикатора $I_{СН}$.

8) Выработаны организационно-методические рекомендации для органов власти, в основе которых результаты апробации концептуальной модели, методики анализа уровня социальной напряженности, а также мнения экспертов.

9) Сетевые инструменты могут использоваться для увеличения уровня доверия органам власти и снижения уровня социальной напряженности в кризисной ситуации в регионе, что в свою очередь повысит инвестиционную привлекательность региона.

Заключение

Путем проведения исследования был проанализирован уровень социальной напряженности, изучены механизмы ее формирования, основные факторы, вызывающие это явление, и определены взаимосвязи. Социальная напряженность начинается с появления индивидуальной тревожности, которая с трансформацией в общественную тревожность постепенно охватывает широкие слои населения и далее становится социальной напряженностью. Объективизация факторов тревожности ведет к социальной напряженности, активным протестным действиям и социальным конфликтам [121].

Рассмотрены методы анализа социальной напряженности и установлено, что в настоящее время существует широкий набор методов, позволяющий по отдельности измерять социальную напряженность на конкретных уровнях общества. При этом, подавляющее большинство методов не дает возможности проследить развитие этих процессов в целом и в динамике, в том числе имеющиеся метод не дают возможности учитывать трансформацию социальной напряженности при переходе между уровнями организации общества. Отдельно проведена оценка социологических, социопсихологических и психологических методов измерения социальной напряженности, позволившая выявить их преимущества и недостатки.

В рамках диссертационной работы разработана концептуальная модель социальной напряженности, а также предложена модель измерения, которая включает в себя группу показателей и индикаторов социальной напряженности, общий интегральный индикатор, позволяющий комплексно оценить текущее состояние социальной напряженности в обществе.

Проведена оценка факторов социальной напряженности через анализ проблем и тревог, которые беспокоят население. Для этого использован ограниченный список проблем, присущий исследуемой территории, что дало

возможность сформировать концептуальную схему, облегчающую проведение их классификации и оценку каждого фактора.

Рассмотрены возможности прогнозирования и регулирования социальной напряженности в условиях мегаполиса на основании разработанной модели. Однако прогнозные возможности модели в определенной мере ограничены, в связи с вероятностью появления труднопрогнозируемых факторов и поэтому точный прогноз возможен только на краткосрочную перспективу. Для подготовки прогноза изменения уровня социальной напряженности использованы методы экстраполяции, которые основываются на предположении, что тенденции и закономерности прошлого и настоящего оказывают сходное влияние на развитие социального явления или процесса.

Сравнение прогнозов, выполненных разными методами, показывает, что наименьшая средняя относительная ошибка зафиксирована для метода расчета скользящей средней (7,8%). Соответственно, прогноз значений I_{CH} , выполненный с использованием этого метода, будет наиболее точным при сохранении влияния факторов на социальную напряженность в обществе.

Апробация методики позволяет выработать организационно-методические рекомендации для органов власти:

- 1) ежегодный мониторинг показателей исследовательской модели социальной напряженности согласно исследовательской модели социальной напряженности;
- 2) регулярная аналитическая работа для уточнения перечня факторов социальной напряженности с использованием исследований методами анкетного опроса, фокусированных групповых интервью и экспертных опросов;
- 3) прогнозирование изменений значений I_{CH} должно производиться с использованием нескольких методов расчета и выбором оптимального прогноза с учетом наименьшей средней ошибки;

4) расчет прогнозных значений I_{CH} с упреждением до полугода в связи с изменением влияния дестабилизирующих факторов на уровень социальной напряженности;

5) увеличение частоты мониторинговых исследований в периоды сильной социально-политической нестабильности для своевременного выявления усиления социальной напряженности и принятия мер по ее снижению;

6) использование сетевых инструментов способно увеличить уровень доверия органам власти и снизить уровень социальной напряженности в регионе.

Список литературы

1. Achenbach, T.M. Manual for the Child Behavior Checklist / 4–18 and 1991 Profile / T.M. Achenbach – Burlington : Vermont, 1991. – 288 p. – ISBN 0938565087.
2. Al-Smadi, A.M. Anxiety, Stress, and Quality of Life Among Iraqi Refugees in Jordan: A cross sectional survey / A.M. Al-Smadi, L.I. Tawalbeh, O.S. Gammoh [et al.] // Nurs Health Sci. – 2017. – Volume 1. – P. 100-104. – ISBN 978-0768940879.
3. Anheier, H.K. Conflicts and Tensions / H.K. Anheier, R.I. Yudhishtir // The Cultures and Globalization Series 1. – London : SAGE Publications Ltd., 2007. – 639 p. – ISBN 9781446214671.
4. Bartholomew, R.E. Mass Delusions and Hysterias: Highlights from the Past Millennium / R.E. Bartholomew, E. Goode // Sceptical Inquirer. – 2000. Текст : электронный. – URL: http://www.csicop.org/si/archive/category/volume_24.3 (дата обращения: 26.05.2020).
5. Brown-Saracino, J. Concentrated Affluence and Poverty: Explicating Divided Approaches to Gentrification and Growing Income Inequality / J. Brown-Saracino // Annual Review of Sociology. – 2017. – № 1. Volume 43. – P. 20-28. – ISBN 978-0824322274.
6. Burnapa, P. Detecting Tension in Online Communities with Computational Twitter Analysis / P. Burnapa, O.F. Ranaa, N. Avisa [et al.] // Technological Forecasting and Social Change. – Volume 95. – 2015. – P. 96-108. – ISSN 0040-1625. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162513000899> (дата обращения: 05.10.2019).
7. Das, M.R. A Study To Assess The Prevalence of Anxiety Among Female Health Care Professionals in Selected Institutions / M.R. Das, L.C.M. Chacko // International Journal of Scientific Research. – 2017. – № 10. – Volume 5. – ISSN 2277-8179.

8. David, M. *Social Research: An Introduction* / C. Sutton, M. David // SAGE Publications. – 2011. – p. 680. – ISBN 1847870139.
9. Dohrenmend, B. *Stressful Life Events and their Context* / B. Dohrenmend // Rutgers University Press. – 1992. – P. 286. – ISBN 081351004X.
10. Douglas, M. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers* / M. Douglas, A. Wildavsky // – University of California Press : Berkeley. – 1982. – P. 224. – ISBN 9780520907393.
11. Elhai, J.D. *Cross-Cultural and Gender Associations with Anxiety About Electronic Data Hacking* / J.D. Elhai, S. Chai, A. Amialchuk [et al.] // *Computers in Human Behavior*. – 2017. – Volume 70. – P. 161-167. – ISSN 1873-7692.
12. Frager, R. *Personality & Personal Growth* / R. Frager, J. Fadiman // Prentice Hall. – 2002. – 584 p. – ISBN 0130409618.
13. Giddens, A. *The Third way: The Renewal of Social Democracy* / A. Giddens // Cambridge : Polity press. – 1998. – 166 p. – ISBN 9780745622675.
14. Habermas, J. *The Theory of Communicative Action* / J. Habermas // McCarthy T. (ed.). – Boston : Beacon Press. – 1987. – Volume 2. – 464 p. – ISBN 9780807014011.
15. Himes, J.S. *Conflict and Conflict Management* / J.S. Himes // Athens : University of Georgia Press. – 1980. – 333 p. – ISBN 978-0820332703.
16. Hopp, T. *Does Negative Campaign Advertising Stimulate Uncivil Communication on Social Media? Measuring Audience Response Using Big Data* / T. Hopp, C.J. Vargo // *Computers in Human Behavior*. – 2017. – Volume 68. – P. 368-377. – ISSN 1873-7692.
17. Hothersall, D. *History of Psychology* / D. Hothersall // New York : McGraw-Hill Inc. – 1995. – 610 p. – ISBN 978-1108477727.
18. Ihab, Z. *Exploration of the Psychometric Characteristics of the Liebowitz social Anxiety Scale in a Spanish Adolescent Sample* / Z. Ihab, J.M. Salinas, J.C. Sierra // *Wiley-Liss Inc. – Depression and Anxiety*. – 2007. – P. 1–11. – ISSN 1520-6394.

19. Jingjing, Y. Social Conflict in Communities Impacted by Tourism / Y. Jingjing, C. Ryan, L. Zhang // *Tourism Management*. – 2013. – Volume 35. – P. 82-93. – ISSN 1879-3193.

20. Kotov, D.A. New Opportunities for Regional Development: From Social Tension to Social Cooperation = Новые возможности развития региона: из социальной напряженности в социальное сотрудничество / D.A. Kotov, N.D. Vavilina // *Regional Research of Russia*. – 2017. – № 2. Volume 7. – P. 162-168. – ISSN 2079-9713. – Текст : электронный. – DOI 10.1134/S2079970517020101. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S2079970517020101> (дата обращения: 17.01.2024).

21. Kurebayashi, S.F.L. Correlations Between Stress and Anxiety Levels in Nursing Students / S.F.L. Kurebayashi, J. Miyuki do Prado, J.M. Paes da Silva // *Journal of Nursing Education and Practice*. – 2012. – Volume 2 (3). – P. 128-134. – ISSN 1925-4059.

22. Lahtinen, H. Gradient Constraint in Voting: The Effect of Intra-generational Social Class and Income Mobility on Turnout / H. Lahtinen, H. Wass, H. Hiilamo // *Electoral Studies*. – 2017. – Volume 45. – P. 14-23. – ISSN 0261-3794.

23. Lee, Y. Measuring Social Tension from Income Class Segregation / Y. Lee, D. Shin // *Journal of Business Economic Statistics*. – 2013. – p. 1. – Текст : электронный. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0750015> (дата обращения: 05.04.2019).

24. Linsky, A.S. Stress, Culture, and Aggression / A.S. Linsky, R. Bachman, M.A. Straus // Yale University Press. – California. – 1995. – 208 p. – ISBN 978-0300102093.

25. Moscovitch, D.A. Retrieval Properties of Negative vs. Positive Mental Images and Autobiographical Memories in Social Anxiety: Outcomes with a New Measure / D.A. Moscovitch, D.L. Gavric, C. Merrifield [et al.] // *Behaviour*

Research and Therapy. – Volume 49. – Issue 8. – 2011. – P. 505-517. – ISSN 0005-7967.

26. Özkan, D. High Anxiety: Migration, Identity and Media in Crisis in Late Modern Period / D. Özkan // International Journal of Contemporary Economics and Administrative Sciences. – 2017. – Volume 6 – P. 31-59. – ISSN 1925-4423.

27. Parsons, T. The Structure of Social Action / T. Parsons // New York : Arno Press. – 1937. – 775 p. – ISBN 978-0029242407.

28. Pile, V. Young People with Higher Social Anxiety are Less Likely to Adopt the Perspective of Another: Data from the Director Task / V. Pile S.P.W. Haller, C.F. Hiu [et al.] // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. – 2017. – Volume 55. – P. 41-48. – ISSN 0005-7916.

29. Smelser, N. Theory of Collective Behavior / N. Smelser // Los Angeles : Free Press. – 1962. – 436 p. – ISBN 9789681629557.

30. Somma, N.M. Discontent, Collective Protest, and Social Movements in Chile / N.M. Somma // Malaise in Representation in Latin American Countries. – New York : Palgrave Macmillan US, 2017. – 343 p. – ISBN 978-1-137-59987-2.

31. Spielberger, C.D. Manual of the State-Trait Anxiety Inventory, (Form Y) / C.D. Spielberger // Palo Alto : Consulting Psychologists Press Inc. – 1983. – P. 6261–6264. – ISBN 978-94-007-0752-8.

32. Ungar, Sh. Moral Panic Versus the Risk Society: The Implications of the Changing Sites of Social Anxiety / Sh. Ungar // British Journal of Sociology. – London. – 2001. – Volume 52. Issue 2. – P. 271-291. – ISSN 1468-4446.

33. Wessa, P. Free Statistics Software of Office for Research Development and Education / P. Wessa // Текст : электронный. – URL: <https://www.wessa.net/> (дата обращения: 05.10.2019).

34. Whorton, J.W. Summative Scales for Measuring Community Satisfaction / J.W. Whorton, A.B. Moor // Social Indicators Research. – 1984. – Volume 15. Issue 3. – P. 297–307. – ISSN 1573-0921.

35. Williams, M. Policing Cyberneighbourhoods: Tension Monitoring and Social Media Networks / M. Williams, A. Edwards, W. Housley [et al.] // Policing

& Society. – 2013. – Volume 23. Issue 4. – P. 461-481. – ISSN 1477-2728. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10439463.2013.780225> (дата обращения: 04.07.2020).

36. Аболин, Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л.М. Аболин. – Казань : Издательство Казанского университета, 1987. – 262 с. – ISBN отсутствует.

37. Александрова, Е.В. Социально-трудовые конфликты: пути разрешения / Е.В. Александрова. – Москва : ПМБ РАН, 1993. – 137 с. – ISBN отсутствует.

38. Александрова, И. Воспроизводство населения и социальная напряженность / И. Александрова // Власть. – 2009. – № 3. – С. 57–61. – ISSN 2071-5358.

39. Андреев, В.О. Метакибернетика, общая теория развивающихся ноуменально-феноменальных систем и социальные науки. Статья 1. Метакибернетика как результат эволюции представлений о человеке, природе, социальных системах и космосе / В.О. Андреев, Г.Я. Узилевский // Среднерусский Вестник общественных наук. – 2007. – № 2. – С. 7-15. – ISSN 2071-2367.

40. Антонян, Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – Москва : Юристъ, 1996. – 336 с. – ISBN 9785735701200.

41. Артеев, А.В. Социальная напряженность: региональный опыт измерения / А.В. Артеев, В.Б. Житенев // Информационно-аналитический вестник Уральской академии государственной службы «Чиновник». – 2000. – Выпуск 300 (9). – С. 21-33. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: <http://chinovnik.uara.ru> (дата обращения: 12.05.2017).

42. Астапов, В. Профессиональные страхи учителей / В. Астапов, Е. Петер, О. Маслов [и др.] // Народное образование. – 2000. – № 1. – С. 128-137. – ISSN 0130-6928.

43. Баранова, Г.В. Модель оценки и краткосрочного прогнозирования социально-экономического положения регионов / Г.В. Баранова : материалы

IV Всероссийской научной конференции «Проблемы совершенствования и развития специальной связи и информации, предоставляемых государственным органам». Том 2. – Орел : Академия ФСО России, 2005. – С. 269-270. – ISBN отсутствует.

44. Баранова, Г.В. Прогнозирование социальной напряженности с целью регулирования протестной активности населения / Г.В. Баранова : материалы научно-практической конференции «Проблемы информационного обеспечения принятия управленческих решений». – Орел : Академия ФСО России, 2005. – С. 68-69. – ISBN отсутствует.

45. Баранова, Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации : специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Баранова Галина Васильевна ; Государственный гуманитарный университет (РГГУ). – Москва, 2009. – 150 с. – Библиогр.: с. 140-150.

46. Баранова, Г.В. Человек, социальная напряженность и государство / Г.В. Баранова // Человек и государство в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты : монография ; под редакцией А.А. Мерцалова, Г.Я. Узелевского. – Орел : ОРАГС, 2008. – С. 131–144. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

47. Баранова, Г.В. Использование метода многомерного корреляционно-регрессионного анализа в информационных системах, создаваемых в интересах органов государственной власти / Г.В. Баранова : материалы научно-технической конференции «Информационные технологии в науке, образовании и производстве». Том 2. – Орел : ГТУ, 2004. – С. 43-47. – ISBN отсутствует.

48. Баринов, Д.Н. Региональная специфика социальной тревожности / Д.Н. Баринов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – Выпуск 8. – С. 165-169. – ISSN 1994-2796.

49. Баринов, Д.Н. Социальная тревожность: аксиологический аспект / Д.Н. Баринов // Философия ценностей : религия, право, мораль в современной России : материалы IV Международной научной конференции. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2008. – С. 100–101. – ISBN отсутствует.

50. Баринов, Д.Н. Динамика социальной тревожности в современном российском обществе / Д.Н. Баринов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 2. – С. 163-174. – ISSN 2073-6401.

51. Баринов, Д.Н. Реклама и PR как средства формирования социальной тревожности / Д.Н. Баринов // Научно информационный межвузовский журнал Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – № 5-6. – С. 160-162. – ISSN 2072-2354.

52. Баринов, Д.Н. Социоструктурные источники тревожности / Д.Н. Баринов // Вестник ТГУ. – 2008. – Выпуск 10 (66). – С. 147-150. – ISSN 1810-0201.

53. Баринов, Д.Н. Страхи и тревоги в современной России: социальное самочувствие россиян в условиях кризиса / Д.Н. Баринов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 33 (171). – Выпуск 14. – С. 74-78. – ISSN 1994-2796.

54. Барклянский, Ю.А. Социальная напряженность на производстве: действующие силы конфликта / Ю.А. Барклянский, И.А. Гулин : материалы вторых Обнинских чтений. – Калуга : Калужский институт социологии, 1991. – С. 35. – ISBN отсутствует.

55. Безденежных, Т.И. Социально-экономическое развитие регионов России: проблемы и пути решения / Т.И. Безденежных, М.М. Макенов // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 3 (438). – ISSN 2311-8733. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-regionov-rossii-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 12.04.2023).

56. Бек, К. Общество риска. На пути к другому модерну / К. Бек. – Москва : ПрогрессТрадиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5.

57. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Ленинград : Наука, 1988. – 270 с. – ISBN 5-02-025742-7.

58. Березин, Ф.Б. Тревога и адаптационные механизмы / Ф.Б. Березин // Тревога и тревожность : хрестоматия ; под редакцией В.М. Астапова. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – С. 134-142. – ISBN 978-5-9292-0174-5.

59. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль : Тексты. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 40 с. – ISBN 978-5-94865-955-8.

60. Большие данные в социальных и гуманитарных науках / Сборник обзоров и рефератов. – РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ; ответственный редактор – Е.Г. Гребенщикова. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – 193 с. – ISBN 978-5-248-00912-1.

61. Большой толковый социологический словарь. – Текст : электронный. – URL: http://mirslovarei.com/soc_a (дата обращения: 05.10.2019).

62. Бородкин, Ф.М. Социальная напряженность и агрессия / Ф.М. Бородкин // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 107-150. – ISSN 1811-038X.

63. Бороздина, Л.В., Увеличение индекса тревожности при расхождении уровней самооценки и притязаний / Л.В. Бороздина, Л.А. Залученова // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 104-113. – ISSN 0042-8841.

64. Бочаров, А.В. Взаимодействие агрессивности и тревожности: связь с приспособленностью и осцилляторными ответами на социально значимые стимулы : специальность 19.00.02 «Психофизиология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук /

Бочаров Андрей Викторович ; Научно-исследовательский институт физиологии СО РАМН. – Новосибирск, 2009. – 119 с. – Библиогр.: с. 112-119.

65. Бочаров, А.В. Взаимодействие агрессивности и тревожности: связь с приспособленностью и осцилляторными ответами на социально значимые стимулы : специальность 19.00.02 «Психофизиология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Бочаров Андрей Викторович ; Научно-исследовательский институт физиологии СО РАМН. – Новосибирск, 2009. – 25 с. – Библиогр.: с. 25-26. – Место защиты: Научно-исследовательский институт физиологии СО РАМН.

66. Бузовский, И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов / И. Бузовский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 3. – С. 169-176. – ISSN 2071-0968.

67. Булатова, Т.А. Социальная тревожность в контексте психологических защит / Т.А. Булатова, Е.И. Черных // Вестник ТГПУ. – 2010. – Выпуск 2 (92). – С. 107-112. – ISSN 1609-624X.

68. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – Москва : Институт экспериментальной социологии, 2005. – 288 с. – ISBN 978-5-91419-902-6.

69. Быковский, В.А. Социальная напряженность на муниципальном уровне: методика оценки работы администрации / В.А. Быковский // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 22. – ISSN 0132-1625.

70. Вакан, Л. Социология образования П. Бурдые / Л. Вакан // Социологические исследования. – 2007. – № 6. – С. 93-101. – ISSN 0132-1625.

71. Викулова, С.К. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: проблемы регулирования социальной напряженности : специальность 22.00.01 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Викулова Светлана

Константиновна ; Московский гуманитарный университет. – Москва, 2010. – 16 с. – Библиогр.: с. 16. – Место защиты: Московский гуманитарный университет.

72. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – Москва : МГУ, 1976. – 171 с. – ISBN отсутствует.

73. Витковская, М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования : специальность 22.00.01 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Витковская Мария Ивановна ; РУДН. – Москва, 2006. – 23 с. – Библиогр.: с. 21. – Место защиты: РУДН.

74. Вишневская, А.В. Курс лекций «Конфликтология» / А.В. Вишневская. – Москва : РУДН, 2003. – ISBN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: https://www.studmed.ru/view/vishnevskaya-av-konfliktologiya-kurs-lekciy_b792f5ccd82.html (дата обращения: 06.10.2019).

75. Внукова, Л.Б. Факторы социально-политической напряженности в регионах / Л.Б. Внукова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2011. – № 1 (05). – ISSN 2077-1770. – Текст : электронный.– URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/4/vnukova.pdf> (дата обращения: 05.06.2015).

76. Воробьева, А.Э. Анализ инвестиционной деятельности в Российской Федерации и Красноярском крае / А.Э. Воробьева, О.С. Голощапова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 5 (36). – Часть 3. – С. 22-27. – ISSN 2303-9868.

77. Воронина, Н.Д. Социальная напряженность: концептуальная схема / Н.Д. Воронина // Социологические методы в современной исследовательской практике : сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского ; редактор О.А. Оберемко. – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – С. 22-28. – ISBN 978-5-904804-03-9.

78. Вятр, Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. – Москва : Прогресс, 1979. – 456 с. – ISBN отсутствует.

79. Гормин, А.С. Факторы формирования тревоги у подростков в инновационном учебном заведении : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Гормин Аркадий Семенович ; Новгородский государственный университет. – Новгород, 1997. – 170 с. – Библиогр.: с. 163-169.

80. Готлиб, А.С. Опыт диагностики социальной напряженности в производственном коллективе / А.С. Готлиб // Социологические методы управленческого консультирования : материалы Всесоюзной конференции. – Тольятти : ТГУ, 1990. – С. 70–75. – ISBN отсутствует.

81. Гребенюк, А.А. Исследование социальной напряженности на основе больших данных электронных социальных сетей / А.А. Гребенюк, А.С. Максимова, Л.Г. Лэмер // Цифровая социология. – 2021. – № 4. – ISSN 2658-347X. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnoy-napryazhennosti-na-osnove-bolshih-dannyh-elektronnyh-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 10.02.2023).

82. Гредюшко, О.П. Социально-психологические факторы тревожности студентов ССУЗ педагогического профиля : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Гредюшко Ольга Павловна ; Институт среднего профессионального образования Российской академии образования. – Казань, 2004. – 161 с. – Библиогр.: с. 153-161.

83. Гришина, Н.В. Психология межличностного конфликта : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Гришина Наталья Владимировна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1995. – 361 с. – Библиогр.: с. 319-361.

84. Губина, Н.В. Социальная напряженность в монопрофильном городе: опыт социологического исследования : монография / Н.В. Губина. – Казань : НХТИ, 2007. – 176 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-901702-37-6.

85. Губина, Н.В. Социальная напряженность в трудовом коллективе // / Н.В. Губина // Социологические исследования. – 1998. – № 11. С. 17-25. – ISSN 0132-1625.

86. Губина, Н.В. Управление социальным тонусом монопрофильного города : специальность 22.00.08 «Социальная управления» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Губина Наталья Викторовна ; Казанский государственный технический университет. – Казань, 2010. – 476 с. – Библиогр.: с. 352-476.

87. Губина, Н.В. Экспресс-метод определения состояний социальной напряженности в организации / Н.В. Губина // Вестник Казанского технологического университета. Специальный выпуск. Труды социально-экономического факультета: исследования и приоритеты в науке и образовании. – Казань : КГТУ, 2000. – С. 363. – ISBN отсутствует.

88. Гудков, Л. Страх как рамка понимания происходящего / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 6 (44). – С. 46-53. – ISSN 1815-8617.

89. Давыдов, А.А. Индекс социального неблагополучия / А.А. Давыдов // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 118–128. – ISSN 0132-1625.

90. Давыдова, Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи / Е.В. Давыдова. – Москва : ИС РАН, 1992. – С. 91-99. – 180 с. – ISBN отсутствует.

91. Данакин, Н.С. Конфликты и технология их предупреждения / Н.С. Данакин, Л.Я. Дятченко, В.И. Сперанский. – Белгород : БЦСТ, 1995. – 315 с. – ISBN отсутствует.

92. Девятко, И.Ф. Методы социологического исследования / И.Ф. Девятко. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1998. – 296 с. – ISBN 5-7525-0611-5.
93. Дробот, Г.А. Куинси Райт о конфликтах и стабильности в международных отношениях / Г.А. Дробот // Социально-политические науки. – 1991. – № 7. – С. 85-86. – ISSN 2223-0092.
94. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1996. – 432 с. – ISBN 9785020133990.
95. Жоль, К.К. Социология : учебное пособие / К.К. Жоль. – Москва : Юнити Дана, 2004. – 433 с. – ISBN 978-5-238-00665-9.
96. Журавлев, И.М. Снижение социальной напряженности как фактор эффективного управления персоналом организации : специальность 22.00.08 «Социальная управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Журавлев Иван Михайлович ; Московский государственный технологический университет «Станкин». – Москва, 2010. – 193 с. – Библиогр.: с. 172-185.
97. Зайцев, А.К. Социальный конфликт / А.К. Зайцев. – Москва : Academia, 2001. – 463 с. – ISBN 5-87444-133-6.
98. Захаров, А.И. Дневные и ночные страхи у детей / А.И. Захаров. – Санкт-Петербург : СОЮЗ, 2000. – 448 с. – ISBN 5-9268-0368-3.
99. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. / А.Г. Здравомыслов. – Москва : Политиздат, 1986. – 221 с. – ISBN отсутствует.
100. Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта / А.Г. Здравомыслов. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 320 с. – ISBN отсутствует.
101. Иванова, В.А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества / В.А. Иванова, В.Н. Шубкин // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 22-28. – ISSN 0132-1625.
102. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 464 с. – ISBN 978-5-4461-9457-5.

103. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 752 с. – ISBN 5-318-00236-6.

104. Индексы социального самочувствия. – ВЦИОМ. – Текст : электронный. – URL: <http://wciom.ru/news/ratings/> (дата обращения: 05.11.2022).

105. Информация и коммуникация в стратегии социальных реформ : сборник научных статей / под общей редакцией В.Д. Попова. – Москва : Издательство РАГС, 2006. – 337 с. – ISBN отсутствует.

106. Исследование тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханин). Диагностика эмоционально-нравственного развития ; под редакцией И.Б. Дерманова. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – 176 с.– С. 124-126. – ISBN 5-9268-0103-6.

107. История социологии в Западной Европе и США : учебник для вузов ; ответственный редактор Г.В. Осипов. – Москва : Издательство НОРМА, 2001. – 576 с. – ISBN 5-89123-244-8.

108. Каира, Ю.В. Методика исследования социальной напряженности / Ю.В. Каира // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – ISSN 2071-6141. – Текст : электронный.– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-sotsialnoy-napryazhennosti> (дата обращения: 08.07.2020).

109. Калугина, З.И. Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации / З.И. Калугина // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 50-70. – ISSN 0868-5169.

110. Канетти, Э. Масса. Психология масс / Э. Канетти. – Самара : Бахрах-М, 1998. – 331 с. – ISBN 978-5-946-48087-1.

111. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. по материалам международных исследований ; под редакцией В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. – Москва : МОНФ, 1999. – 347 с. – ISBN 9785895541340.

112. Керимзаде, И.Т. Социальная напряженность как научная проблема / И.Т. Керимзаде : материалы международной научно-практической конференции «Проблема социальной напряженности». – 2010. – ISBN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: <http://sociosphera.com/files/conference/2010/k-4-06-10.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

113. Козер, Л. Функции социальных конфликтов / Л. Козер. – Москва : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с. – ISBN 5-7333-0019-1.

114. Козырев, Г.И. Политический конфликт: общее и особенное / Г.И. Козырев. – Москва : Экслибрис-Пресс, 2007. – 327 с. – ISBN отсутствует.

115. Конфликт в современной России. Проблемы анализа и регулирования ; под редакцией Е.И. Степанова. – Издание второе. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 481 с. – ISBN отсутствует.

116. Корнилова, Т.В. Подростковая группа риска / Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко, С.Д. Смирнов. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 336 с. – ISBN 978-5-534-04466-9.

117. Котов, Д.А. Новые возможности регионального развития: от социальной напряженности к социальному сотрудничеству / Д.А. Котов, Н.Д. Вавилина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 102-120. – ISSN 0868-5169.

118. Котов, Д.А. Изучение социальной напряженности в условиях трансформации парадигмы цифрового доверия / Д.А. Котов // Социально-политические науки. – 2022. – № 3. Том 12. – С. 17-22. – ISSN 2310-7065. – Текст : электронный. – DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-3-17-22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-sotsialnoy-napryazhennosti-v-usloviyah-transformatsii-paradigmy-tsifrovogo-doveriya> (дата обращения: 17.01.2024).

119. Котов, Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности / Д.А. Котов, Н.Д. Вавилина // Идеи и Идеалы. – 2018. – № 1 (35). Том 2. – С. 176-189. – ISSN 2658-350X. – Текст :

электронный. – DOI 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189. – URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/articles/regionalnie-osobennosti-protestnogo-potenciala-v-usloviyah-socialnoy-napryazhennosti> (дата обращения: 04.04.2024).

120. Котов, Д.А. Региональный потенциал протестных настроений: модель и динамика / Д.А. Котов // Идеи и идеалы. – 2016. – № 1 (27). Том 2. – С. 72-85. – ISSN 2658-350X. – Текст : электронный. – DOI 10.17212/2075-0862-2016-1.2-72-85. – URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/articles/regionalniy-potencial-protestnih-nastroeniy-model-i-dinamika> (дата обращения: 04.04.2024).

121. Котов, Д.А. Социальная напряженность «благополучного класса» / Д.А. Котов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 1 (21). – С. 211-225. – ISSN 2311-2395. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=908&article_id=1799 (дата обращения: 04.04.2024).

122. Котов, Д.А. Социальная напряженность и возможность оценки ее влияния через анализ социальных медиа / Д.А. Котов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – № 3. Том 13. – С. 32-38. – ISSN 2226-7867.

123. Котов, Д.А. Социальная напряженность как один из ключевых аспектов системы ESG принципов / Д.А. Котов // Социально-политические науки. – 2022. – № 2. Том 12. – С. 67-71. – ISSN 2310-7065. – Текст : электронный. – DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-2-67-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-kak-odin-iz-klyuchevyh-aspektov-sistemy-esg-printsipov> (дата обращения: 17.01.2024).

124. Котов, Д.А. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи / Д.А. Котов, Н.В. Грек // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3 (157). – С. 499-517. – ISSN 2219-5467. – Текст : электронный. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1628. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-reproduktivnogo-povedeniya-v-kontekste-zhiznennykh-strategiy-rossiyskoy-molodezhi>

kontekste-zhiznennyh-strategiy-rossiyskoj-molodezhi (дата обращения: 04.04.2024).

125. Кравченко, А.И. Социология девиантности / А.И. Кравченко : учебник. – ISBN 978-5-534-02557-6. – Текст : электронный. – URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>, 2004 (дата обращения: 08.07.2020).

126. Кравченко, А.И. Социология для юристов : учебное пособие для вузов / А.И. Кравченко, В.Ю. Бельский, С.И. Курганов. – Москва : Юнити-Дана, 2004. – 399 с. – ISBN 978-5-238-01681-8.

127. Крымский, С.Б. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С.Б. Крымский. – Киев : Наукова Думка, 1990. – 310 с. – ISBN отсутствует.

128. Кудрявцев, В.Н. Механизмы социальной деформации / В.Н. Кудрявцев // Вопросы философии. – 1989. – № 11. – С. 134. – ISSN 0042-8744.

129. Кузнецова, О.В. Взаимосвязь уровней тревожности и механизмов адаптации личности в период юности : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Кузнецова Оксана Владимировна ; Институт психологии РАН. – Москва, 2009. – 198 с. – Библиогр.: с. 173-188.

130. Куконков, П.И. Социальная напряженность в Нижегородской области: динамика и некоторые тенденции / П.И. Куконков, И.В. Демидова // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – Москва : ЛЕНАНД, 2005. – С. 123–138. – 662 с. – ISBN 5971000195.

131. Куконков, П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта / П.И. Куконков // Социальные конфликты. – 1995. – Выпуск 9. – С. 9-20. – ISSN отсутствует.

132. Куконков, П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы / П.И. Куконков // Вестник Нижегородского университета

им. Н.И. Лобачевского (серия социальные науки). – 2004. – № 1. – С. 183-189. – ISSN 1811-5942.

133. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : АСТ, 2021. – 384 с. – ISBN 978-5-17-101642-5.

134. Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 408 с. – ISBN 5-926800-08-0.

135. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – Санкт-Петербург : Сенсор, 2000. – 368 с. – ISBN 978-5-8291-4174-5.

136. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии / А.Н. Леонтьев. – Москва : Смысла, 2000. – 508 с. – ISBN 978-5-89357-390-9.

137. Литвак, М.Е. Избранные лекции по психотерапии / М.Е. Литвак. – Москва : Феникс, 2005. – 480 с. – ISBN 978-5-222-30792-2.

138. Личностная шкала проявлений тревоги (Дж.Тейлор, адаптация Т.А.Немчина) / Диагностика эмоционально-нравственного развития ; редактор и составитель И.Б. Дерманова. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – С. 126-128. – 174 с. – ISBN 5-9268-0103-6.

139. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социс. – 1992. – № 2. – С. 118-124. – ISSN 0132-1625.

140. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология преступности. – Москва : Прогресс, 1965. – 26 с. – ISBN отсутствует.

141. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – Москва : Академический проект, 2011. – 396 с. – ISBN 9785829112998.

142. Муханова, М.Н. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР / М.Н. Муханова // Социс. – 1991. – № 7. – С. 100-102. – ISSN 0132-1625.

143. Нагайцев, В.В. Уровень социальной напряженности и конфликтности в системе показателей социального благополучия населения региона / В.В. Нагайцев, Е.В. Пустовалова // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – С. 209-213. – ISSN 1561-9451. –

Текст : электронный. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2010/2-2/soci/TheNewsOfASU-2010-2-2-soci-06.pdf> (дата обращения: 04.06.2020).

144. Научно-методические рекомендации по вопросам диагностики социальных рисков и прогнозирования вызовов, угроз и социальных последствий. Российский государственный социальный университет. – 37 с. – Текст : электронный. – URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/b34101df-1500961348.doc> (дата обращения: 04.06.2020).

145. Национальный инвестиционный рейтинг. – Агентство стратегических инициатив. – Текст : электронный. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 10.02.2023).

146. Никитина, И.В. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 / И.В. Никитина, А.Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – № 1. Том 20.– С. 80-85. – ISSN 0869-4893.

147. Новикова, Н.В. Прогнозирование национальной экономики / Н.В. Новикова, О.Г. Поздеева : учебно-методическое пособие. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного экономического университета, 2007. – 137 с. – ISBN отсутствует.

148. Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – Москва : Прогресс, 1972. – 248 с. – ISBN отсутствует.

149. Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 496 с. – ISBN 5-88687-098-9.

150. Ольшанский, Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 384 с. – ISBN 9785318000386.

151. Орлова, Е.А. К постановке вопроса о месте категории тревожности в социальной психологии / Е.А. Орлова // Проблемы социальной психологии. – Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1976. – С. 218-229. – ISBN отсутствует.

152. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Психология масс. Хрестоматия. – Самара : Издательский дом «Бахрах», 1998. – С. 195-314. – 592 с. – ISBN 978-5-17-099395-6.

153. Основы социально-психологической теории : учебное пособие для социологов, психологов, студентов и педагогов / Н. Н. Богомолова [и др.] ; под общей редакцией А.А. Бодалева, А.Н. Сухова. – Москва : Международная педагогическая академия, 1995. – 420 с. – ISBN 5-87977-031-1.

154. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.hse.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

155. Очирова, А. Социальная безопасность как основа социальной политики / А. Очирова. – Текст : электронный. – URL: <https://viperson.ru/articles/aleksandra-ochirova-sotsialnaya-bezopasnost-osnova-sotsialnoy-politiki> (дата обращения: 10.02.2023).

156. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с. – ISBN 978-5-8291-2254-6.

157. Переслегин, С.Б. Естественно-научный подход к экономической статистике / С.Б. Переслегин. – Текст : электронный. – URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_EcoStat.htm (дата обращения: 05.10.2019).

158. Перре, М. Клиническая психология / М. Перре. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 1312 с. – ISBN 5-314-00148-9.

159. Петухов, В.В. Новые поля социальной напряженности / В.В. Петухов // Социс. – 2004. – № 3. – С. 30-39. – ISSN 0132-1625.

160. Пирогов, И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения : специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Пирогов Игорь Владимирович ; Ивановский государственный энергетический университет. – Иваново, 2002. - 177 с. – Библиогр.: с. 160-173.

161. Платонов, Ю.В. Социальные конфликты на производстве / Ю.В. Платонов // Социс. – 1991. – № 11. – С. 20-25. – ISSN 0132-1625.

162. Платонов, Ю.П. Психология коллективной деятельности: Теоретико-методологический аспект / Ю.П. Платонов. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1990. – 184 с. – ISBN отсутствует.

163. Плюснин, Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год / Ю.М. Плюснин. – Новосибирск : ЦСА, 1999. – 32 с. – ISBN отсутствует.

164. Политическая социология : учебник для вузов / Ж.Т. Тощенко. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 495 с. – ISBN 5-238-00460-5.

165. Попов, В.Д. Социальная информациология и журналистика : учебное пособие / В.Д. Попов. – Москва : РАГС, 2007. – 336 с. – ISBN 978-5-7729-0255-4.

166. Попов, Р. Социальная напряженность и социальное неблагополучие / Р. Попов, А. Сусаров // Регионы России в 1998 году. – Москва : Гендальф, 1999. – С. 138-155. – ISBN отсутствует.

167. Почебут, Л.Г. Психология социальных общностей : учебное пособие для вузов / Л.Г. Почебут. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 246 с. – ISBN 978-5-534-09035-2.

168. Почебут, Л.Г. Социальная психология толпы : учебное пособие для вузов / Л.Г. Почебут. – 2-е издание исправленное и дополненное. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 153 с. – ISBN 978-5-534-08339-2.

169. Пригожий, А.И. Социология организаций / А.И. Пригожий. – Москва : URSS, 2022. – 264 с. – ISBN 978-5-9519-3114-6.

170. Прилутская, О.А. Психологические факторы преодоления социальных страхов у населения региона : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Прилутская Ольга Алексеевна ; РАНХиГС. – Москва, 1999. – 167 с. – Библиогр.: с. 149-164.

171. Прилутская, О.А. Социальная напряженность: причины возникновения и форма проявления / О.А. Прилутская // Вестник ОГУ. – 2001. – № 4. – С. 40-44. – ISSN 1814-6465.

172. Протестный потенциал : сайт ВЦИОМ. – Текст : электронный. – URL: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/__(дата обращения: 05.10.2019).

173. Психология конфликта / составление и общая редакция Н.В. Гришиной. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 448 с. – ISBN 978-5-91180-895-2.

174. Рабочая книга социолога / Под общей редакцией и с предисловием Г.В. Осипова. – 5-е издание. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 480 с. – ISBN 5-354-00278-8.

175. Роскош, М.В. Социальная напряженность: ее экономические причины и последствия / М.В. Роскош // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – № 3-2. – С. 221-225. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-ee-ekonomicheskie-prichiny-i-posledstviya> (дата обращения: 20.04.2020).

176. Россия на новом переломе: страхи и тревоги ; под редакцией М.К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – Москва : Альфа-М, 2009. – 160 с. – ISBN 978-5-98281-183-7.

177. Рукавишников, В.О. Пик напряженности под знаком белого коня / В.О. Рукавишников // Социс. – 1990. – № 10. – С. 15-22. – ISSN 0132-1625.

178. Рукавишников, В.О. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года – адаптация к кризису / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1993. – № 9. – С. 28-42. – ISSN 0132-1625.

179. Рукавишников, В.О. Социальная напряженность / В.О. Рукавишников // Диалог. – 1990. – № 8. – С. 8. – ISSN 2413-130X.

180. Рукавишников, В.О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 3-23. – ISSN 0132-1625.

181. Савина, М.О. Страх как социальное явление : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Савина Марина Олеговна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2004. – 153 с. – Библиогр.: с. 145-153.

182. Сагалакова, О.А. Социальные страхи и социофобии : учебное пособие / О.А. Сагалакова. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2009. – 102 с. – ISBN 978-5-7511-1838-9.

183. Санжаревский, И.И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии / И.И. Санжаревский. – Тамбов : Пролетарский светоч, 2012. – 234 с. – ISBN отсутствует.

184. Седов, Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92-100. – ISSN 0869-0499.

185. Сидорина, Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания / Т.Ю. Сидорина. – Москва : РГГУ, 2002. – 239 с. – ISBN 5-7281-0597-1.

186. Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса / Т.Ю. Сидорина. – Москва : Флинта Наука, 2003. – 456 с. – ISBN 5-89349-524-1.

187. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – Москва : Наука, 1981. – 288 с. – ISBN 9785446139477.

188. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – Москва : Феникс, 1998. – 688 с. – ISBN 5-7113-0106-3.

189. Соловьев, С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах / С.С. Соловьев // Социс. – 1993. – № 12. – С. 68-73. – ISSN 0132-1625.

190. Сосунова, И.А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки / И.А. Сосунова // Социологические исследования. – 2005. – № 7 (255). – С. 94-104. – ISSN 0132-1625.

191. Средства массовой информации: состояние и тенденции развития ; ответственный редактор Т.П. Сухомлинова. – Москва : РАГС, 2001. – 149 с. – ISBN отсутствует.

192. Степанов, Е.И. Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (на примере Нижнего Новгорода и Ярославля) / Россия реформирующаяся. Ежегодник ; ответственный редактор М.К. Горшков. – Выпуск 6. – Москва : Институт социологии РАН, 2007. – С. 235-252. – ISBN 978-5-94881-513-8.

193. Структура и механизм функционирования социального мониторинга. – URL: <http://soc-work.ru/article/147> (дата обращения: 05.10.2019). – Текст : электронный.

194. Сукиасян, С.Г. Стресс и постстрессовые расстройства: личность и общество / С.Г. Сукиасян, А.С. Тадевосян, С.С. Чшмаритян, Н.Г. Манасян. – Ереван : Асогик, 2003. – 348 с. – ISBN 9994130420.

195. Толстова, Ю.Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками / Ю.Н. Толстова. – Москва : Научный мир, 2000. – 352 с. – ISBN 978-5-534-03244-4.

196. Толстова, Ю.Н. Измерение в социологии : курс лекций / Ю.Н. Толстова. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – 224 с. – ISBN 978-5-98227-249-2.

197. Толстова, Ю.Н. Обеспечение однородности исходных данных в процессе применения математических методов / Ю.Н. Толстова // Социс. – 1990. – № 36. – С. 77–87. – ISSN 0132-1625.

198. Толстова, Ю.Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно–структурный анализ) / Ю.Н. Толстова // Социология: 4М. – 1997. – № 8. – С. 54–65. – ISSN 1994-8964.

199. Толстова, Ю.Н. Существует ли проблема социологического измерения? / Ю.Н. Толстова // Социология: 4М. – 1995. – № 5–6. – С. 103–117. – ISSN 1994-8964.

200. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение - феномен современной социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21-34. – ISSN 0132-1625.

201. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс. / Ж.Т. Тощенко. – Москва : Юрайт-М, 2001. – 511 с. – ISBN 5-7042-0893-2.

202. Тучков, Е.В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования : специальность 22.00.08 «Социальная управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Тучков Евгений Васильевич ; Орловская региональная академия государственной службы. – Орел, 2000. – 179 с. – Библиогр.: с. 137-153.

203. Ульянова, И.А. Социальная напряженность в студенческом социуме: Опыт социологического исследования : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Ульянова Ирина Александровна ; Пензенский государственный университет. – Пенза, 2005. – 177 с. – Библиогр.: с. 133-143.

204. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/44988> (дата обращения: 01.03.2023).

205. Ушвицкий, Л.И. Социально-экономическая устойчивость региона: состояние и проблемы развития / Л.И. Ушвицкий, Н.К. Васильева, М.Л. Ушвицкий // Региональная экономика: теория и практика. – 2005. – № 8. – ISSN 2311-8733. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-ustoychivost-regiona-sostoyanie-i-problemy-razvitiya> (дата обращения: 12.04.2023).

206. Фадеев, Е.В. Толпа и масса: сравнительный анализ психологических характеристик (свойств и качеств) / Е.В. Фадеев // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 146-149. – ISSN 1991-5497.
207. Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: www.gks.ru (дата обращения: 30.10.2016). – Текст : электронный.
208. Фельдман, Д.М. Политология конфликта : учебное пособие. / Д.М. Фельдман. – Москва : Стратегия, 1997. – 287 с. – ISBN 5-221-00031-8.
209. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 236 с. – ISBN 5-87399-129-4.
210. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 505 с. – ISBN 9785314001226.
211. Харитонов, В.И. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм) / В.И. Харитонов, А.А. Ожиганова, Н.А. Купряшина // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Москва : ИЭА РАН, 2008. – Выпуск 207. – 47 с. – ISBN 978-5-4211-0058-4.
212. Холл, К.С. Теории личности / К.С. Холл, Г. Линдсей. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 592 с. – ISBN 9785896920014.
213. Цыбульская, М.В. Конфликтология : учебное пособие, руководство по изучению дисциплины, практикум по курсу, учебная программа / М.В. Цыбульская. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2007. – 150 с. – ISBN 978-5-374-00308-6.
214. Цыганков, А.П. Социально-классовые основания стабильности политических режимов / А.П. Цыганков // США: экономика, политика, идеология. – 1992. – № 4. – С. 32. – ISSN 0321-2068.
215. Чернобай, П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения / П.Д. Чернобай // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 94–98. – ISSN 0132-1625.

216. Шерстнева, Г.С. Социальная статистика: конспект лекций / Г.С. Шерстнева. – Москва : Издательство Эксмо, 2009 г. – 156 с. – ISBN 978-5-517-02624-8.

217. Шмонин, Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений / Д.А. Шмонин // Вестник Самарского государственного университета. – 1999. – № 3. – ISSN 1993-0453. – Текст : электронный. – URL: <http://http://www.psb.ru/samara/univer.html> (дата обращения: 05.10.2019).